

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Исторический факультет

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

Институт всеобщей истории

Научно-образовательный центр по истории

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Выпуск 4

Москва 2008

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Исторический факультет

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК**

Институт всеобщей истории

Научно-образовательный центр по истории

**STATE
UNIVERSITY
FOR HUMAN SCIENCES**

Historical Faculty

**RUSSIAN
ACADEMY
OF SCIENCES**

Institute of Universal History

Research and Educational Center for History

STUDIES IN PRIMARY SOURCES

Volume 4

Moscow 2008

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Исторический факультет

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК**

Институт всеобщей истории

Научно-образовательный центр по истории

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 4

Москва 2008

ББК 63.3
И 91

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик А.О. Чубарьян (*отв. редактор*),
д.и.н. М.В. Бибииков, д.и.н. М.В. Винокурова, С.Б. Вольфсон,
А.А. Красова, А.А. Михайлов, Л.М. Орлова-Гимон,
к.и.н. М.А. Петрова, д.и.н. С.С. Секиринский,
д.и.н. Л.В. Столярова

СОСТАВИТЕЛЬ:

к.и.н. Т.В. Гимон

Источниковедческие исследования / Отв. ред. А.О. Чубарьян; Сост. Т.В. Гимон. – М. : ИВИ РАН, 2008. – Вып. 4. – 256 с.

Сборник содержит статьи по источниковедению истории России и других стран от средневековья до XX в., посвященные изучению источников разных видов: древнего историописания, мемуаров и автобиографий, периодической печати, писем во власть, массовой пропагандистской литературы (XVI и XX вв.), фольклора. Для историков, источниковедов и всех интересующихся отечественной и зарубежной историей.

ISBN 5-94067-235-3

Содержание

ДРЕВНИЙ МИР

- А.А. Красова.* Ассирийское историописание XIV–VII вв. до н.э.: Многообразие жанров 7

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

- А.К. Гладков.* Иоанн Солсберийский во Франции первой половины XII в. (Опыт прочтения главы II: 10 трактата “Металогик”) 37
- Ю.Ф. Игина.* Ад, дьявол, ведьма и “несчастный проstack”: “Антиведовской памфлет” как инструмент воздействия на обыденное сознание (Англия, 1592 г.) 60

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

- М.А. Мельниченко.* Представления о роли евреев в революции 1917 г. в политических анекдотах первых лет советской власти 84
- Е.П. Макарова.* Кампания по ликвидации неграмотности: Буквари для взрослых и методики обучения 98
- Н.В. Коваленко.* Советские газеты о разгроме правой оппозиции на XVI Всесоюзной партийной конференции: Сравнительный анализ 109
- М.В. Ромашова.* Журнал “Работница” как источник по истории советского детства (1945–1953 гг.) 154
- А.В. Суворова, Н.М. Сумерина.* Советская детская периодика как исторический источник (журналы “Костер” и “Пионер” за 1945 и 1962 гг.) 172

<i>Е.В. Суровцева.</i> “Письма вождю” как источник по истории русской литературы: Обращения советских писателей во властные структуры (1917–1953 гг.)	196
<i>М.И. Смирнов.</i> Воспоминания Г.Ф. Харьковцова как исторический источник	224
Список принятых сокращений	246
Сведения об авторах	248
Содержание выпусков 1–3	250
Summaries	253

А.А. Красова

Ассирийское историописание

XIV–VII вв. до н.э.:

Многообразие жанров*

Включаясь в занимательное дело реконструкции обществ Древней Греции и Древнего Рима, далеко не в последнюю очередь мы обращаемся к исторической прозе того времени, впечатляющей и обзором политических и военных событий, и этнографическими зарисовками, и увлекательным повествованием с интригующими сюжетными переходами, скачками, авторскими отступлениями и прочими приемами, призванными пробудить интерес читателя, а также ненавязчиво, но в то же время старательно подтолкнуть его занять точку зрения сочинителя.

Ничего похожего, к нашему огорчению, месопотамская письменная традиция не знала. Единственным исключением, пожалуй, стоит считать “Вавилонскую историю” (или “Халдейскую историю”) Бероса¹, младшего современника Александра Македонского, написанную на греческом языке и посвященную Антиоху I Сотеру. Не имевшая серьезного успеха у греко-римской аудитории, она дошла до нас лишь несколькими отрывками в сочинениях более

* Автор выражает признательность А.А. Немировскому, Т.Л. Вилкул и И.Н. Данилевскому, без комментариев и замечаний которых данная публикация оказалась бы невозможной.

¹ Фрагменты “Вавилонской истории” опубликованы: *Schnabel P. Berossus und die babylonisch-hellenistische Literatur.* Leipzig; B., 1923. S. 249–275; *Burstein S.M. The Babyloniaca of Berossos.* Malibu, 1978; ИДВТД. С. 297–308. О времени составления “Истории” Бероса, а также влиянии на нее греческой и вавилонской исторической традиций см.: *Verbrugge G.P., Wickersham J.M. Berossos and Manetho Introduced and Translated: Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt.* Ann Arbor (Michigan), 2000; *Бухарин М.Д. Раннеэллинистические хорографы: Мегасфен, Гекатей Абдерский и Берос* // ВДИ. 2000. № 2. С. 98–99.

поздних авторов (Иосифа Флавия, Юстина, Тациана, Климента Александрийского, Евсевия Кесарийского), судя по которым, она представляла собой причудливую смесь античной и месопотамской традиций. Так что за всю долгую историю этого региона здесь не возникло памятников историописания, даже отдаленно напоминающих греческие “истории”². Все тексты, из которых сегодня мы черпаем сведения об истории Месопотамии, возникали из сугубо практических нужд и никогда не претендовали, да и не могли претендовать на то, чтобы считаться собственно историческими сочинениями, на манер тех, что знает античная традиция.

Исторические события в Месопотамии фиксировались в царских надписях и анналах, хрониках, списках эпонимов, царских списках³, а также письмах, запросах и гимнах богам. Цель этой

² По этой причине нередко противопоставляется историческое сознание и соответствующий ему тип мышления и восприятия исторического процесса на Ближнем Востоке I тыс. до н.э. и в Античном мире (подробнее об этом с историографическим обзором см.: *Veinberg И.П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э. М., 1993. С. 6–19, 297–315). О греческой исторической традиции как об основе, к которой восходят в конечном счете все европейские исторические традиции, см.: *Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Greek Historical Writing and Apollo. Oxford, 1908. P. 5–6; *Finley M.I.* Myth, Memory and History // Harvard Theological Review. Cambridge, 1965. Vol. 4, part. 3. P. 281–284; *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 59–60, 83; *Müller R.* Herausbildung und Formen des Geschichtsdenkens in Griechenland // *Klio*. 1984. Bd. 66, no. 2. S. 336–337; *Немировский А.И.* Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 3–4.

³ Царские списки обозревают всех правителей Месопотамии, начиная с мифического времени, когда «царская власть спустилась с небес на землю», содержат имена многих царей, названия их столиц и сроки правления. История Вавилонии и Ассирии сравнительно полно и последовательно отражена в нескольких таких списках, доходящих до времени персидских Аршакидов (250 г. до н.э. – 227 г. н.э.), сохраняя неизменными традиционные формулировки. Царские списки содержат указания на сроки правления и деления на династии, помимо этого – упоминания (иногда зашифрованные) о важных событиях (особенно древнейшего периода), а также имена некоторых высших должностных лиц. Списки соотносят между собой правителей Ассирии и Вавилонии (однако сохранился только конец текста, где речь идет о последних веках существования Новоассирийского царства). Подробнее о царских списках см.: *Sacks A...* *Wiseman D.J.* A Babylonian King List of the Hellenistic Period // *Iraq*. 1954.

статьи – показать многообразие жанров, которые выработала ассирийская историографическая традиция во второй половине II тыс. – первой половине I тыс. до н.э., проанализировать разные группы текстов с точки зрения их внешней и внутренней формы, дать введение в основные проблемы, связанные с исследованием этих текстов. Ведь неизбежно, приступая к изучению материалов занимающего его периода, исследователь сталкивается с целым рядом трудностей, связанных со спецификой источников. Нередко в замешательство его приводит даже не столько их форма, сколько представленная в них информация, закодированная и требующая предварительной подготовки и навыков, необходимых для ее “расшифровки”.

Ассирийским текстам уделено немало внимания в литературе⁴,

Vol. 16. P. 202–211; *Malamat A.* King Lists of the Old Babylonian Period and Biblical Genealogies // *Journal of American Oriental Society*. 1968. Vol. 88. P. 163–173; *Röllig W.* Zur Typologie und Entstehung der babylonischen und assyrischen Königslisten // *Festschrift Wolfram Freiherr von Soden = Alter Orient und Altes Testament*. 1969. Bd. 1. S. 265–277; *Grayson A.K.* Königslisten und Chroniken B. Akkadisch // *Reallexikon der Assyriologie*. 1980. Bd. 6/1–2. S. 86–135. Обзорную статью об ассирийских царских списках см.: *Azize J.* Who was Responsible for the Assyrian King List? // *Abr-Nahrain*. 1998. Vol. 35. P. 1–27.

⁴ В отличие от сведений античных авторов и библейской традиции, которые в первую очередь использовались при датировке событий и реконструкции политической истории Ближнего Востока второй половины I тыс. до н.э., данные клинописных источников стали привлекать внимание относительно недавно – чуть больше полутора столетий назад (подробнее о деятельности Г. Раулинсона, Э. Хинкса, Ж. Опперта, Дж. Смита и пр. см.: *Гордон С.Г.* Забытые письмена: Открытие и дешифровка. СПб., 2002. С. 81–117). К 1930-м годам надписи и анналы были частично собраны и опубликованы, но использовались в исследованиях весьма ограниченно, с 1930-х до 1970-х годов публикация памятников сопровождалась подробным исследованием и развернутым комментарием, а с конца 1980-х годов под руководством Симо Парполы началось издание “*State Archives of Assyria*”, где представлены разнородные документы – от царских надписей и анналов до корреспонденции ассирийских царей: *Budge E.A.W., King L.W.* Annals of the kings of Assyria. L., 1902; *Luckenbill D.D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1926. Vol. 1; 1927. Vol. 2; *Lie A.G.* The Inscriptions of Sargon II, king of Assyria. P., 1929. Part 1: The Annals; *Piepkorn A.C.* Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal. Chicago, 1933. Vol. 1; *Wiseman D.J.* Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 BC) in the British Museum. L., 1956; *Borger R.* Die Inschriften Asarhaddons

они постоянно привлекаются для изучения разных аспектов политической и социальной истории Ассирии, однако типологизация жанров ассирийского историописания как самостоятельная проблема в историографии затрагивалась сравнительно мало. Пионером в области изучения ассирийского историописания стал Ал. Олмстед, опубликовавший в 1916 г. монографию “Ассирийская историография”⁵, где и поставил основные проблемы, такие как типологизация жанров, их функции и предназначение, адресат и сфера бытования. Изучению новоассирийского историописания и оценкам его самобытности посвящены работы Дж. Томпсона и А.Л. Оппенгейма⁶. А. Грэйсон выделил следующие жанры в историописании новоассирийского периода: царские надписи, хронографические тексты, историко-литературные тексты, а также эпо-

Königs von Assyrien. Osnabrück, 1967; Grayson A.K. Assyrian Royal Inscriptions. Wiesbaden, 1972. Vol. 1; 1976. Vol. 2; *Idem.* Assyrian and Babylonian Chronicles. Texts from Cuneiform Sources. N.Y., 1975; Glassner J.-J. Chroniques Mésopotamiennes. P., 1993; Millard A. The Eponyms of the Assyrian Empire, 910–612 BC // State Archives of Assyria Studies. Helsinki, 1994. Vol. 2; The Inscriptions of Tiglath-pileser III King of Assyria / Ed., transl. and comment. by H. Tadmor. Jerusalem, 1994; Иванчик А.И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996. С. 12–14, 61–63, 73, 78, 100–110, 167–289; State Archives of Assyria / Ed. by S. Parpola. 11 vol. Helsinki, 1987–2008. См. также: <<http://www.livius.org/cg-cm/chronicles/chron00.html>>; <<http://www.livius.org/babylonia.html>>.

⁵ *Olmstead A.T.E.* Assyrian Historiography. Columbia, 1916 (или: <http://www.pdfbooks.co.za/library/ALBERT_TEN_EYCK_OLMSTEAD/ALBERT_TEN_EYCK_OLMSTEAD-ASSYRIAN_HISTORIOGRAPHY.pdf>). В отечественной историографии первым обратил внимание на анналы новоассирийских царей (Салманасара III, Тиглатпаласара III, Саргона II и Ашшурбанапала) Н.А. Астафьев. Он исследовал тематику повествования, не обошел вниманием способ подачи материала и очевидные умолчания в источниках, проследил эволюцию датировочных формул от Салманасара III до Ашшурбанапала. Подробнее см.: *Астафьев Н.А.* Летописи ассирийских царей // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. № 6. С. 165–201; 1880. № 1. С. 73–135; *Он же.* Древности вавилоно-ассирийские по новейшим открытиям: 3 публичных лекции // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 47–74.

⁶ *Thompson J.W.* History of Historical Writing. N.Y., 1942. Vol. 1; *Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980. С. 234–235.

сы⁷. Кроме того, ученый определил функции историописания в Ассирии – пропагандистскую, дидактическую, юридически-дипломатическую и календарно-хронологическую. Согласно предположению Кл. Вилке, надписи на статуях и стелах содержали в том числе и учебные тексты. Тем самым он заострил внимание на дидактической стороне анналистики, чему находят параллели в ветхозаветной традиции⁸.

* * *

Под именем “царских надписей”⁹ и “анналов” в литературе известны тексты, составленные от имени царя, адресованные его небесным покровителям и изобилующие рассказами о его успешных военных кампаниях и охотничьих подвигах, неизменно заставляющими каждый раз удивляться его мужеству, упорству и неукротимой решительности, о строительстве и поновлении дворцовых ансамблей и храмов. Собственно, граница между двумя этими жанрами довольно зыбкая, и сущность различий сводится к пространности (краткие тексты называют собственно “царскими надписями”, расширенные же, по структуре, а по способу подачи материала еще не разошедшиеся с ними – “анналами”).

Письменная традиция Двуречья началась с надписей старошумерских правителей¹⁰. Самые ранние из них были чрезвычайно краткими и состояли лишь из имени царя, его титула и названия города, в котором тот правил¹¹. Однако непосредственного пред-

⁷ Grayson A.K. *Histories and Historians of the Ancient Near East: Assyria and Babylonia* // *Orientalia*. 1980. Vol. 49, no. 2. P. 140–194 (особенно p. 140–141, 189–191).

⁸ Wilcke Cl. *Zum Geschichtsbewußtsein im Alten Mesopotamien* // *Archäologie und Geschichtsbewußtsein. Kolloquien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie* / Ed. Müller-Karpe. München, 1982. Bd. 3. S. 31–52 (особенно s. 39–42).

⁹ К царским надписям в широком смысле относят самые разные тексты, как обращенные к современникам (указы, договоры, своды законов), так и запросы богам и тексты, адресованные потомкам. К последним относятся победные, строительные и посвятельные (вотивные) надписи, а также закладные и памятные надписи на стелах. Сюда же примыкают ассирийские анналы.

¹⁰ См.: Емельянов В.В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. СПб., 2003. С. 171–180.

¹¹ Подробнее о старошумерских царских надписях (жанровые особенности текстов, разработка приемов формулярного анализа, наблюдения над функциями надписей в обществе) см.: Гаврилова Ю.Б. *О методике*

шественника ассирийским царским анналам XIV–VII вв. до н.э. среди шумерских источников не обнаруживается, и исследователи связывают возникновение этого жанра в Ассирии с влиянием хеттской традиции, надписи и анналы которой являли собой своеобразный отчет о реальной деятельности правителя или, скорее, список его достижений, таких как военные победы, гражданское и храмовое строительство, а также законодательная деятельность¹².

Исполненные в виде такого же списка достижений царские надписи / анналы мы встретим и в Ассирии. Надписи составлены в форме военных реляций, невероятно тенденциозны и чувствительны к представлению любых военных операций с сомнительным завершением (систему умолчания о поражениях мы рассмотрим ниже). Анналы и надписи ассирийских царей поддаются делению на три условные части – официальную титулатуру и генеалогию, собственно изложение событий военных кампаний и/или описание строительства и завершающую часть, обыкновенно включающую формулы благословения, проклятия, а также датировки.

Палитру возможностей для анализа царских надписей и анналов целесообразно представить, опираясь на обширный корпус параллельных письменных источников. Среди них: запросы к оракулам, письма и гимны богам, компилятивные хроники, а также царские списки и списки лимму. Материалы этих источников позволяют существенно дополнить и конкретизировать наши знания об уже известных по надписям фактах и событиях. К примеру, запросы к оракулу могут содержать сведения об успешно закончившихся волнениях или восстаниях против ассирийской власти, чего невозможно встретить в официальных текстах – кратких либо пространных надписях, а также анналах. Гимны, чествующие богов за дарование тех или иных побед, запечатлевают особенно значимые события как внутри страны, так и на внешнеполитической арене, и тем самым могут получить дополнительное подтверждение данные параллельных источников. Списки эпонимов (лимму) позволяют выявить те походы и военные экспедиции, которые

изучения старошумерских царских надписей // Россия и арабский мир. СПб., 2000. Вып. 6. С. 20–25; Она же. Сакральные формулы царских надписей Урукагины // Петербургское востоковедение. 2002. № 10. С. 230–245 (с подробным обзором подходов и методик изучения этих текстов среди отечественных и зарубежных исследователей).

¹² См.: Иванов В.В. Хеттский язык. М., 1963. С. 35–37; Меликивили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 113.

снаряжались правителем, но по каким-либо причинам оказывались неудачными и потому не находили отражения в царских надписях.

Изучая любой источник, невозможно обойти стороной вопрос о материале, который зафиксировал его текст. Общеизвестно, что обделенные такими природными материалами, как камень или папирус, но располагавшие в невероятном количестве глиной, жители Двуречья стали применять ее в качестве писчего материала¹³. Для этого использовались мягкие сорта глины, предварительно очищенные в воде от солей и иных примесей. На мягкой еще глине с помощью горизонтальных, вертикальных и угловых клиньев, различные сочетания которых давали более 600 знаков, записывали ту или иную информацию. Обжигу за отсутствием в регионе лесов подвергались лишь таблички, имевшие первостепенную важность, – например, царские надписи или экземпляры, предназначенные специально для хранения в библиотеках. Все прочие просто высушивались на солнце. Помимо глиняных табличек тексты памятных / посвячительных надписей запечатлены множеством имеющихся в нашем распоряжении печатей и металлических пластинок¹⁴.

Анналы на глиняных цилиндрах и призмах¹⁵, строительные и посвячительные надписи закладывались в недоступных частях, чаще всего в основание, строящихся зданий; найдены они могли быть лишь при перестройке или обновлении сооружения, либо же в ходе археологических раскопок. Тексты анналов могли быть выбиты на статуях шеду (крылатых быков) в царских дворцах и на каменных плитах стен дворцовых зал (например, анналы Ашшур-нацирапала из дворца в Калху и анналы Саргона II из дворца в Дур-Шаррукине).

Известно, что памятники эти составлялись более чем в одной

¹³ Подробнее о материалах для письма см.: *Grayson A.K. Papyrus and Tablet. Englewood Cliffs, 1973; Дандамаев М.А. Вавилонские писцы. М., 1983. С. 16–18.*

¹⁴ Со второй половины I тыс. до н.э. стали активно применять кожу, привозной папирус и вытянутой формы дощечки из дерева, реже из слоновой кости, покрытые воском, – но они служили для ведения отчетных записей, а не для монументальных надписей. Материал этот был несравненно удобней глины: можно было остановить работу, а затем вновь продолжить ее в любой момент.

¹⁵ Цилиндры несут более пространную, чем призмы, строительную надпись.

копии: текст анналов Синаххериба (на шестигранной призме Тэйлора, обнаруженной в фундаменте его дворца) с незначительными сокращениями представлен также на статуях шеду из дворца в Ниневи¹⁶, о редакции НТ (ок. 660 г. до н.э.) анналов Ашшубанапала (ни одной призмы до нас не дошло) можно судить по двум глиняным табличкам из царского архива в Куянджике¹⁷. Парадные (или торжественные) варианты царских или храмовых надписей высекались на скалах, каменных стелах или обелисках.

Царские надписи и анналы в Ассирии известны со среднеассирийского периода (XIV–XI вв. до н.э.), с Ададнерари I (ок. 1300 г. до н.э.)¹⁸. Оба этих жанра развились из закладных надписей, которыми царь посвящал возведенное по его приказу здание богам. Первоначально они были кратки и лаконичны, сообщая лишь, что царь N такого-то города богам то-то посвятил. Впоследствии титулатура наращивалась: к хвалебным эпитетам стали прибавлять и конкретно-исторические (“покоритель N”, “поправший тех, побивший этих” и т.д.), в дальнейшем выросшие в развернутые описания походов и иных свершений царя, которыми он мог похвалиться перед богами (по объему в тексте занявшие первое место и таким образом отодвинувшие описание строительства в самый конец надписи). В новоассирийскую эпоху они стали еще более многословными за счет славящих царские доблести и заслуги эпитетов, подробностей походов и многочисленных батальных сцен и/или картин охоты, тщательных описаний тех невероятно сложных испытаний и опасностей, которые вставали на пути правителя.

¹⁶ АВИИУ. № 3. С. 211.

¹⁷ *Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации... С. 103, 266.

¹⁸ Анналы IG Ашшурбанапала (3 известняковые плиты в основании храма Иштар в Ниневи, 120 фрагментов плит) – это последние дошедшие до нас ассирийские анналы (датируются 640 г. до н.э., кончаются разгромом Элама и присягой Кира Персидского), следующая редакция Н (639 г. до н.э.) представлена фрагментами призм. После 630-х годов до н.э., по мнению Э.А. Грантовского, анналы и вовсе перестали составляться. Однако вполне возможно, что фрагменты соответствующих источников до сих пор не найдены. Публикацию и переводы царских анналов и надписей см.: *Luckenbill D.D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1926. Vol. 1; 1927. Vol. 2; *Grayson A.K.* Assyrian Royal Inscriptions... Vol. 1–2; *Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации... С. 107, 121, 185–189, 261–279; ИДВТД. С. 225–227, 248–259; АВИИУ. № 2-3.

Тексты такого рода предназначались далеко не одним богам (сомнительно предполагать, чтобы развернутая литературная и “историографическая” традиция существовала в Месопотамии лишь для информационного окормления высших существ, которым, по определению, и так известно все в мельчайших деталях). Тексты на стенные плиты дворцовых зал помещали с той целью, чтобы божества, их увидев и прочитав, сочли бы царствующую особу в высшей степени достойной править, не отвернулись бы от нее, равно как и проходившие по коридорам и залам придворные, купцы, чиновники и послы иноземных стран. И тем, и другим также адресовались наскальные надписи; если же надписи закладывались в фундамент или высекались на стенных плитах, то, без сомнения, они были предназначены исключительно для глаз богов¹⁹.

Для Ассирии характерна практика неоднократного составления анналов за время правления одного царя. Анналы Ашшурбанапала сохранились в нескольких разновременных редакциях. Каждая последующая редакция дополнительно включала в себя сообщения об успешных кампаниях, осуществленных с момента составления предыдущей редакции. Известия прежних редакций, упоминать о которых по тем или иным причинам становилось неуместно, изымались, а те, которые успели потерять свою актуальность, значительно сокращались²⁰.

Называя эти источники “анналами”, отдадим дань некоторой условности этого термина. Под таким именем в науке известны пространные, обстоятельные царские надписи, составленные в форме некоего отчета небесному покровителю от лица самого правителя и непременно заканчивающиеся описанием строительной деятельности царя. Объединяют они события его царствования, изложенные не в строгой временной последовательности, а скорее в тематическом порядке: события внутри текста сгруппированы и распределены более по тематико-географическому принципу, нежели по хронологическому принципу²¹.

¹⁹ Ср.: *Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия... С. 80.

²⁰ Подробнее о редакциях анналов см.: *Иванчик А.И.* Киммерийцы в Передней Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 8–11; *Он же.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации ... С. 100–103, 107–110, 261–279; *Piepkorn A.C.* Historical prism inscriptions of Ashurbanipal. Chicago, 1933. Vol. 1. P. 4–6.

²¹ Ср.: *Источниковедение истории Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина.* М., 1984. С. 125.

Необходимость логически увязать друг с другом события, связь между которыми может сделаться размытой и неясной или, хуже того, вовсе прервется, если четко придерживаться хронологии изложения, побуждает писца изменить фрагмент текста и организовать его так, чтобы акцент в повествовании был выражен на логических, а не на временных связях, что неизбежно вызывает “сбои” в хронологии. Например, анналы, целиком сосредоточенные на военных достижениях и победах царя, специально не излагают события предыдущего правления. Если же логика изложения требует напомнить о взаимоотношениях Ассирии и вновь отвоеванных земель, то непременно в текст будет помещен экскурс, отмечающий основные вехи этих отношений, сообщающий только самые важные и политически значимые обстоятельства. Так, Ашшурбанапал, говоря об одной своей крупной победе над Лидией, считает безусловно необходимым обозреть те отношения, что связывали его с данной страной до и после этой победы, до момента составления текста включительно, приводя в этом отрывке все мало-мальски значимые военные операции, упомянув о заключенных или же расторгнутых договорах и пр., тем самым разрывая хронологически выдержанное изложение своих побед и прочих свершений²². Данный случай – не единичный. Хотя тематико-географический принцип изложения событий господствует на протяжении всего текста, он не вытесняет хронологический, а дополняется им. Имеются также анналы, в которых годичный принцип формирует структуру текста (см. анналы Салманасара III, Тиглатпаласара III, Саргона II), однако это редчайшие случаи²³.

И хотя в ассирийской анналистике хронологический принцип ослаблен и, как правило, не диктует размещение известий внутри текста, из всех видов царских надписей анналы более всего склонны следовать такому порядку изложения, разграничивая текст по годам правления царей и/или по эпонимам. К примеру, торжественные надписи конца царствования Тукульти-Нинурты I (1233–1197) демонстрируют хронологические нарушения, относя победу, одержанную им над хеттами, к «началу его правления»²⁴. Извест-

²² См.: *Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации... М., 1996. С. 101–102.

²³ АВИИУ. № 2. С. 311, 316–319.

²⁴ Подробнее о типах вступительных датировочных формул (*ina šurru kussē šarrūti-ia ina mahṛī palē-ia* = «когда я воссел на царственный трон в первый год моего правления»; *ina šurrāt šarrūti-ia ina mahṛī palē-ia* «в нача-

но, что ни надписи более раннего времени, ни дипломатическая переписка с хеттским царем того периода ни о чем подобном не говорят. В надписи Тп. 16: «В начале моего царствования, в первое время моего правления, я согнал 28000 мужей страны Хатти из-за реки Пуратту и привел их в мою страну»²⁵. Предшествующие ей по времени надписи не подтверждают этого: «В начале моего царствования, в первое время моего правления я завоевал страну Кути, страну Укумани, страны Элхуниа и Шарнида, страну Мехри» и «В начале моего царствования я двинулся на страну Укумени... Стал я господином над обширной страной Кути... страну Элхуниа... я наложил на них подать и дань... 5 крепостей страны Кадмухи... я завоевал», – ни словом не упоминая о походе против хеттов²⁶. Вероятнее всего, как предположил А.А. Немировский, столь “вольно” обойтись с хронологией позволили особенности жанра торжественных надписей, не нацеленных на изображение событий во временной последовательности, и туманности выражения «в начале царствования», позволяющей объять этой формулой и события более позднего периода²⁷.

ле моего царствования в первый год моего правления» и *ina šurrât šarrūti-ia* (позднее – *rēš šarrūti-ia*) *ina mahri palē-ia ša ina kussē šarrūti rabiš ūšibu* «в начале моего царствования в первый год моего правления, когда я воссел на царственный престол») и их эволюции см.: *Weidner E.F. Die Königsliste aus Chorsābād // Archiv für Orientforschung. 1941–1944. Vol. 14. S. 40–53; Tadmor H. The Campaigns of Sargon II of Assur: A Chronological-Historical Study // Journal of Cuneiform Studies. 1958. Vol. 12, N 1. P. 22, 24–33* (с литературой). В частности в последней статье подробно исследуется вопрос о внутреннем делении текстов призм и анналов Саргона II по годам правления = военным кампаниям царя (*palû*) и самой системе отсчета, при которой счет лет по походам (*palû*) возник не как синоним календарного года правления (*šatti*) и поначалу шел от первого (полного) года правления, но с приходом к власти Тиглатпасалара III был увязан с годом воцарения. *Palû* использовали еще в среднеассирийских хрониках, а в царских надписях эта датировка впервые встречается у Салманасара I (1263–1234). Также о датировочных формулах см.: *Negri Scafa P. The Scribes of Nuzi: Date formulae and their use in the Nuzi corpus // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008. (Studies in Ancient Oriental Civilization; No. 62). P. 119–125.*

²⁵ ИДВТД. С. 250.

²⁶ Там же. С. 248–250.

²⁷ Там же. С. 250–252. Такие размытые обороты встречаются также и во вступительной части торжественных надписей Синахериба на горах

Рассмотрим структуру текста надписей / анналов более детально.

1. **“Преамбула”**. Надписи и анналы открываются титулатурой с обязательными эпитетами, как лишенными исторического содержания, так и прославляющими конкретные достижения царя, и его официальной генеалогией.

Невозможно обойти вниманием такой неперемный элемент царских надписей, как титулатура²⁸. Составляют ее два больших блока: общие эпитеты хвалебного толка и прославления военно-политических побед и иных удач, заслуженных царем перед богами (конкретно-историческая часть). Первые помогают приблизиться к тогдашнему пониманию сути царской власти, вторые же успешно применяются для реконструкции политических событий царствования, относительной датировки надписей одного и того же царя и пр.

Общие эпитеты – это обязательный атрибут любой титулатуры, своего рода устойчивые клише, развернутые формулы со стержневым словом или без него, четко передающие те смысл и значение, которыми наделялась власть царя. Нередко лишенные исторического содержания, они прославляли те качества правителя, без которых невозможны не только военные удачи и прочие достижения самого царя, но и успешное функционирование государства в целом, а также процветание страны, управлять которой тот был поставлен по воле божеств²⁹. Помещенный ниже отрывок из анналов Ашшурбанапала (668 – ок. 630/627) дает четкое представление о

Бавиан и Джуди-даг. Охватывая значительный временной интервал, они, однако, указывают не на отдельный этап в его царствовании, а на весь период правления: «В это время», «в то время» (АВИИУ. № 3. С. 212, 214). Если подобные формулы разграничивают фрагменты повествования, в этом случае они указывают не на одновременность событий, а на их известную близость по времени.

²⁸ О рельефах и изображениях на них как об отражении и продолжении царской титулатуры см.: *Watanabe C.E. The classification of methods of pictorial narrative in Assurbanipal's reliefs // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008. (Studies in Ancient Oriental Civilization; No. 62). P. 321–331.*

²⁹ Ср.: «От личных качеств царя, его добродетелей или пороков, заслуг или преступлений зависит не только успех или неудача в политических делах, но и урожай, климат – вся жизнь страны» (*Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. Очерки. М., 1983. С. 20.*

сущности царской власти и ее значении для жителей страны.

По повелению богов великих, коих имена я назвал,
Коим хвалу я произнес – тем, что устроение царствования моего по-
велели,
И попечение о святилищах своих мне поручили,
За меня супостатам моим отплатили, врагов моих истребили,
Муж могучий, любимец Ашшура и Иштар,
Потомок царственности – я!
После того как Ашшур, Син, Шамаш, Адад, Бел, Набу...
Милостиво на престол отца-родителя моего меня посадили,
Ада дожди свои излил, Эйа источники свои открыл,
До пяти локтей поднялось зерно в росте своем,
До пяти шестых локтя был колос длиною,
Был урожай ровен – расцвет Нисабы,
Неуклонно луга наливались,
Плодовые деревья плодоносили, скот удавался при рождении.
Под властьюю моею изливалось плодородие, в годы мои копилось
изобилие³⁰.

Сравним титулатуры одной из надписей Тукульти-Нинурты (1233–1197), анналов Синаххериба (704–681)³¹ и надписи Асархаддона (680–669)³².

Тукульти-Нинурта, царь вселенной, царь страны Аш- шур, царь четырех сторон (света), бо- жественное солнце всех людей, царь могучий... царь, кому боги помогли добиться его же- ланных побед и кто пасет четыре стороны (света) своим страшным могуществом –	[Я] – Синаххериб, великий царь, могу- чий царь, царь оби- таемого мира, царь Ассирии, царь четы- рех стран света, пре- мудрый пастырь, по- слушный великим богам, хранитель ис- тины, любящий справедливость, тво- рящий добро, прихо- дящий на помощь убогому, обращаю- щийся ко благу, со-	Асархаддон, царь вели- кий, царь могучий, царь вселенной, царь Ассирии, правитель Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь Кардуниаша, ...воз[вышен- ный] сам[одерж]ец Аш- шура, [Шамаша], Набу [и Мардука], царь царей, бесстрашный в бою, со- верш[енный] герой, бес- пощадный в сражении, всемогущий вельможа, державший [на] веревке князей, рассвирепевший
---	--	---

³⁰ Когда Ану сотворил небо: Литература древней Месопотамии / Пер. и сост. В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова. М., 2000. С. 328–329.

³¹ ИДВТД. С. 249–250, 253–254.

³² Хрестоматия по истории Древнего Востока / Сост. и коммент. А.А. Вигасина. М., 1997. С. 175.

(вот) я! – сын вершенный герой, Шульмануашареда, могучий самец, пер- царя вселенной, вый из правителей, царя страны Аш- узда, смиряющая шур, сына Аладне- строптивных, испепе- рари, также царя ляющий молнией су- вселенной, царя постатов. страны Ашшур.

пес, мстящий за [своего] отца, породившего его, царь, который справедливо правит с помощью Ашшура, Шамаша, Набу и Мардука, богов, его помощников, и достиг своих желаний, [тот, который] сломал, как камыш, и растоптал своими ногами всех непослушных ему, непокорных ему князей, обеспечивший жертвоприношения великих богов, мысли которого направлены (?) на почитание богов и богинь.

Царь по надписям предстает не как индивидуум, что-то сумевший сделать для себя, для своего развития и совершенствования, но именно как правитель – как известный набор социальных и политических ролей и функций, успешное выполнение которых напрямую зависит и от его личных качеств, и от даруемых богами покровительства и защиты. Потому и оцениваться его деяния будут лишь в заданных обществом ролевых рамках. Правитель, демонстрирующий свою мощь воина, правителя и мужчины, выступает как успешный военачальник, закрепляющий славу и величие своей страны победоносными войнами, оборотивший всего себя на поддержание справедливости внутри страны – на защиту угнетаемых и притесняемых, – устанавливающий новые (более мудрые и честные) порядки (если речь идет о законах) и пр. Мы в полном праве считать все царские надписи, в том числе и анналы, своеобразными списками достижений правителя, за которые он удостоивается доброй памяти потомков и благосклонности богов³³.

Титулатуры царских надписей также приводят важные, с точки зрения самого царя, выдержки из титулатур его ближайших предшественников на престоле (отца и деда), точнее – тех, к кому себя возводит правитель, от имени которого составляется текст. Прокламируются их военные и политические победы и достижения,

³³ Первым на эту особенность обратил внимание, работая с анналами Тиглатпаласара III, Н.А. Астафьев (*Астафьев Н.А. Летописи... 1879. № 6. С. 176, 199*).

подчеркивающие величие и славу его предков, равно как и подтверждающие его собственное могущество как их непосредственного преемника. Сама по себе генеалогия правителя должна свидетельствовать о непрерывности политической традиции и продолжении царствующей династии, а значит – и о легитимности правления данного царя. Сравним помещенный выше отрывок из надписи Тукульти-Нинурты с титулатурой его деда Ададнерари I (1295–1264).

Ададнерари, светлый государь, наместник богов, основатель городов, истребитель мощных племен касситов, кутиев, лулумеев и шубарейцев... расширивший границы и пределы, царь, к ногам коего Ану, Ашшур, Шамаш, Адад и Иштар склонили всех правителей и государей, славный первосвященник Эллиля, сын Арикденилу, наместника Эллиля, ишшакку бога Ашшура, покорившего страну Турукки и Нигимхи до пределов ее, всех правителей гор и холмов обширных пределов кутиев, покорившего страну Кудмухи и всех ее союзников, полчища ахламеев, сутиев, яуриев и их страны, расширившего границы и пределы, внук Эллильнерари, ишшакку Ашшура же, который побил войско касситов и рука которого победила всех ненавистников его, расширившего границы и пределы, потомок Ашшурубаллита, царя сильного, чье первосвященство славно в грозном Экуре и чье благополучие царствования было утверждено до дальних мест, подобных горе, покорившего страну Муцру, рассеявшего всех многочисленных шубарейцев, расширившего границы и пределы³⁴.

Титулатура включает в себя и эпитеты военно-политического характера, славящие конкретные подвиги, победы и свершения правителя. В этом и заключена ее несомненная значимость, этим и

³⁴ Когда Ану сотворил небо... С. 299. Небезынтересно отметить, что изменение этих официальных эпитетов свидетельствует о возрастании статуса и роли правителя: от «ишшакку Ашшура» при Арикдениле и Эллильнерари (исполнявшего лишь функции жреца и военного вождя, хотя и обладавшего наследственной властью) до «царя вселенной» (при Ададнерари I). Справедливости ради заметим, что еще Ашшурубаллит I стал именовать себя «царем Ассирии», но только в дипломатической переписке с египетским фараоном (*Knudtzon J. Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig, 1907. Bd. 1. S. 125–131*, письма Амарнского архива EA 15 и EA 16), избегая называть себя так внутри страны. О притязаниях Аданерари I на титул «великого царя» и особую, привилегированную роль Ассирии на международной арене см.: *Александров Б.Е. Кто мог быть Великим царем Ханигальбата в XIII в. до н.э.? К Интерпретации КВо XXVIII 66 // Древний Восток и античный мир. М., 2000. Вып. 3. С. 6–8, 16.*

объясняется интерес исследователей к ней. Сопоставление титулатур дает возможность выявить успешно проведенные царем военные кампании, проследить за территориальными приращениями во время его царствования и их последовательностью, а также за подчинением соседних стран и усилением собственной. Расширение этой части титулатуры облегчает датировку надписей относительно друг друга. Ниже помещены выдержки из титулатур Тукульти-Нинурты I, явственно это демонстрирующие:

Из надписи Тп. 10: «покоритель страны Кути»;

Из Тп. 3, Тп. 20: «сокрушитель стран Укумани и Папхи – труднопроходимых горных стран – [победитель князей] Кути вплоть до страны Мехри, рассеявший [все] войска страны Шубари вкупе с отдаленными [странами На]ири [вплоть] до границы Магана»;

Из Тп. 9, Тп. 12: «победитель князей (страны) Кути вплоть до страны Мехри, рассеявший войска страны Шубари и отдаленных стран Наири до границы Магана»;

Из Тп. 6, Тп. 14: «победитель непокорных мятежников стран Укумани и Папхи, сокрушитель страны Кадмухи, армии страны Кути – труднодоступных горных (стран), рассеявший войска всей страны Шубари, разгромивший всех непокорных стран Алзи (и) Пурулумзи... Тот, кто захватил власть над всеми странами Наири и покорил сорок царей – правителей их себе под ноги, кто превратил страны Азалзи (и) Шепарди в пределы своей страны, кто нанес поражение стране Шумер-и-Аккад, и (тем) явил навеки свое могущество, кто захватил Каштиляша, царя касситов»;

Из Тп. 17: «царь страны Ашшур и царь страны Кардуниаш, царь страны Шумер-и-Аккад, царь города Сиппар и города Вавилон, царь страны Тильмун и страны Мелухха, ...царь страны Шубари, страны Кути и царь всех стран Наири»;

Из Тп. 5: «царь страны Ашшур, царь четырех сторон (света) ...царь страны Кардуниаш, царь страны Шумера-и-Аккада, ...царь страны Шубари, (страны) Кути и царь всех стран Наири»³⁵.

Кроме того, относительная датировка надписей, исходящих от одного царя, с большей или меньшей точностью может быть проведена путем сопоставления описаний строительных работ, которые задумал или уже осуществил правитель. Это ясно просматривается на примере надписей Тукульти-Нинурты, первым из ассирийских царей решившего оставить Ашшур с его старой знатью и отстроить себе новую столицу. В своих надписях он последовательно объявляет о ниспослании самой идеи ее сооружения, о за-

³⁵ ИДВТД. С. 249, 251–252.

кладке дворца и проведении строительных работ. Описаниями строительных работ еще в Ашшуре оканчиваются надписи Тп. 1, Тп. 5, Тп. 10, Тп. 3, Тп. 20, Тп. 9, Тп. 12, Тп. 6, Тп. 14. Зато в надписях Тп. 16, Тп. 17, Тп. 60 и Тп. 61³⁶ запечатлены обстоятельства сооружения Кар-Тукульти-Нинурта: изложен замысел его строительства, представлено описание закладки города и его возведения, что дает основание датировать последние надписи более поздним временем по сравнению с первой группой.

Поразительно, с какой легкостью и естественностью разворачиваются все эти хваления, велеречиво и в то же время органично, ловко вплетены они в текст, неотделимы от него. Они могут вызывать раздражение, непонимание или восхищение, но всегда с неизменным налетом очарования воспринимается мастерство автора, который столь умело и изящно сумел выстроить ткань повествования.

2. Повествовательная часть надписи посвящена собственно изложению событий. Предмет повествования в надписях и анналах – вехи и события правления того царя, от имени которого они составлялись: его успехи на военном поприще (расширение территории – захват новых и возвращение утраченных ранее земель, – экспедиции против бунтовщиков, отказавшихся платить дань, подавление мятежей; зарисовки испытаний, преодоленных в походах; подробное перечисление предметов собранной дани), решение участи военнопленных и гражданского населения присоединенных районов (наложение и сбор дани, переселение жителей покоренных стран), мероприятия по переустройству местной системы управления, а также деяния на ниве светского, храмового и военного строительства (построение или обновление дворцов и храмов, возведение городов и крепостей, укрепление оборонительных сооружений), подвиги на охоте на диких зверей и неперенное заступничество, помощь и покровительство, ниспосылаемые богами царю.

Большая часть ассирийских текстов писалась ритмизованной прозой, не обособлены от этой традиции надписи и анналы: зачастую в русском переложении не удастся сохранить ритмический рисунок оригинала. Стиль, свойственный надписям правителей, обусловлен изображаемыми объектами, событиями и явлениями. Шаблонным и клишированным изложение получалось за счет ус-

³⁶ АВИИУ. № 2. С. 268–269.

тоявшихся, не меняющихся порой на протяжении многих веков, но изящных оборотов и выражений, расхожих формул и отрывистых стереотипных описаний, развернутых повествований и традиционных образов, в совокупности составляющих устойчивые обороты месопотамской официальной лексики.

Царь не забудет обрисовать затруднения, препоны и тяготы пути, упомянув, что недруги чуть было не сорвали его замыслы, отчего вдвойне достойней и почетней было преодолеть все означенные препятствия. Он предложит вам поражающие воображение своей суровостью и неприступностью, но убедительные картины местностей, через которые ему доводилось проходить:

Высокие горы, трудные плоскогорья я проехал верхом, а колесницу, подножие мое, велел нести на плечах. Теснины я преодолел пешком, подобно туру... Дороги не проторенные, тропы крутые, что на горах неприступных, до меня не проходил никто из прежних царей. У подножий горы Анары и горы Уппа, гор могучих, я разбил лагерь и сам я на носилках вместе с воинами моими превосходными в узкие их проходы с трудом вошел, вскарабкался на неприступные горные скалы³⁷.

Люди уклонились и заняли крутую гору. Гора была очень крута, вслед за ними я не пошел. Гора была расположена, как лезвие наточенного железного кинжала, и даже летающие птицы небесные не достигают дотуда; а их убежище было устроено как гнездо коршуна посреди гор, внутрь которых не заходил никто из царей, моих предков. В течение трех дней витязь лез по горам, его смелое сердце задумало сражение. Он поднялся пеший, гору одолел, разбил их гнездо, рассеял их полчище, двести воинов сразил оружием, тяжкий полон их полонил, словно стадо овец; кровью их окрасил гору, как алую шерсть. Остаток их пожрали ущелья и обрывы гор. Их села я разрушил, снес, сжег в огне³⁸.

И даже упоминания погодных явлений появляются в таком же контексте: «В месяце тамхири настал великий холод, многочисленные тучи проливали дожди. Я устрасился дождя и снега, крутизны гор, повернул перед моего ярма и отправился в Ниневию». Текст продолжается довольно забавно: «В те же дни, по велению Ашшура, моего владыки, царь Элама – не прошло и трех месяцев – в день, для него несчастный, внезапно умер. После него Умманману, не имеющий ни ума, ни благоразумия, воссел на трон его»³⁹.

³⁷ Из анналов Синаххериба (ИДВТД. С. 254, 256).

³⁸ Из анналов Ашшур-нацирапала II (АВИИУ. № 2. С. 285–286).

³⁹ Из анналов Синаххериба (ИДВТД. С. 257).

Даже если царь по каким-либо причинам не смог поучаствовать в операции, боги за него все сделают, ибо они его еще с рождения определили царствовать и наделили всеми качествами, которые должны быть присущи правителю.

В рамках этого стиля также оформились и выражения, освещающие течение и исход военных кампаний: «На страну идти я повелел N... нанес поражение N... повернул и отправился в путь на страну P... нанес поражение и рассеял силы его... осадил, взял, захватил добро их... повернул и города его взял, разрушил, обратил в руины... всю эту страну обширную я ниспроверг... города их малые, коим счета нет, я разрушил, снес, обратил в руины. Шатры и палатки, обиталища их, я спалил огнем, предал пламени... нанес поражение, развеял его силу, разбил его войско»⁴⁰. В той же манере выдержано описание захвата военной добычи, наложения и сбора дани: «Людей, коней, ослов, крупный и мелкий скот из них я вывел и присоединил к добыче... людей от мала до велика, мужчин и женщин, коней, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот без счета я захватил... 208 тысяч человек от мала до велика, мужчин и женщин, коней, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот без числа – знатную добычу – я увел в Ассирию» (из анналов Синаххериба)⁴¹. Краткие версии надписей фиксируют лишь перечень наиболее значимых предметов добычи и дани, тогда как развернутые надписи и анналы чрезвычайно четко перечисляют собранную дань и награбленную добычу⁴².

Участь военнопленных и гражданского населения захваченных земель также облачается в трафаретные формулы: «Людей страны Бит-Якин, вместе с богами их, и людей царя Элама я полонил, не оставил ни одного беглеца. Я посадил их на корабли, переправил на этот берег и отправил в Ассирию. Города, что в этой местности, я разрушил, уничтожил, предал огню, обратил в холмы и руины»⁴³. Зачастую описание очередных грандиозных свершений царя сопровождается воззваниями к богам, упоминаниями о благосклонности последних, их помощи и содействии правителю, такими как: «Силою бога Ашшура, моего владыки... оружием Ашшура, владыки моего... бог Ашшур, мой владыка, воодушевил меня... по

⁴⁰ См, например: Там же. С. 254–258.

⁴¹ Там же. С. 254–255.

⁴² История Востока. М., 1999. Ч. 1: Восток в древности. С. 266.

⁴³ Из анналов Синаххериба (ИДВТД. С. 257).

велению Ашшура, владыки великого, моего владыки... я же взмолился богам, помощникам моим, об одолении врагов могучих, и молитву мою тотчас они услышали и пришли ко мне на помощь»⁴⁴. Однако несправедливо думать, будто обилие клишированных фраз заслоняет собой, подавляет и вытесняет авторские решения, индивидуальные для надписей каждого правителя:

Сам же он – ужас моего сражения обрушился на него, содрогнулось его сердце, как у болотной рыси, одиноко он убежал, и не было найдено его местопребывание. Перед ярма моего я повернул и отправился в путь на страну Бит-Якин. Он же... которому, идя в третий поход, я нанес поражение и рассеял силы его, испугался грома моего могучего оружия и наступления моей ужасной битвы. Он собрал всех богов своей страны из их жилищ, погрузил их на корабли и, словно птица, улетел в город Нагите-ракки, что посреди моря... Я разбил боевой лагерь у подножия горы Нипур и с отборными воинами моей гвардии и беспощадными воинами моими я, словно тур могучий, во главе их встал. Ущелья, водопады, крутые обрывы гор на носилках я преодолел, места, трудные для носилок, я прошел пешком, подобно горному козлу, по высоким вершинам и хребтам их. Там, где уставали колени мои, я сел на горные камни и пил воду из бурдюка ради утоления жажды. Я преследовал их на вершинах гор и нанес им поражение... Как лев я взъярился, облачился в доспехи, шлем, украшение битвы, возложил я на главу свою, на мою боевую колесницу высокую, ниспровергающую супостата, в ярости сердца своего я взшел поспешно. Могучий лук, врученный мне Ашшуром, в руки мои я схватил, дротик, пресекающий жизни, во длани мои я взял, надо всем войском злобного недруга, словно ураган грозно я закричал, словно Адад, я взревел. По велению Ашшура, владыки великого, владыки моего, на фланг и фронт, словно порыв стремительного южного урагана, на врага я обрушился, оружием Ашшура, владыки моего, и яростным натиском я повернул их вспять и обратил в бегство. Вражеское войско стрелами и дротиками я преуменьшил и все тела их пронзал, словно решето⁴⁵.

Источник, описывая отношения Ассирии с новоприобретенными территориями, не ограничивается сообщениями о захватах и грабежах, отселении части жителей с покоренных земель, наложении дани и пр., приобщая к ним сведения о реорганизации местного аппарата управления и развернутой по повелению царя строительной деятельности на отвоеванных областях – возведении военных укреплений, оборонительных крепостей и гражданских

⁴⁴ Там же. С. 254–258.

⁴⁵ Из анналов Синаххериба (Там же. С. 256, 258).

объектов, установлении памятных стел и торжественных надписей. Ярким примером здесь могут послужить анналы Синаххериба:

Город Бит-Киламзах, город Хардишпи, город Бит-Кубатти... я осадил и взял... Затем я вернулся и этот город Бит-Киламзах превратил в крепость. Больше, чем прежде, я укрепил его стены. Людей разных стран, добычу рук моих, в нем я поселил. Людей страны касситов и страны ясубигалайцев, что перед оружием моим убежали, из гор я велел вывести и в городе Хардишпи и городе Бит-Кубатти поселил их. Я счел их, о стеле я позаботился. Победу, добытую моими руками, которую над ними я одержал, на ней я велел начертать и посреди города ее поставить⁴⁶.

3. Заключительная часть. Текст источника обыкновенно завершается описанием строительных работ в царской столице (традиционно сообщается о сооружении или перестройке того здания, в основание которого был заложен цилиндр с надписями или анналами) или же рассказами об охотничьих подвигах правителя (анналы Тиглатпаласара I, Ашшурбанапала), а также закланием посмевающим повредить надпись и благословением трепетно заботящимся о ее сохранности. Вот как, к примеру, заканчиваются анналы Синаххериба (“Призма Тэйлора”):

В те дни дворец, что внутри Ниневи, я сделал своей резиденцией, наполнил его роскошью всем людям на удивленье. Задний дворец, который для размещения гарнизона, содержания лошадей и хранения всякой всячины велели построить цари прежние, предки мои, террасы у него не было, жилые помещения малы, некрасив вид, фундамент его обветшал от времени, ослабла его основа, обрушились его башни – дворец этот целиком я разрушил, большой пустырь из лугов и полей города я присоединил в качестве добавления. Место прежнего дворца я оставил и на лугах, которые до самого берега реки, землю взял... дворец этот от фундамента до крыши его я отстроил, завершил. Стелы – начертание имени моего – в нем я установил для будущих времен. Из царей, потомков моих, тот, кого Ашшур и Иштар изберут для управления страной и людьми, когда дворец этот обветшает и обвалится, будущий правитель разрушенное да восстановит, стелу – начертание имени моего – да увидит, и елей да приготовит, возлияние да совершит, на место ее да возвратит он. Ашшур и Иштар окажут ему милость, услышат его молитву. На того же, кто изменит надпись мою и имя мое, Ашшур, великий владыка, отец богов, да выступит враждебно, да лишит он его жезла и престола, да ниспровергнет он его правление.

⁴⁶ Там же. С. 254.

Далее помещается датировочная формула: «В месяце аддару, в день 20-й, эпонимат Бел-эмуранни, областеначальника Каркемиша»⁴⁷.

Обратимся теперь к системе умолчания ассирийских текстов. Надписи и анналы ассирийского царя никогда не упомянут о его неудачных походах, неподавленных восстаниях, отложившихся в его царствование территориях и прочих поражениях. Интересно поэтому посмотреть, какие принципы умолчания были выработаны, дабы искусно скрывать компрометирующие правителя обстоятельства.

Титулатура надписей Ададнерари I (1295–1264) настойчиво твердит о завоевании им среднего Евфрата и Аррапхи, которые он отобрал у Вавилонии. Однако «Синхронистическая история» 785 г. до н.э. ни единым словом о них не упоминает, потому что вскоре эти земли были утрачены Ассирией и вновь оказались под ее властью лишь в правление Тукульти-Нинурты I (1233–1197). Тенденциозность ассирийских царских текстов не позволила включить эти завоевания в «Синхронистическую историю», ибо упоминание о них автоматически потребовало бы и рассказа о событиях, связанных с потерей этих территорий, обесценивающей доблести правителя, чего никогда не допускают подобного рода источники. Приведем параграф «Синхронистической истории», повествующий о времени царствования Ададнерари I. «Ададнерари (I), царь страны Ашшур, (и) Назимарутташ, царь страны Кардуниаш (Вавилонии), бились между собой в городе Кар-Иштар, (что) в Угарсаллу. Ададнерари нанес поражение Назимарутташу, учинил ему разгром. Его лагерь и его штандарты он у него отобрал. Что до этой пограничной линии, они установили свои границы и разделили (землю) от протяжения страны Пиласке, что на другой стороне реки Идиглат (Тигр), (и) города Армана, (что в) Угарсалли, до Луллуме»⁴⁸.

Если экспедиции Ассирии приносят ей лишь временные победы и вскоре оборачиваются неудачами, то все сообщения о них исчезают из официальных сводок завоеваний. В сводной надписи, содержащей перечень свершений и достижений Асархаддона, опущены победы в Западной Мидии времен начала его царствования, так и не закрепившие ассирийского присутствия в регионе, ибо в результате восстания двух последующих лет (673–672 гг. до н.э.) трем княжествам Мидии удалось отвоевать независимость от

⁴⁷ Там же. С. 258–259.

⁴⁸ Там же. С. 226–227.

державы Асархаддона⁴⁹. Появись в документах, рапортующих богам о военных удачах их царственного избранника, упоминания былых побед на тех фронтах, где на момент составления надписи ассирийцев преследуют унылые поражения, они грозили бы дискредитировать не только самого царя, но и его небесных заступников, допустивших столь бесславный конец громких начинаний ассирийцев (возникновение нового царства на формально подвластной Ассирии территории). Оттого и завоевания первых лет правления Асархаддона впоследствии сознательно им замалчивались⁵⁰.

Посмотрим на системы датировки, встречающиеся в наших источниках. В Ассирии уже со староассирийского периода применялась датировка по эпонимам (лимму)⁵¹. При этом счете лег датировочные формулы обыкновенно имели следующий вид: «месяц танмарту, 20-й день, эпоним Ша-Адад-нину», реже «в эпонимат N». Привычнее их видеть в завершении текста надписи, но зачастую ими открывается описание конкретного события. Таким образом датировочная формула отграничивает одну группу событий от остальных, представленных в тексте. В одной из надписей Синаххериба обороты наподобие «в эпонимат Шульмубела, наместника города Римусу», или «в эпонимат Ашшурбелусура, наместника...» предваряют дальнейшее описание конкретного события. Так же выдержаны анналы Тукульти-Нинурты II: «В месяц суману, в первый день, в эпонимат Илимилку, я выступил из Ниневии...»⁵²

С конца II тыс. до н.э. систему эпонимов дополнил счет времени по годам правления царей, свое распространение получивший еще в касситской Вавилонии (практика использования таких датировочных формул с успехом возводится к досаргоновским време-

⁴⁹ Об утрате Западной Мидии из-за восстания Каштарити см.: *Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации... С. 91–92. Кстати, именно по этой причине в списке ассирийских провинций и подконтрольных территорий, составленном при Ашшурбанпале (до 652 г. до н.э.), Мидия упоминается в качестве ассирийского вассала, тогда как при Саргоне II ее территория была распределена между несколькими ассирийскими наместниками (АВИИУ. № 3. С. 233–235).

⁵⁰ См.: *Медведская И.Н.* Взлет и падение Мидии // История и языки Древнего Востока: Памяти И.М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 212–225.

⁵¹ Подробнее об эпонимах см. ниже.

⁵² АВИИУ. № 3. С. 213; № 2. С. 284.

нам)⁵³. В занимающих нас надписях и прочих официальных документах можно встретить оба варианта, господствует однако внутренняя датировка по эпонимам. Включение оборота «в первый год моего правления» в вводную формулу надписи вовсе не означает, что весь последующий текст будет сформирован по годам правления царя. Дальнейшее повествование разграничено датировочными формулами с именами эпонимов. Из надписи Салманасара III на монолите из Тушхана: «В это время, в начале моего царствования, в первый год моего правления, я воссел величественно на престол царственности... В эпонимат Ашшур-белкаина, в месяц ду'узу, в 13 день я вышел из Ниневии»⁵⁴. То же, например, находим в анналах Ашшур-нацирапала II: «В начале моего царствования, в первый год моего правления, когда Шамаш, судия, протер свою добрую сень надо мной и я величественно воссел на престол... В месяц симану, в первый день, в эпонимат Шаилимадамку я собрал мои колесницы и войска»⁵⁵.

Датировочные формулы можно рассмотреть на примере анналов Синаххриба и Ашшурбанапала (особенно призмы Kh и G). Все повествование дробится последовательным изложением восьми походов царя, а сам текст изобилует такими вводными оборотами, как: «В п-ом моем походе», «во время моего похода», «в течение моего похода», «идя в п-ый поход», «при возвращении моем», «во время моего возвращения», «посреди этого сражения», «во время мятежа в стране», «в месяце тамхири», «в те же дни», «не прошло и трех месяцев – в день, для него несчастный», «пока прошли два двойных часа ночи» и пр. Как видим, счет времени идет внутри определенного временного отрезка либо же привязан непосредственно к обсуждаемому во фрагменте сюжета, соотнося между собой логически связанные с ним события.

* * *

Царскими надписями и анналами отнюдь не исчерпываются все способы фиксации исторических событий, которые практиковались ассирийцами. Родственным им можно считать жанр **военных реляций**⁵⁶, также составлявшихся от имени правителя, но адресо-

⁵³ Ключков И.С. Духовная культура... С. 17–18.

⁵⁴ АВИИУ. № 2. С. 295.

⁵⁵ Там же. С. 285, 287.

⁵⁶ Русский перевод этих текстов см.: АВИИУ. № 2. С. 321–334; № 3. С. 218–223; Когда Ану сотворил небо... С. 304–314, 321–324, 423–427.

ванных непосредственно богам и любопытным образом сочетающих в себе стиль царской надписи с расхожими эпистолярными формулами (например, формулами приветствия). Памятники такого рода изготавливались на глиняных табличках и плитах. Приведем вступление письма Саргона II (721–705) к богу Ашшуру:

Ашшуру, отцу богов, владыке великому, моему владыке, живущему в Эхурсагалькуркурре, своем великом храме, – большой, большой привет!

Богам судеб и богиням, живущим в Эхурсагалькуркурре, их великом храме, – большой, большой привет!

Богам судеб и богиням, живущим в городе Ашшуре, их великом храм, – большой, большой привет!

Граду и людям его – привет! Дворцу и живущим в нем – привет!

Шаррукин, светлый первосвященник, раб, чтущий твою великую божественность, и войско его – весьма, весьма благополучны⁵⁷.

Круг тем, освещаемых в реляциях, в общем, такой же, как и в царских надписях и анналах. Источник этот, опять же, представляется неким отчетом о деяниях и заслугах царя, предназначенным его небесному покровителю, с той лишь разницей, что здесь, в отличие от надписей и анналов, еще заостренной, еще утрированной прорисованы черты достойного правителя, всеми своими трудами подтверждающего свою силу и величие, расцвечены головокружительными деталями его подвиги и свершения. Жанр отличает пространный, однако отточенный композиция, где приукрашенные описания невероятных трудностей, с которыми царь, проявляя все мыслимые воинские добродетели, благополучно справляется заступничеством богов. Описания, и прежде (в жанре царских надписей и анналов) немалые, неизмеримо разрастаются, наращивая за собой все остальные значимые элементы уже знакомого нам формуляра, прославляющего доблести истинного правителя. Неудивительно, что здесь встречаются эпизоды о нарушении на самом деле никогда не приносившихся клятв и присяг грозными противниками Ассирии⁵⁸, а в завершении стереотипной фразой лаконично сообщается о ничтожно малых потерях ассирийской стороны, традиционно заключающихся в «одном колеснице, двух конниках, трех саперах» убитыми⁵⁹. Сам же текст подытоживается

⁵⁷ АВИИУ. № 3. С. 321.

⁵⁸ Там же. № 2. С. 325.

⁵⁹ Там же. С. 333; № 3. С. 221.

фразами «Я послал доставить донесение Ашшуру, моему владыке, NN» (имя и должность “посыльного” могут и не указываться) и/или «Таблица MM» (имя и должность) и датой составления («в эпонимат S»). Помимо утрированных деклараций о могуществе царя в подобных реляциях богам можно встретить фрагменты его дипломатической переписки (или же искусную стилизацию под них), если того требует логика раскрытия сюжетных обстоятельств, излагаемых божеству (как в письме Асархаддона Ашшуру о его походе на Шубрию в 673 г. до н.э.: историю ее разгрома предваряют отрывки нескольких писем ассирийского правителя к царю Шубрии и фрагменты ответного послания).

Еще одна форма исторического повествования в Ассирии, **хроники**⁶⁰, – как жанр получила меньшее, чем царские надписи и анналы, распространение (более характерна для Вавилонии⁶¹), но, как и они, неизменно следовала сложившейся в ассирийской литературе традиции изображения царственных особ. Старательно изымая из повествования все военные неудачи и поражения ассирийской стороны и преподнося в качестве ее побед все маломальски согласные с концепцией источника события, хроники являются “продолжателями” царских надписей. Проявляются, однако, и первые жанровые отличия: хроники предваряют пространные вступления, проясняющие основное назначение и цели источника, а также не встречаются более формы повествования от первого лица. “Синхронистическая история”, появившаяся в 785 г. до н.э. (известны 3 фрагментированные копии из библиотеки Ашшурбанапала) и излагающая историю ассиро-вавилонских отношений, организована по схожей с анналами схеме повествования: текст состоит из главок, посвященных правлению одного царя. Внутри них повествование строится по годам правления и представляет собой сжатый перечень военных и дипломатических побед каждо-

⁶⁰ Ассирийские хроники опубликованы: *Grayson A.K. Assyrian and Babylonian Chronicles...*; *Glassner J.-J. Chroniques Mésopotamiennes*. P., 1993. Частично их тексты доступны в Интернете: <<http://www.livius.org/cg-cm/chronicles/chron00.html>>; <<http://www.livius.org/babylonia.html>>.

⁶¹ О взаимном влиянии новоассирийской и нововавилонской традиций историописания и ассирионизмах вавилонских хроник см.: *Weissert E. Interrelated chronographic patterns in the Assyrian Eponym Chronicle and the ‘Babylonian Chronicle’: A comparative view // La Circulation des biens, des personnes et des idées dans le proche-orient ancien*. P., 1992. P. 276–278, 281–282.

го ассирийского правителя над вавилонскими, умалчивающий не только о поражениях первых, но также и о недолговечных приобретениях. Приведем фрагмент источника:

При Ашшурубаллите [I], царе страны Ашшур, – Каракиндаш, царь страны Кардуниаш, сын Мубаллитат-Шеруа, дочери Ашшурубаллита, – войска касситов взбунтовались и убили его. Назибугаша-кассита, безродного, они взяли царствовать над собой. Ашшурубаллит пошел на страну Кардуниаш, чтобы отомстить за Каракиндаша, сына [дочери своей]. Он убил Назибугаша, царя страны Кардуниаш. Он поставил Куригальзу Младшего, сына Бурнабуриаша [II], на царство, [возвел] его на престол его отца⁶².

Бывшие для ассирийцев своеобразным календарем, **списки эпонимов (лимму)**⁶³ фиксировали важные исторические события, хотя так и не переросли собственно в историописание: возникнув в качестве хронологической таблицы, удобной для счета лет, такими они и оставались вплоть до VII в. до н.э. Эпонимами (лимму) становились ровно на год ассирийские чиновники из числа высших сановников (как придворных вельмож и военачальников, так и наместников провинций, а также сам царь). Годы обозначались именами эпонимов; таким образом и велось летосчисление⁶⁴. Эпо-

⁶² ИДВТД. С. 226.

⁶³ Списки эпонимов опубликованы: *Smith G.* The Assyrian Eponym Canon. L., 1875; *Ungnad A.* Datenlisten // Reallexikon der Assyriologie. 1938. Bd. 2. S. 412–457 (с обзором основных типов эпонимных списков), АВИИУ. № 2. С. 304–310; *Falkner M.* Die Eponymen der spätassyrischen Zeit // Archiv für Orientforschung. 1954. Vol. 17. S. 100–120; *Millard A.* The Eponyms... См. также: <http://www.livius.org/li-ln/limmu/limmu_2.html>; <http://www.geocities.com/farfaraer2001/chronicles/eponym_list_cc.htm>; <<http://www.angelfire.com/bc2/Bereans/Myfiles/Chronology/chrono.html>>.

⁶⁴ Подобным же способом годы считали и в Древнем Риме, однако эпонимами там становились исключительно высшие должностные лица – ежегодно сменявшие друг друга консулы. Иное положение дел отличает Ассирию, где цари, начиная со времен Ададнерари I, принявшего должность лимму в первый год своего правления, неизменно занимали ее на первом (либо втором) году, далее на нее назначались туртан (главнокомандующий), главный кравчий, государственный глашатай, наместники провинций и т.д. (указанная очередность назначений не была абсолютным правилом). Бывало и так, что царю дважды за царствование (но никогда два года подряд) «выпадал жребий» становиться эпонимом; так случилось с Салманасаром III, побывавшим в этой должности в 858 г. до н.э. (первый год правления) и в 827 г. до н.э. (32-й год). Салманасар V

ниматами лимму датировались документы ассирийской канцелярии (в том числе и письма) и в то же время они служили датировочными формулами для царских надписей и анналов (например, анналы Аданерари II, Тукульти-Нинурты II Салманасара III)⁶⁵.

Записи в списках эпонимов состояли из имен лимму, вслед за которыми указывалась их должность: царь, туртан, глашатай страны (дворца), главный кравчий, наместник, советник и пр. Затем кратко упоминалось о главных событиях года (таких, как вступление царя на престол, военные походы, восстания и мятежи против Ассирии, строительство храмов и их освящение, природные знамения). Основной канон эпонимных списков охватывает временной отрезок от 911 г. до н.э. до 648 г. до н.э. Известно несколько списков лимму (между ними есть некоторые разночтения), составленных без оглядки на периоды правления ассирийских царей. По всей видимости, это была параллельная система счета лет.

Списки лимму, как пишет И.М. Дьяконов, способны открыть исследователям старательно замалчиваемые царскими надписями и анналами неудачные для ассирийцев военные операции, не вошедшие в сводки походов (такие записи могут фигурировать в этих списках рядом с указанием имени эпонима). Однако наличествуют и фрагменты списков, совершенно лишенные исторических сведений⁶⁶.

Ниже помещен отрывок из перечня лимму, соответствующий одиннадцати годам правления Ашшурдана III (772–755) и пяти последним годам царствования Саргона II (721–705). Деление на столбцы, а также наличие разграничительных горизонтальных линий принадлежит источнику.

(726–722), взшедший на престол в 727 г. до н.э., принял должность эпонима лишь в 723 г. до н.э. (АВИИУ. № 2. С. 298, 304–309), Саргон II – на третьем году правления (в 719 г. до н.э.), Асархаддон и Ашшурбанапал, вероятно, и вовсе не становились эпонимами (*Weissert E. Interrelated chronographic patterns...* P. 275). Очевидно, к IX–VIII вв. до н.э. порядок назначения лимму перестал быть строгим и жестким, оставаясь лишь желательным. Первоначально высших государственных деятелей действительно избирали на должность эпонимов, но в новоассирийский период от выборности отказались и стали попросту назначать лимму из круга высших сановников.

⁶⁵ *Tadmor H. The Campaigns of Sargon II of Assur: A Chronological-Historical Study // Journal of Cuneiform Studies. 1958. Vol. 12, no. 1. P. 27, 28, 29–30.*

⁶⁶ АВИИУ. № 2. С. 259, 309.

⁶⁷ Оборот «против N» означает, что в эпонимат такого-то был осуществлен поход против N.

⁶⁸ Оборот «в стране» (*ina māte*) обозначает прошедший без походов эпонимат. Это не значит, что в тот год Ассирия не воевала вовсе – с войском мог выступить по царскому поручению один из военачальников. Подробнее об оборотах эпонимных списков см.: *Weissert E. Interrelated chronographic patterns...* P. 278.

⁶⁹ Месяц симану вавилонского лунно-солнечного календаря соответствует нашим маю–июню.

⁷⁰ «Взятие рук Бела (Мардука)» – ежегодно совершаемый вавилонский обряд коронации, закрепляющий законность и легитимность власти правителя. Возможно, что Александр Македонский был последним, кто, исполнив этот обряд, стал вавилонским царем. Об этом см.: *Якобсон В.А. Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии // Государство на Древнем Востоке. М., 2004. С. 130.*

⁷¹ Месяц ташриту вавилонского лунно-солнечного календаря соответствует нашему сентябрю–октябрю.

⁷² См. примеч. 11.

⁷³ См.: *Герни О.Р. Хетты. М., 1987; Якобсон В.А. Культура и общество Ассирии // История Востока. Т. 1: Восток в древности. М., 1999. С. 110–111; <<http://historik.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st09.shtm>>; <http://www.distedu.ru/mirtor/hist/clarino2.narod.ru/arm3.htm>>. О влиянии традиции ассирийской анналистики на урартское историописание см.: *Меликивили Г.А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Тбилиси, 1954. Ч. 1: Наири-Урарту; Он же. Урартские клинообразные надписи...**

[773 г.] в эпонимат	Маннуки-Адада	наместника Нацибины	против Дамаска ⁶⁷
[772 г.] в эпонимат	Ашшурбелусура	наместника г. SAL + KUR наместника Калху	против Хатарики
[771 г.] в эпонимат	Ашшурдана	царя Ассирии	против Гананату
[770 г.] в эпонимат	Шамшиилу	туртана	против Марада
[769 г.] в эпонимат	Белилайи	наместника Аррапхи	против Иту'а
[768 г.] в эпонимат	Аплайи	наместника Мазамуа	в стране ⁶⁸
[767 г.] в эпонимат	Кудри-Ашшура	наместника Ахизухины	против Гананату
[766 г.] в эпонимат	Мушаллим-Нинурты	наместника Тилле	против мидян
[765 г.] в эпонимат	Нинуртамукин-нише	наместника Киррури	против Хатарики. Мор
[764 г.] в эпонимат	Сидкиилу	наместника Тушхана	в стране
[763 г.] в эпонимат	Бур-Сагале	наместника Гузаны	Мятеж в г. Ашшуре. В месяце сима-ну ⁶⁹ произошло затмение солнца.
<...>			
[709 г.] в эпонимат	Мануки-Ашшурле	наместника Тилле	Шаррукин взял руки Бела ⁷⁰
[708 г.] в эпонимат	Шамашупаххира	наместника Киррури	Кумуха захвачена. Областеначальник назначен.
[707 г.] в эпонимат	Ша-Ашшур-дуббу	наместника Тушхана	Царь вернул из Вавилона. В 22 день месяца таш-риту ⁷¹ боги Дур-Шаррукина вступили в свои храмы.
[706 г.] в эпонимат	Мутаккиль-Ашшура	наместника Гузаны	царь [...] Вельможи в Караллу [...] в 6 день месяца айару Дур-Шаррукин приняли (?)
[705 г.] в эпонимат	Насхур-Бела	наместника Амеду	из-за Эшпаи, ку-луммийца, [...] царь был убит. В 12 дснь месяца абу Синаххериб [воссел на трон]

Завершая обзор форм историописания, бытовавших в Ассирии XIV–VII вв. до н.э., еще раз отметим: исключительно соображения практического порядка приводили к появлению каждого из представленных жанров. Царские надписи и анналы, равно как и реляции богам, были своеобразной “формой отчета” (как перед богами, так и перед современниками и, по всей видимости, потомками), «докладами» о царских успехах и свершениях. И даже хроники следуют этой традиции, правда уже без пышных эпитетов и цветистых характеристик царей. Списки эпонимов, равно как и царские списки⁷², возникли для ведения хронологических записей, в таком виде нам и известны, и собственно развернутым жанром историописания так стать и не сумели.

И хотя на возникновение царских анналов в Ассирии оказала влияние хеттская традиция (возможно, напрямую, а также через хурритскую⁷³), применяемые здесь клише и формулы выработали сами ассирийцы. Они же перенесли их на прочие жанры уже полностью оригинальные: письма-реляции к богам, хроники. Для историописания древности скорее привычна нестрогая хронологическая последовательность событий: данный круг источников не тяготеет к хронологически выверенному построению и не стремится четко и последовательно размещать известия, избегая разрывов и прорех в гладкой канве повествования. Система размещения событий внутри текста подчинена единственной цели – в наивыгоднейшем свете представить царственную особу перед адресатами. Структура текста, принципы отбора и освещения событий довольно устойчивы и образуют своего рода формуляр. Тексты царских надписей и анналов, а также посланий-реляций богам организованы по тематико-региональному и только во вторую очередь, по хронологическому принципу; среди них более всего склонны следовать хронологии анналы. Хроники, а особенно списки эпонимов, отличает уже хронология как основа построения текста.

Итак, ассирийская письменность выработала несколько жанров историописания с устойчивой структурой и набором формул, развитие которых целесообразно было бы изучать в дальнейшем в сопоставлении с аналогичными традициями других народов – например, с системами историописания, бытовавшими у хеттов, хурритов, древних китайцев, майя, ацтеков и т.д.

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

А.К. Гладков

Иоанн Солсберийский во Франции первой половины XII в. (Опыт прочтения главы II: 10 трактата “Металогик”)*

На протяжении более чем полутора столетий исследователи изучают жизнь и творчество выдающегося английского мыслителя, плодовитого писателя и крупного политического деятеля XII в. Иоанна Солсберийского (1115–1180). При том, что ученые подвергли детальному анализу почти все факты биографии схоласта и установили приблизительную датировку произведений Иоанна, и по сей день некоторые эпизоды его увлекательной и, без сомнения, полной тяжких испытаний жизни требуют обстоятельного исследования.

В первой половине XIX в. вышла в свет книга Х. Рейтера¹, фактически положившая начало дальнейшему углубленному изучению как биографии мыслителя, так и его обширного творческого наследия, включающего в себя несколько трактатов, два жития и большой корпус писем. Благодаря работам К. Шааршмидта, М. Демимуи, Р.Л. Пула, К. Уэбба, Х. Либешутца, М. Дальпра, К. Брук и

* Данная статья представляет собой доклад, прочитанный на заседании Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить В.А. Ведюшкина, И.В. Дубровского, Е.В. Казбекову, О.Ф. Кудрявцева, А.А. Сванидзе, Г.М. Тушину, П.Ю. Уварова, С.К. Цатурову и М.А. Юсима, высказавших ряд ценных замечаний и предложений, а также Л. МакИнтайр (L. MacIntaire) и К. Недермана (C. Nederman), любезно приславших работы, необходимые для моего исследования.

¹ *Reuter H. Johannes von Salisbury: Zur Geschichte der Christlichen Wissenschaft in Zwölften Jahrhundert. B., 1842.*

К. Недермана², а также наличие критических изданий сочинений Иоанна Солсберийского³, исследователи, в целом, смогли восстановить хронологию жизни и творчества схоласта. Однако по-прежнему не проясненным остается характер его многолетнего обучения во Франции в период с 1136 по 1148 г.⁴

² *Schaarschmidt C.* Johannes Saresberiensis nach Leben und Studien, Schriften und Philosophie. Leipzig, 1862; *Demimuid M.* Jean de Salisbury. P., 1873; *Poole R.L.* John of Salisbury // Dictionary of National Biography. L., 1908–1913. Vol. 10. P. 439–446; *Idem.* The Masters of the Schools at Paris and Chartres in John of Salisbury's Time // EHR. 1920. Vol. 35. P. 321–342; *Idem.* John of Salisbury at the Papal Court // Ibid. 1923. Vol. 38. P. 321–330; *Idem.* Studies in Chronology and History. Oxford, 1969. P. 223–286; *Webb C.* John of Salisbury. L., 1932; *Liebeschütz H.* Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury. L., 1950; *Dal Pra M.* Giovanni di Salisbury. Milano, 1951; *Brooke C.N.L.* Introduction // The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, S.J. and H.E. Butler. L., 1955. Vol. 1: The Early Letters, 1153–1161. P. IX–LXII; *Idem.* Introduction // The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor and C.N.L. Brooke. Oxford, 1979. Vol. 2: The Later Letters, 1163–1180. P. XVIII–XLVII; *Nederman C.J.* Introduction // *John of Salisbury.* Policraticus of the Frivolities of Courtiers and the Footprints of Philosophers / Transl. by C.J. Nederman. Cambridge, 2000. P. XV–XXVI; *Idem.* John of Salisbury. Tempe, 2005.

³ *Ioannis Saresberiensis episcopi carnotensis Policraticus sive De nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII / Recognovit et prolegomenis, apparatus critico, commentario, indicibus instruxit C.C.I. Webb.* L.; Oxford, 1909. Vol. 1–2; *Idem.* Metalogicon / Recognovit et prolegomenis, apparatus critico, commentario, indicibus instruxit C.C.I. Webb. Oxford, 1929; *Idem.* Metalogicon / Ed. by J.B. Hall and K.S.B. Keats-Rohan // Corpus Christianorum Continuatio Mediaevalis. Turnhout, 1991. Vol. 98; *Idem.* Policraticus I–IV / Ed. by K.S.B. Keats-Rohan // Ibid. Turnhout, 1993. Vol. 118; *Idem.* Historia Pontificalis / Ed. and transl. by M. Chibnall. Oxford, 1986; *Idem.* Enthetiscus Maior and Minor / Ed. by J. van Laarhoven. Leiden, 1987. Vol. 1–3.

⁴ *Poole R.L.* The Masters... P. 321–342; *Liebeschütz H.* The Structure of “Metalogicon” II. 10. and the Twelfth-Century Curriculum (Appendix I) // *Idem.* Medieval Humanism... P. 141–143; *Weijers O.* The Chronology of John of Salisbury's Studies in France (Metalogicon, II. 10) // The World of John of Salisbury / Ed. by M. Wilks. Oxford, 1994 (1-е изд.: 1984). P. 109–116; *Keats-Rohan K.S.B.* John of Salisbury and Education in Twelfth Century Paris from the Account of his *Metalogicon* // History of Education. 1986. Vol. 6. P. 1–45; *Idem.* The Chronology of John of Salisbury's Studies in France: A Reading of “Metalogicon” II. 10 // Studi Medievali. Ser. III. 1987. Vol. 28, N 1. P. 193–203.

В 1159 г. Иоанн завершил трактат “Металогик” (“*Metalogicon*”)⁵, посвященный рассмотрению основных предметов тривиума, прежде всего, грамматики и диалектики, а также защите логического учения Аристотеля от нападок анонимных критиков XII в., скрывавшихся под именем Корнифиция. В главе 10 книги II “Металогика” содержится подробное и красочное описание того времени, когда Иоанн изучал свободные искусства и теологию во Франции. Долгие годы исследователи пытались понять не только замысел “автобиографической главы”, но и реальную последовательность описанных в ней событий и, тем самым, восстановить хронологию “французского периода” жизни схоласта. Однако, несмотря на наличие превосходных работ по данному вопросу, его едва ли можно считать полностью разрешенным.

Ученые обратили внимание на некоторую сбивчивость в изложении Иоанном своего длительного пребывания на Континенте. По мнению исследователей, мыслитель, вольно или невольно, не был точен в передаче места и времени своего обучения во Франции. Они полагают, что Иоанн не только не стремился сохранить хронологическую и географическую достоверность в рассказе о своем нахождении в Париже и Шартре, но и привлек его в качестве “дидактического” примера, удачно иллюстрирующего основную идею трактата “Металогик”⁶. Иоанн использовал личный опыт изучения свободных искусств для того, чтобы показать читателям все достоинства и недостатки методов работы и преподавания французских магистров XII в. В то же время, едва ли уместно текст “автобиографической главы” “Металогика” расчленять на разрозненные фрагменты, а затем комбинировать их в соответствии с маловероятными предположениями, как это делает, например, К. Китс-Розн⁷. Необходимо, если пользоваться призывом

⁵ В буквальном переводе понятие “Металогик” можно передать как “О логике”, “О логическом исследовании”. Использованный Иоанном неологизм – от греческого «μετα λογικων». Подробнее см.: *McGarry D.D. Introduction // The Metalogicon of John of Salisbury. A Twelfth-Century Defense of the Verbal and Logical Arts of the Trivium / Transl. by D.D. McGarry. Berkeley; Los Angeles, 1962. P. XXI. Обстоятельное введение в проблематику трактата см.: Webb C. John of Salisbury... P. 75–99; Nederman C.J. John of Salisbury... P. 62–75.*

⁶ См. например: *Liebeschütz H. Medieval Humanism... P. 111–113.*

⁷ *Keats-Rohan K.S.B. The Chronology... P. 193–203.*

Х. Либешутца⁸, рассмотреть указанную главу в ее целостности и привлечь, помимо свидетельств самого Иоанна, также другие, не менее важные, источники XII в.

В данной работе, на основании анализа некоторых глав трактата “Металогик” и, прежде всего, его 10 главы II книги, мы попытаемся реконструировать последовательность обучения схоласта у виднейших магистров эпохи “Ренессанса XII в.”

Биография мыслителя очень плохо документирована. Иоанн родился в период между 1115 и 1120 гг., в Старом Сэруме, неподалеку от Солсбери⁹. По счастливому стечению обстоятельств, Иоанну, лишенному богатства¹⁰ и высокого происхождения, удалось избежать типичной для его положения незавидной участи. Будущий сподвижник архиепископа Кентерберийского Фомы Бекета отправился на Континент постигать премудрости философии у наиболее ярких мыслителей того времени.

В год, «следующий после того, как замечательный король Англии Генрих, лев правосудия, отошел от дел мирских», Иоанн прибыл в Париж учиться¹¹. Поскольку английский король Генрих I умер в 1135 г., то, как установил Р.Л. Пул, школяр оказался на

⁸ *Liebeschütz H. Medieval Humanism...* P. 111.

⁹ *Webb C. John of Salisbury...* P. 1; *Nederman C.J. John of Salisbury. Tempe, 2005. P. 2.*

¹⁰ Иоанна Солсберийского иногда называют Иоанном “Малым” (“*Parvus*”). Это, по мнению исследователей, скорее, указывает на низкое происхождение схоласта, чем на его небольшой рост или слабое здоровье. А о своей бедности Иоанн сам неоднократно говорит в “Металогике” – см.: *Nederman C.J. John of Salisbury...* P. 3; *Smalley B. The Becket Conflict and the Schools: A Study of Intellectuals in Politics. Oxford, 1973. P. 87; Joannes Saresberiensis Metalogicus. II: 10 // Patrologia cursus completus. Series latina. Parisiis, 1900. T. 199. Col. 868.* (Далее при цитировании этого памятника – *Metalogicus*, с указанием книги [римские цифры], главы [арабские] и колонки; в остальных случаях – автор, название и PL с указанием тома и колонки). Помимо латинского текста, опубликованного в “Латинской патрологии” Ж.-П. Минья, мы используем перевод на русский язык главы II: 10 “Металогика”, выполненный И.П. Стрельниковой: *Иоанн Солсберийский. Металогик / Пер. И.П. Стрельниковой // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 350–353* (далее – *Металогик*, с указанием страниц).

¹¹ «*Cum primum, adolescens admodum, studiorum causa migrassem in Gallias, anno altero postquam illustrix rex Anglorum Henricus, leo justitiae, rebus excessit humanis...*» (*Metalogicus. II: 10. Col. 867; Металогик. С. 350*).

Континенте в 1136 г.¹² Эта дата является отправной точкой в реконструкции хронологии “французского периода” жизни Иоанна.

Как всякий юноша, интересовавшийся науками, Иоанн был слышан о знаменитом магистре Петре Абеляре¹³, чья слава уже давно вышла далеко за пределы Франции. Этот самобытный философ, непревзойденный оратор и полемист привлекал к себе школяров со всех уголков Европы, которые «у его ног» постигали премудрости диалектики¹⁴. В числе этих восторженных слушателей был и Иоанн Солсберийский. Поэтому вполне естественно, что, оказавшись в Париже, он первым же делом отправился к «перипатетику из Палле»¹⁵, преподававшему тогда на холме св. Женевье-

¹² Подробнее о начале нового года в средние века см.: *Poole R.L. Studies...* P. 1–27. О смерти Генриха I см.: *Ibid.* P. 223. О.В. Голова ошибочно полагает, что Иоанн начал учиться во Франции в 1135 г. (*Голова О.В. Иоанн Солсберийский // Новая философская энциклопедия.* М., 2001. Т. 2. С. 148).

¹³ Подробнее о жизни и творчестве Петра Абеляра см.: *Ottaviano C. Pietro Abelardo: La vita, le opere, il pensiero.* Roma, 1931; *Sikes J.G. Peter Abailard.* Cambridge, 1932; *Clanchy M.T. Abelard: A Medieval Life.* Oxford, 1997; *Mews C.J. Abelard and Heloise.* Oxford, 2005. Из работ на русском языке см.: *Сидорова Н.А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции.* М., 1953; *Она же. Петр Абеляр – представитель средневекового свободомыслия // Абеляр П. История моих бедствий.* М., 1959. С. 179–223; *Неретина С.С. Абеляр и особенности средневекового философствования // Абеляр П. Теологические трактаты / Пер., вступ. ст. и коммент. С.С. Неретиной.* М., 1995. С. 5–49; *Она же. Концептуализм Абеляра. Слово и текст в средневековой культуре.* М., 1996; *Федотов Г.П. Собр. соч.* М., 1996. Т. 1. С. 185–274.

¹⁴ Под влиянием Петра Абеляра Роландо Бандинелли написал свои “Сентенции”. Ричард Пуатевинский и Гиациант Бобони защищали схоласта от нападков врагов при его жизни и отстаивали добрую память после смерти. См.: *Неретина С.С. Концептуализм Абеляра...* С. 35. Подробнее об учениках и последователях Абеляра см.: *Luscombe D. The School of Peter Abelard: The Influence of Abelard's Thought in the Early Scholastic Period.* Cambridge, 1969.

¹⁵ *Metalogicus.* II: 10. Col. 867. «Peripateticus palatinus» – это не только указание на место рождения Петра Абеляра («перипатетик из Палле»), но и свидетельство особенного положения схоласта среди современников. Иоанн называл Аристотеля «государем перипатетиков» («princeps peripateticorum»), а Абеляра – его придворным. Поэтому «peripateticus palatinus» иногда переводят как «придворный перипатетик». См.: *Metalogicus.* II: 2. Col. 859; *Clanchy M.T. Abelard...* P. 97.

вы. Автор “Логики для начинающих” (“Logica ingredientibus”, 1114 г.), “Диалектики” (“Dialectica”, 1118–1134 гг.), “Да и Нет” (“Sic et Non”, 1122–1125 гг.) и многих других трактатов по самым разным областям философского знания, Абеляр обладал качествами, выделявшими его среди современников. Прежде всего, сам облик Петра, манера поведения и стиль преподавания напоминали окружавшим его школярам о времени великих мудрецов древности. Кроме того, Абеляр мог ясно и стройно изложить любой, даже самый сложный и запутанный предмет, при этом нисколько не исказив первоначальный смысл. Под руководством схоласта Иоанн начал изучать диалектику – одну из дисциплин тривиума¹⁶, но из-за скорого отъезда наставника был вынужден идти к другому¹⁷.

Интересный факт: в рассказе о магистрах, обучавших Иоанна в течение двух неполных лет на холме св. Женеьевы, названы, помимо самого Абеляра, еще Альберик и Роберт Меленский. Иоанн дал каждому из своих учителей краткую, но достаточно точную характеристику. При этом, однако, он практически ничего не сказал об Абеляре, без сомнения самом оригинальном среди парижских магистров XII в. В чем причина столь странного немногословия? Можно ли его объяснить только простой забывчивостью автора, нехарактерной для него невнимательностью к деталям собственного прошлого или неумышленной непоследовательностью? Иоанн неоднократно выказывал свою симпатию, выраженную, правда, во вполне традиционных риторических оборотах того времени, как к самому Абеляру, так и к его последователям¹⁸. Поэтому, едва ли правомерно причислять мыслителя к лагерю противников “нового Голиафа”. На наш взгляд, немногословие Иоанна объясняется только гораздо более ранним, чем предполагают

¹⁶ Курс изучения свободных искусств в средневековой Западной Европе подразделялся на два этапа – освоение предметов тривиума (грамматика, риторика, диалектика) и квадравиума (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) – см.: Тимофеев М.А. “Свободные искусства” // Словарь средневековой культуры / Под. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 461–467.

¹⁷ Metalogicus. II: 10. Col. 867.

¹⁸ *John of Salisbury. Entheticus Maior // Idem. Entheticus Maior and Minor. Vol. 1. P. 109; Idem. Historia Pontificalis. P. 16; Nederman C.J. John of Salisbury... P. 7.*

Р. Пул и К. Уэбб, отъездом Абельяра из Парижа¹⁹. В 1136 г. он вернулся из Бретани. В этом же году произошла размолвка между Элоизой и Бернардом Клервосским, вероятно, подтолкнувшая Абельяра покинуть холм св. Женевьевы. Нельзя исключать, что одной из причин отъезда были яростные выпады со стороны его многочисленных противников, например, Гильома из Сен-Тьерри, который, отстаивая чистоту христианской догматики, пытался настроить против Абельяра всеильного Бернарда Клервосского²⁰. Таким образом, уместно предположить, что Петр уехал с холма св. Женевьевы в середине 1137 г.

Затем Иоанн отправился к магистру Альберику, «который выделялся своей блестящей репутацией среди других диалектиков и был самым острым полемистом в школе номиналистов»²¹. Молодой школяр создает портрет опытного спорщика и требовательно-наставника. Иную, во многом предвзятую оценку Альберика мы находим в «Истории моих бедствий» Петра Абельяра. На страницах этого произведения, написанного в 1135–1136 гг., Альберик предстает в облике человека, лишенного способности понять истинный смысл высказываний противника. Однажды невнимательность схоласта к аргументам оппонента даже привела в смущение его собственных учеников²².

На наш взгляд, этого магистра вполне оправданно идентифицируют с Альбериком Реймским²³. Архидьякон, а с 1136 г. – архи-

¹⁹ Р. Пул и К. Уэбб считают, что Абельяр уехал из Парижа в 1137 г. (*Poole R.L. Preface // Ioannis Saresberiensis. Historia Pontificalis quae supersunt. Oxford, 1927. P. LXI; Webb C. John of Salisbury... P. 5*).

²⁰ Во второй половине 30-х годов XII в. Гильом из Сен-Тьерри начал писать Бернарду Клервосскому обличительные письма против Абельяра. Неслучайно два года спустя, в 1140 г., состоялся церковный собор в Сансе, созданный недоброжелателями «нового Голиафа» с целью полного осуждения его идей и работ. Поэтому нельзя исключать, что уже к середине 1137 г. давление противников было столь велико, что Абельяр спешно покинул Париж. См.: *Clanchy M.T. Abelard... P. 27*.

²¹ «...qui inter caeteros opinatissimus dialecticus enitebat, et erat revera nominalis sectae acerrimus impuginator» (*Metalogicus. II: 10. Col. 867; Металогик. С. 350*). Подробнее см.: *De Rijk M.L. Some New Evidence on Twelfth-Century Logic: Alberic and the School of Mont Ste Genevieve (Montani) // Vivarium. 1966. Vol. 4. P. 1-57*.

²² Абельяр П. История моих бедствий. М., 1959. С. 36–37.

²³ Н. Херинг, напротив, считает такую идентификацию малоубедительной (*Häring N. Chartres and Paris Revisited // Essays in Honour of Anton*

епископ Буржа²⁴, он был последовательным критиком Абеяра. В 1121 г. на соборе в Суассоне Альберик вместе с Лотульфом Ломбардским выступил с рядом обвинений в его адрес²⁵. Альберик укорял своего противника в том, что тот, будучи монахом, все еще продолжал читать лекции по философии и преподавать теологию, не получив соответствующего одобрения церкви. Их постоянное соперничество не прошло незамеченным для современников. Так, по мнению Гуго Примаса, только школа в Реймсе, которой руководил Альберик, была обителью истинной философии, где «не произносили имя Сократа, а взывали к вечной Троице». А Абеяра он называет «Гнафоном», по имени одного отрицательного героя комедии Теренция «Евнух»²⁶.

Действительно, кафедральная школа в Реймсе в XI – первой половине XII в. представляла собой крупный интеллектуальный центр и пользовалась заслуженным уважением в ученых кругах; ее магистры, и прежде всего – Альберик, продолжали традиции своих учителей – Гильома из Шампо и Ансельма Ланского²⁷.

Одним из учеников Альберика в Реймсе был будущий автор «Сентенций» Петр Ломбардский, который в 1136 г. покинул этот город и отправился в Париж²⁸. Нельзя исключать, что его отъезд

Charles Pegis / Ed. by J.R. O'Donnell. Toronto, 1974. P. 317). Иоанн в одной из глав «Металогика» говорит об Альберике Реймском и Симоне Парижском. Поэтому вполне оправданно отождествление этих схоластов с магистрами Альбериком и Симоном из Пуасси. См.: *Metalogicus*. I: 5. Col. 832.

²⁴ Некоторые незначительные упоминания об Альберике можно встретить в «Церковной истории» Иоанна («*Historia Pontificalis*», 1164 г.), в одном из писем Бернарда Клервосского и у Оттона Фрейзингенского – см.: «*Albericus Remensis qui post in archiepiscopum Bituris sublimatus est*» (*John of Salisbury. Historia Pontificalis*. P. 19); *Bernardus Claraevallensis. Epistola XIII* // PL. 1854. T. 182. Col. 116–117; *Otonis episcopi Frisingensis. Gesta Friderici I Imperatoris* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover, 1912. Liber I. XLVIII. S. 69.

²⁵ *Luscombe D. The School...* P. 104; *Mews C.J. Abelard and Heloise...* P. 119–122.

²⁶ *Перну Р. Элоиза и Абеяра*. М., 2005. С. 141.

²⁷ *Абеяра П. История моих бедствий*. М., 1959. С. 18; *Williams J.R. The Cathedral School of Reims in the Time of Master Alberic, 1118–1136* // *Traditio*. 1964. Vol. 20. P. 93–114.

²⁸ *Colish M. Peter Lombard*. Leiden; N.Y.; Köln, 1994. Vol. 1. P. 17.

напрямую связан с новым назначением Альберика, ставшего в 1136 г. архиепископом Буржа, уехавшего по этой причине из Реймса и, вероятно, искавшего славы в Париже. Об Альберике с холма св. Женевьевы также упоминает Гильом Тирский²⁹.

Вероятно, после 1138 г. Альберик отправился в Болонью³⁰. По возвращении, как замечает Иоанн, он «скорее отучал, чем обучал». Д. Ласкомб справедливо указывает на странность этой поездки, ведь такому крупному философу, как Альберик, просто нечего было делать в Болонье, никогда не отличавшейся высоким уровнем преподавания диалектики³¹.

Вполне возможно, к 1147 г. Альберик либо умер, либо был переведен на другую кафедру, поскольку в этот год французский король Людовик VII пытался добиться назначения своего человека на пост архиепископа Буржа, но столкнулся с сопротивлением горожан, отстаивавших другого кандидата³². Имя Альберика в связи с этим уже не фигурировало.

После Альберика, Иоанн продолжил изучать курс диалектики под руководством своего соотечественника, «проницательного,

²⁹ В 1962 г. известный архивист и палеограф Роберт Хьюгенс обнаружил в Ватиканской библиотеке неизвестный ранее фрагмент сочинения Гильома Тирского “История деяний в заморских странах” (“*Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*”). Найденный отрывок представляет собой краткий автобиографический экскурс, в котором Гильом рассказывает о своем двадцатилетнем (с 1145 по 1165 г.) обучении в различных интеллектуальных центрах Западной Европы. Эти “воспоминания” дополняют и уточняют сведения других источников по истории науки и культуры во Франции XII в. Гильом, как, впрочем, и Иоанн, говоря о парижских магистрах, подразумевает Альберика, Роберта Меленского, Роберта Пулленского (?) и Адама Парвипонтана: «*Audivimus et alios etsi non assidue, tamen sepius et maxime disputationis gratia, viros eximios et omni laude prosequendos magistrum Albericum de Monte, magistrum Robertum de Meleuduno, magistrum Mainerum, magistrum Robertum Amiclas, magistrum Adam de Parvo Ponte, qui videbantur quasi maiora luminaria*» [Huygens R.B.C. Guillaume de Tyre étudiant. Un chapitre (XIX. 12) de son “*Histoire*” retrouvé // *Latomus*. 1962. Vol. 21. P. 822–823].

³⁰ *Metalogicus*. II: 10. Col. 867–868.

³¹ *Luscombe D. The School...* P. 90. Уточнить дату поездки Альберика в Болонью не представляется возможным – см.: *Håring N. Chartres and Paris...* P. 318.

³² *Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д’Арк, 987–1460. М., 2001. С. 237.*

краткого и гибкого» наставника, магистра Роберта Меленского³³. В начале своей карьеры он преподавал в Мелене, а затем, вероятно, в связи с отъездом в середине 1136 г. Абельяра из Парижа, переехал на холм св. Женевиевы. Его учениками, наряду с Иоанном, были также Гильом Тирский³⁴ и, вполне возможно, – Фома Бекет³⁵.

По свидетельству Иоанна, Роберт Меленский принимал участие в работе Реймского собора 1148 г.³⁶ В 1160 г., по приглашению английского короля Генриха I Плантагенета, он приехал в Англию, а спустя три года, в 1163 г., стал епископом Херефордским³⁷. Через много лет после обучения во Франции, Иоанн, проявляя изрядную

³³ *Oeuvres de Robert de Melun* / Ed. by R.J. Martin and R.M. Gallet. Louvain, 1932–1952. Vol. 1–3. Кроме того, анонимный автор “Метаморфоз епископа Голии” (“*Metamorphosis Goliae episcopi*”) также упоминает о Роберте: «*Robertus theologus corde vivens mundo adest*» (*Huygens R.B.C. Mitteilungen aus Handschriften*. III. Die Metamorphose des Goliae // *Studi Medievali*. Ser. III. 1962. Vol. 3, N 2. P. 764–772). Долгое время этот памятник приписывался Вальтеру Мэпу, однако до сих пор авторство сочинения остается невыясненным. “Метаморфозы епископа Голии”, наряду со свидетельствами Иоанна Солсберийского и Гильома Тирского, позволяют восстановить местонахождение некоторых парижских магистров XII в. См.: *Latin Poems Commonly Attributed to Walter Mapes*. L., 1841. P. 21–30; *Poole R.L. The Masters...* P. 336–342; *Häring N. Chartres and Paris...* P. 268–329; *Benton J.F. Philology’s Search for Abelard in the Metamorphosis Goliae* // *Speculum*. 1975. Vol. 50. P. 199–217; *Southern R.W. The Schools of Paris and the School of Chartres* // *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*. Cambridge, 1982. P. 113–137.

³⁴ *Huygens R.B.C. Guillaume de Tyre...* P. 823.

³⁵ *Barlow F. Thomas Becket*. Berkeley; Los Angeles, 1986. P. 20.

³⁶ *John of Salisbury. Historia Pontificalis*. P. 16.

³⁷ На этом посту Роберт сменил знаменитого Гильберта Фолиота, крупного церковного и политического деятеля XII в. Однако, став епископом, он в споре Генриха II с архиепископом Фомой Бекетом принял сторону короля, что вызвало бурю негодования со стороны Иоанна Солсберийского. См.: «*Rem quoque mirabilem, si tamen vera est, omnes qui audiunt pariter admirantur, quod scilicet episcopus Herefordensis, vir litteratus et mundi contemptor habitus, in archiepiscopum suum et consecratorem invehitur, dicens eum turbatorem rerum qui ecclesiae vendicat libertatem*» (*The Letters of John of Salisbury*. Vol. 2. P. 127, № 171).

осведомленность и прежний интерес к наукам, заметил, что Роберт стал знатоком Священного Писания и прославился как философ³⁸.

С одобрения Альберика и Роберта молодой школяр отправился к Гильому Коншскому³⁹, «сильнейшему грамматiku после Бернарда (Шартрского. – А.Г.)»⁴⁰. У этого магистра Иоанн учился три года, с 1138 по 1141 г.⁴¹

Иоанн приехал к Гильому, когда тот был в зените славы⁴². К 1138 г. схоласт написал трактат “Философия мира” (“*Philosophia mundi*”, 1125–1130 гг.)⁴³ и, если принять датировку М. Грабманна,

³⁸ «*Porro alter (Роберт Меленский. – А.Г.) in divinis proficiens litteris, etiam eminentioris philosophiae, et celebrioris nominis assecutus est gloriam*» (*Metalogicus*. II: 10. Col. 868).

³⁹ *Charma A.* Guillaume de Conches. P., 1857; *Flatten H.* Die Philosophie des Wilhelm von Conches. Koblenz, 1929; *Gregory T.* Anima Mundi. La Filosofia di Guglielmo di Conches e la Scuola di Chartres. Firenze, 1955; *Garin E.* Studi sul Platonismo Medievale. Firenze, 1958. P. 62-85; *Elford D.* William of Conches // A History of Twelfth-Century Western Philosophy / Ed. by P. Dronke. Cambridge, 1988. P. 308–327.

⁴⁰ *Metalogicus*. I: 5. Col. 832.

⁴¹ «*Deinde reversus in me, et metiens vires meas, bona praeceptorum meorum gratia, consulto me ad grammaticum de Conchis transtuli, ipsumque triennio docentem audivi* (курсив мой. – А.Г.)» (*Metalogicus*. II: 10. Col. 868). Поскольку мы знаем, что Иоанн учился у Абеяра, Альберика и Роберта в течение двух лет, с 1136 по 1138 г., постольку можем с уверенностью полагать, что в период с 1138 по 1141 г. схоласт занимался у Гильома.

⁴² После осуждения Петра Абеяра на Санском соборе 1140 г. взоры критиков устремились на Гильома – см.: *Gualterius de St. Victore*. Liber contra quatuor labyrinthos Franciae // PL. 1900. T. 199. Col. 1170–1172; *Guillelmus de St. Theodorico*. De erroribus Guillelmi de Conchis // Ibid. 1855. T. 180. Col. 333–340.

⁴³ Любопытно, что в последующие века этот трактат издавался под другими именами. Так, в 1531 г. в Базеле была выпущена работа Гильома под названием “Три книги философских и астрономических наставлений” (“*Philosophicarum et astronomicarum institutionum libri tres*”), приписывавшаяся Гильому Гиршаускому. Уже в XIX в., при отборе текстов в “Латинскую патрологию” Миня, сочинение схоласта оказалось там в двух вариантах: в 90-м томе под именем Беды Достопочтенного, а в 172-м томе – Гонория Августодунского – см.: *Bedaе Venerabilis* Περὶ διδασκαλίας sive Elementorum philosophiae libri quattuor // PL. 1850. T. 90. Col. 1127–1178; *Honorius Augustodunensis*. De philosophia mundi libri quattuor // Ibid. 1854.

приступил к созданию так называемой “Третьей философии” (“*Tertia philosophia*”, 1138–1141 гг.)⁴⁴. Гильом, по словам Э. Жильсона, был «законченным представителем Шартрской школы»⁴⁵. Между тем, возникает резонный вопрос: куда Иоанн отправился чтобы слушать его лекции, в Париж или в Шартр? В 10 главе II книги “Металогика” Иоанн говорит о том, что «возвратился» («*re-versus*») в Париж после трехлетнего отсутствия⁴⁶. Исследователи почти единодушны во мнении, что это упоминание непосредственно относится ко времени учебы у магистра Гильома. Основываясь на данном прочтении текста “Металогика”, они выдвинули ряд гипотез о местонахождении Иоанна в период с 1138 по 1141 г.

Издатель сочинения Иоанна “Энтетик об основоположении философов” (“*Entheticus de dogmate philosophorum*”) К. Петерсен предположил, что схоласт мог уехать в Англию и пробыть там вплоть до 1141 г.⁴⁷ Эта гипотеза, однако, несколько не согласуется с тем фактом, что Гильом Коншский никогда не был в Англии. Куда более правдоподобней выглядит версия, предложенная К. Шааршмидтом, согласно которой Иоанн провел три года в Шартре у Гильома⁴⁸. Шааршмидт исходит, в частности, из того, что схоласт дает подробное описание взглядов и методов работы знаменитого Бернарда Шартрского⁴⁹. Исследователь считает, что Иоанн был живым свидетелем преподавания этого магистра. Од-

Т. 172. Col. 39–102; *Зубов В.П.* Развитие атомистических представлений до начала XIX в. М., 1965. С. 68.

⁴⁴ *Gregory T.* Anima mundi... P. 9; *Рамм Б.Я.* Гильом Коншский (Из истории развития прогрессивных идей во Франции в начале XII в.) // Французский ежегодник, 1959. М., 1961. С. 41–43. Трактат “Третья философия” был написан в период между созданием “Философии мира” и “Снопа философских колосьев” (“*Dragmaticon philosophiae*”, 1144–1149 гг.).

⁴⁵ *Жильсон Э.* Философия в Средние века: От истоков патристики до конца XIV в. М., 2004. С. 207.

⁴⁶ *Metalogicus.* II: 10. Col. 868.

⁴⁷ *Johannis Saresberiensis.* Entheticus de Dogmate Philosophorum / Nunc primum ed. et comment. instructus a Christiano Petersen. Hamburgi, 1843. P. 68–78.

⁴⁸ *Schaarschmidt H.* Op. cit. S. 14–22.

⁴⁹ *Metalogicus.* I: 24. Col. 853–856. Так, например, Ч.Х. Хаскинс ошибочно считал, чтоб наряду с Гильомом, Иоанн слушал лекции Бернарда Шартрского [*Haskins Ch.H.* The Rise of Universities. Ithaca (N.Y.), 1966. P. 41].

нако, как установил А. Клерваль, Бернард умер до 1130 г.⁵⁰ На наш взгляд, такие точные сведения схоласт почерпнул из разговоров с людьми, хорошо знавшими Бернарда.

Р. Сазерн настаивает на ином, нежели у К. Петерсена и К. Шааршмидта, толковании этого трехлетнего путешествия⁵¹. Поскольку холм св. Женевьевы находился в пригороде Парижа, то, как считает исследователь, Иоанн, покинув его, отправился собственно в Париж. Следовательно, именно в Париже он слушал лекции Гильома Коншского, а спустя три года вернулся обратно на холм⁵². Между тем, источники XII в. (“Метаморфозы епископа Голии”, автобиографическая глава “Истории деяний в заморских странах” Гильома Тирского) не упоминают о Гильоме Коншском в числе парижских магистров, а значит – знаменитый философ преподавал, скорее всего, только в Шартре. Одним из косвенных аргументов, подтверждающих гипотезу К. Шааршмидта, являются упоминания самого Иоанна. Схоласт в рассказе о своих учителях неоднократно помещает Гильома вместе с Бернардом Шартрским⁵³.

⁵⁰ *Clerval A. Les Ecoles de Chartres au Moyen Age.* P., 1895. P. 161. Первоначально Р. Пул поддержал гипотезу К. Шааршмидта, однако потом сам же представил доказательства ее полной несостоятельности. Едва ли уместно отождествлять Бернарда Шартрского с Бернардом Сильвестром из Тура. Как показали недавние исследования, эти магистры – два разных лица. См.: *Poole R.L. The Masters...* P. 326–331; *Idem. Illustrations of the History of Medieval Thought and Learning.* N.Y., 1960. P. 101; *Stock B. Myth and Science in Twelfth Century: A Study of Bernard Silvester.* N.Y., 1972. P. 13.

⁵¹ *Southern R.W. Medieval Humanism and Other Studies.* N.Y., 1970. P. 73.

⁵² Гипотеза Р. Сазерна была подвергнута обстоятельной критике со стороны П. Дронке и Н. Херинга (*Dronke P. New Approaches to the School of Chartres // Anuario de Estudios Medievales.* 1969. Vol. 6. P. 117–140; *Håring N. Chartres and Paris...* P. 268–329).

⁵³ В одной из глав “Металогика” Иоанн говорит о Гильоме Коншском и Ричарде “Епископе” как о продолжателях метода обучения магистра Бернарда (*Metalogicus. I: 24. Col. 856*). Кроме того, Иоанн называет Гильберта Порретанского канцлером Шартра: «...magister Gilbertus tum quidem cancellarius Carnotensis et postmodum venerabilis episcopus Pictavorum» (*Metalogicus. I: 5. Col. 832*). Данное упоминание, как считает П. Дронке, является одним из аргументов в пользу гипотезы Шааршмидта (*Dronke P. New approaches...* P. 122–123).

После завершения трехлетнего обучения у Гильома Коншского Иоанн стал слушателем у Ричарда, прозванного “Епископом”⁵⁴. Все дальнейшее описание пребывания Иоанна у разных магистров исследователи относят ко времени занятий грамматикой у магистра Гильома. Иоанн пишет: «С Ричардом я повторил все, что учил с другими, а также выучил кое-что новое из квадривия, к которому в известной мере был уже подготовлен Хардевином Германцем»⁵⁵. Из этого отрывка видно, что Иоанн занимался с Хардевином до Ричарда, вероятно – в Париже. И далее читаем: «Я повторил также риторику, которую немного раньше слушал вместе с некоторыми другими предметами у магистра Теодориха»⁵⁶. Следовательно, Иоанн изучал риторику опять же до Ричарда “Епископа”. Как известно, магистр Теодорих в 1141 г. покинул Париж и вернулся в Шартр⁵⁷. В этом же году, Иоанн завершил свое обучение у Гильома. Поэтому Иоанн слушал лекции Теодориха либо в Париже⁵⁸ (возможно, вместе с Кларенбальдом Аррасским⁵⁹), пока занимался на холме св. Женевьевы, либо в Шартре, на исходе 1141 г.

⁵⁴ Едва ли правильно локализовать Ричарда “Епископа” в Шартре, как это делали А. Клерваль и Р. Пул. См.: *Clerval A. Les Ecoles de Chartres...* P. 182-184; *Keats-Rohan K.S.B. John of Salisbury...* P. 12; *Weijers O. The Chronology...* P. 112.

⁵⁵ «...ab eo cuncta relegi, et inaudita quaedam, ad quadrivium pertinentia, in quo aliquatenus Teutonicum praeaudieram Hardewinum, didici» (*Metalogicus. II: 10. Col. 868; Металогик. С. 351*).

⁵⁶ «Relegi quoque rhetoricam, quam prius cum quibusdam aliis a magistro Theodorico tenuiter auditam, paululum intelligebam» (*Metalogicus. II: 10. Col. 868; Металогик. С. 352*).

⁵⁷ *Gilson E. History of Christian Philosophy in the Middle Ages. L., 1955. P. 145.* Перу магистра Теодориха принадлежит большое число работ, среди которых особое место занимают: “Семикнижие” (“*Heptateuchon*”, 1135–1141 гг.), толкования на трактаты Бозция “О Троице” (“*De Trinitate*”) и “О hebдомадах” (“*De hebdomadis*”), “О семи днях и шести этапах творения” (“*De septem diebus et sex operum distinctionibus*”). Подробнее см.: *Maccagnolo E. Rerum Universitas: Saggio sulla Filosofia di Teodorico di Chartres. Milano, 1976.*

⁵⁸ *Лей Г. Очерки истории средневекового материализма / Пер. с нем. З.В. Горловой и И.А. Саца. М., 1962. С. 232.*

⁵⁹ *Der Kommentar des Clarenboldis von Arras zu Boethius De Trinitate / Hrsg. von W. Jansen. Breslau, 1926; Håring N. The Creation and Creator of the World According to Thierry of Chartres and Clarenbald of Arras // Archives d'histoire doctrinale et litteraire du Moyen Age. 1955. Vol. 30. P. 137–*

Находясь в крайне стесненном положении, Иоанн, по совету коллег и друзей, решил дать несколько уроков детям знати, среди которых наиболее известен, пожалуй, Гильом Суассонский⁶⁰. Поскольку необходимость регулярного преподавания требовала от Иоанна глубоких и систематических знаний в самых разных предметах, он, чтобы восполнить пробелы своего образования, обратился за консультациями к магистру Адаму Парвипонтану⁶¹, школа которого располагалась на Малом мосту через Сену⁶². Адам, как пишет Иоанн, был «человеком острого ума и широкой образованности»⁶³; он милостиво делился с молодым коллегой своими обширными знаниями и богатым жизненным опытом и стал Иоанну добрым другом⁶⁴. Иоанн часто именуется Адама «наш английский

216; *Idem*. *Life and Works of Clarenbald of Arras, a Twelfth-Century Master of the School of Chartres*. Toronto, 1965.

⁶⁰ Любопытно, что Гильом Тирский, учившийся почти одновременно с Иоанном, называет Гильома Суассонского в числе ведущих магистров 40–50-х годов XII в., тогда как Иоанн Солсберийский недолгое время сам был его наставником в логике. На примере Иоанна видно, что среди магистров было принято обращаться за консультациями, или, иногда, даже брать уроки у своих непосредственных коллег – см.: *Huygens R.B.C. Guillaume de Tyre...* P. 823. Помимо Гильома Суассонского и, впоследствии, Петра из Целлы, Р. Сазерн считает, что Петр Блуасский также был учеником Иоанна в период с 1145 по 1147 г. (*Southern R.W. Medieval Humanism...* P. 209). О логическом методе, разработанном Гильомом Суассонским, см.: *Martin Ch.J. William's machine // The Journal of Philosophy*. 1986. Vol. 83. P. 564–572.

⁶¹ *Metalogicus*. II: 10. Col. 868. Александр Неккам (1157–1217), преподававший в Париже у Малого моста, считал Адама звездой настолько яркой, что в сравнении с ней меркли не только Гильберт, Альберик, Теодорих, но даже Абельяр – см.: *Häring N. Chartres and Paris...* P. 321. В «Метаморфозах епископа Голии» также есть указание на магистра Адама: «*Inter hos et alios in parte remota / Parvi Pontis incola, non loquor ignota, / disputabat digitis directis in iota / et quaecumque dixerat erant per se nota*» (*Huygens R.B.C. Mitteilungen aus Handschriften*. III... P. 771). Об Адаме Парвипонтане упоминает и Гильом Тирский – см.: *Huygens R.B.C. Guillaume de Tyre...* P. 823.

⁶² Подробнее см.: *Minio-Paluello L. The "Ars disserendi" of Adam of Balsham // Medieval and Renaissance Studies*. 1954. Vol. 3. P. 116–169.

⁶³ *Metalogicus*. II: 10. Col. 868.

⁶⁴ «*Habui enim hominem familiarem assiduitate colloquii, et communicatione librorum, et quotidiano fere exercitio super emergentibus articulis conferendi*» (*Ibid*. III: 3. Col. 899).

перипатетик», указывая не только на общность их происхождения, но и на приверженность этого мыслителя философии Аристотеля⁶⁵. Он дает весьма лестные оценки Адаму, но, вместе с тем, замечает, что не только не является его учеником, но и не разделяет взглядов магистра, поскольку держится иных убеждений⁶⁶. В 1132 г. Адам завершил трактат “Искусство рассуждения” (“Ars disserendi”), или “Диалектика” (“Dialectica”)⁶⁷, о котором Иоанн упоминает в своем “Металогике”⁶⁸.

В II: 10 “Металогика”, Иоанн дважды говорит о том, что из-за своей бедности, он был вынужден начать преподавать⁶⁹. В первом случае мы достоверно знаем, что схоласт давал уроки в Париже, поскольку обращался за помощью и советами к Адаму Парвипонтану. Во втором же случае, после подробного описания своего знакомства с Адамом и Гильомом Суассонским, Иоанн опять указывает на необходимость зарабатывать уроками. Это “повторение”, с одной стороны, действительно свидетельствует о тяжелом материальном положении схоласта, вынуждавшем его временно прервать свои занятия, а с другой – о том, что Иоанн вполне мог начать преподавать уже вне Парижа (например, в Провансе⁷⁰), поскольку

⁶⁵ Ibid. III: 3. Col. 899; IV: 3. Col. 917.

⁶⁶ «...licet eum doctorem non habuerim, mihi sua benigne communicaret, et se, quod aut nulli faciebat, aut paucis alienis, mihi patentius exponebat” (Ibid. II: 10. Col. 868); «Sed nec una die discipulus ejus fui, ei tamen habeo gratias, quod eo docente plura cognovi, plura ipsius, quoniam aliud ratione consulta praelegeram, ipso arbitro reprobavi» (Ibid. III: 3. Col. 899).

⁶⁷ *Minio-Paluello L. Twelfth-Century Logic. Texts and Studies. Roma, 1956. Vol. 1: Adam Balsamiensis Parvipontani. Ars Disserendi (Dialectica Al-exandri). P. XXI.*

⁶⁸ *Metaligicus. IV: 3. Col. 917.*

⁶⁹ Ibid. II: 10. Col. 868.

⁷⁰ В письме от 1159 г., адресованном Петру из Целлы, Иоанн упоминает об их совместном пребывании в Провансе: «Nam quod ad me, idem sum qui fueram, possideo plus quam nos duo Pruvini habuerimus» (The Letters of John of Salisbury. Vol. 1. P. 184, № 112). Этот пассаж дал основание некоторым ученым говорить о том, что после обучения в Париже схоласт провел некоторое время в Провансе. В своих письмах к Иоанну Петр из Целлы несколько раз называет его «magistro suo», «amico suo» и «clerico suo». К. Брук делает вывод, что схоласт был учителем Петра и, вероятно, его секретарем. Однако можно предположить, что Иоанн действительно наставлял Петра в науках, но не в 1147–1148 гг., а в период с 1141 по 1144 г. А его секретарем Иоанн и впрямь мог быть в 1147 г. См.: The Letters of

вслед за этой фразой идет упоминание о том, что к концу третьего года он вернулся в Париж.

Исследователи предполагают, что Иоанн приехал в Париж в 1141 г. Х. Либешутц и О. Уэйджерс исходят из того, что с 1138 по 1141 г. схоласт учился у Гильома, Ричарда “Епископа”, зарабатывал уроками и по истечении этого времени возвратился обратно в Париж⁷¹. Однако в тексте “Металогика” Иоанн вполне определенно сообщает о том, что учеба у Гильома и занятия с Ричардом “Епископом” проходили в разное время. Поскольку наречие “postmodum” означает «потом, впоследствии, в дальнейшем», на наш взгляд, нет никаких оснований утверждать, что встреча с Ричардом относится к 1138–1141 гг. Напротив, она состоялась после того, как Иоанн расстался с Гильомом⁷². По свидетельству схоласта, он учился у шартрского магистра три года (1138–1141). Следовательно, в 1141 г. Иоанн только завершил свои занятия грамматикой под его руководством. А знакомство с Ричардом, соответственно, произошло в конце 1141 г. Все последующие события, описанные Иоанном, без сомнения, принадлежат к этому хронологическому отрезку (1141–1144 гг.). Схоласт употребляет вводное слово “interim” (“между тем, тем временем, пока”) при изложении событий, происходивших после учебы у Ричарда, но, таким обра-

Peter of Celle / Ed. by J. Haseldine. Oxford, 2001. P. 653, № 169; P. 691, № 183; Brooke C.N.L. Introduction // The Letters of John of Salisbury. L., 1955. Vol. 1. P. XV–XVII; Nederman C.J. John of Salisbury... P. 11.

⁷¹ Liebeschütz H. Medieval Humanism... P. 111–113; Weijers O. The Chronology... P. 109–116.

⁷² «Deinde reversus in me, et metiens vires meas, bona praeceptorum meorum gratia, consulto me ad grammaticum de Conchis transtuli, ipsumque triennio docentem audiui. Interim legi plura, nec me unquam poenitebit temporis ejus. Postmodum vero Ricardum, cognomento episcopum, hominem fere nullius disciplinae expertem, et qui plus pectoris habet quam oris, plus scientiae quam facundiae, veritatis quam vanitatis, virtutis quam ostentationis, secutus sum, et quae ab aliis audieram, ab eo cuncta relegi, et inaudita quedam, ad quadrivium pertinentia...» (Metalogicus. II: 10. Col. 868). Таким образом, наречие «postmodum» хронологически отделяет одно событие от другого. Учеба у Гильома Коншского – это 1138–1141 гг., а все последующие факты, прежде всего занятия у Ричарда, относятся к 1141–1144 гг. В 1144 г., «в конце третьего года», Иоанн вернулся в Париж. Подробнее об употреблении “postmodum” в главе II: 10 “Металогика” см.: Weijers O. The Chronology... P. 111–112.

зом, относившихся к одному и тому же периоду⁷³. Иоанн пишет, что к концу третьего года он вернулся в Париж. Если следовать логике нашего рассуждения, третий год истек в 1144 г.

Однако «вернуться в Париж» означает не только буквальное, физическое возвращение в город, но и, самое главное, восстановление прежних интенсивных занятий науками, прерванных необходимостью зарабатывать на жизнь. Еще раз подчеркнем, что, на наш взгляд, Иоанн приехал в Париж не после окончания учебы у Гильома в 1141 г., как полагают многие исследователи, а в 1144 г., т.е. после периода, включавшего в себя обучение у Ричарда “Епископа”, преподавание в Париже, знакомство с Адамом Парвипонтаном и работу в Провансе у Петра из Целлы.

Приехав в Париж, Иоанн сразу же отправился к Гильберту Порретанскому, который «наряду с Абельяром был самым мощным философским умом XII в.»⁷⁴ Однако вскоре магистр покинул своих учеников⁷⁵. Исследователи связывают отъезд Гильберта с его посвящением в 1142 г. в епископы Пуатье⁷⁶. Между тем, нельзя исключать, что и после 1142 г. Гильберт все еще продолжал преподавать в Париже. Поэтому схоласт (по частному делу или по вопросам епархии) вполне мог уехать и в 1144 г.

После Гильберта, Иоанн продолжил изучать теологию у англичанина Роберта Пулленского⁷⁷. Известно, что в конце 1144 г. этот магистр отправился в Италию. Поскольку Иоанн приехал в Париж в 1144 г., он вполне мог в течение этого года слушать лекции как Гильберта, так и Роберта Пулленского. После Роберта Иоанн занимался под руководством магистра Симона из Пуасси⁷⁸, который был «хорошим лектором, но плохим полемистом»⁷⁹.

⁷³ Metalogicus. II: 10. Col. 868.

⁷⁴ Жильсон Э. Философия... С. 199.

⁷⁵ Metalogicus. II: 2. Col. 868–869.

⁷⁶ Шишков А.М. Средневековая интеллектуальная культура. М., 2003. С. 69.

⁷⁷ Р. Пул привел некоторые отрывочные сведения о магистре: «Magister Rob' pulein scripturas divinas que in Anglia obsoluerant apud Oxon legere cepit. Qui postea, cum ex doctrina eius ecclesia tam Anglicana quam Gallicana plurimum profecisset, a papa Lucio secundo vocatus et in cancellarium sancta Romane ecclesie promotus est» (Poole R.L. Studies... P. 287). См. также: Courtney Fr.F. Cardinal Robert Pullen: An English Theologian of the Twelfth Century. Rome, 1954. P. 9.

⁷⁸ Б. Смолли и Н. Херинг не разделяют мнение исследователей, согласно которому Симон из Пуасси и Симон Парижский – одно и то же ли-

В период с 1144 по 1147–1148 гг. Иоанн учился у Гильберта Порретанского, Роберта Пулленского, Симона из Пуасси, и, возможно, у Петра Хелиаса⁸⁰. Рассказывая о своих занятиях риторикой у магистра Теодориха, схоласт заметил, что «позднее он изучил ее более полно с Петром Хелиасом»⁸¹. Поэтому естественно предположить, что именно в указанный период Иоанн обучался у Петра. Однако большую часть времени, Иоанн, по-видимому, провел в качестве личного секретаря Петра из Целлы⁸².

Так в ученых занятиях промелькнуло долгих двенадцать лет⁸³. Иоанн хорошо освоился в науках и, как видно из его воспоминаний, ощущал себя на равных с бывшими учителями. Уже в апреле-мае 1148 г. он принял участие в церковном соборе в Реймсе, созванном с целью рассмотрения богословских, прежде всего, тринитарных воззрений Гильберта Порретанского. Об этом подробно схоласт написал в своей «Церковной истории»⁸⁴.

Итак, предложенное нами толкование некоторых эпизодов двенадцатилетнего обучения Иоанна в школах Парижа и Шартра дает веские основания не только значительно пересмотреть хронологию пребывания схоласта на Континенте, но и объяснить расплывчатые суждения, высказанные им в адрес своих современников (например, Петра Абеляра). Подробный анализ большей части упоминаний Солсберийца об этом времени позволил нам найти логи-

цо: *Smalley B. The Becket Conflict...* P. 89; *Häring N. Chartres and Paris...* P. 322.

⁷⁹ *Metalogicus*. II: 10. Col. 869; *Металогик*. С. 352.

⁸⁰ Петр, возможно, происходил из английского города Или (Ely, графство Кембриджшир).

⁸¹ *Metalogicus*. 10: Col. 868; *Металогик*. С. 352. Недавно появилось новое критическое издание основного труда мыслителя: *Petrus Helias. Summa super Priscianum* / Ed. by L. Reilly. Toronto, 1993. Vol. 1–12. Как указывает Н. Херинг, Хелиас учился в Париже у Теодориха. Гильом Тирский помещает Петра вместе с магистром Бернардом и Иво Шартрским – см.: *Häring N. Chartres and Paris...* P. 319; *Huygens R.B.C. Guillaume de Tyre...* P. 822. Подробнее см.: *Fredborg K.M. The Dependence of Petrus Helias' Summa super Priscianum on William of Conches' Glose super Priscianum* // *Cahiers de l'Institut du Moyen Age Grec et Latin de l'Université de Copenhague*. 1973. Vol. 11. P. 1–57.

⁸² *Nederman C.J. John of Salisbury...* P. 11.

⁸³ «Sic fere duodecennium mihi elapsus est, diversis studiis occupato» (*Metalogicus*. II: 10. Col. 869).

⁸⁴ *John of Salisbury. Historia Pontificalis*. P. 15–41.

ческое объяснение многих темных мест главы II: 10 “Металогика” и уточнить датировку отдельных событий жизни Иоанна. Так, в частности, мы предположили, что отъезд Гильберта Порретанского из Парижа имел место не в 1142, а в 1144 г. Данная гипотеза позволяет скорректировать принятую на сегодняшний день в западной историографии последовательность занятий Иоанном свободными искусствами во Франции и помогает реконструировать этапы его знакомства с ярчайшими представителями культуры XII в.

Приложение. Хронология обучения Иоанна Солсберийского во Франции в 1136–1148 гг.

Выводы нашей работы (в сопоставлении с итогами изысканий К. Китс-Розн⁸⁵, Я. ван Лаарховена⁸⁶ и О. Уэйджерс⁸⁷) обобщены в таблице, помещенной в качестве приложения к настоящей статье. В таблице наглядно показаны сходства и расхождения в толковании этапов обучения Иоанна.

⁸⁵ *Keats-Rohan K.S.B. The Chronology... P. 193–203.*

⁸⁶ *Laarhoven J. van. John of Salisbury: Life and Works // John of Salisbury's Entheticus Maior and Minor. Vol. 1. P. 3–4.*

⁸⁷ *Weijers O. The Chronology... P. 109–116.*

Приложение 1.

ВРЕМЯ				МЕСТО			
Автор	Китс-Розн	Лаарховен	Уэйджерс	Автор	Китс-Розн	Лаарховен	Уэйджерс
1136-1138				1. Иоанн на холме св. Женевьевы изучал диалектику у П. Абеляра, Альберика и Роберта Меленского.			
				2. Вероятно, в Париже Иоанн слушал лекции Теодориха Шартрского.			
1138-1141				1. В течение трех лет Иоанн изучал грамматику у Гильома Коншского:			
				– в Шартре	– в Париже.	– в Париже.	– в Шартре (?).
1138-1141				2. Недолго Иоанн изучал риторику у Теодориха Шартрского в Париже (?)			
				3. Знакомство с Адамом Парвипонтаном (Париж). 4. Занимался у Хардевина Германца и Теодориха Шартрского. 5. Занятия у Ричарда “Епископа”.			

Приложение 1 (окончание).

Автор	Китс-Розн	Лаарховен	Уэйджерс	Автор	Китс-Розн	Лаарховен	Уэйджерс
1144		1142-1144		<i>Вернулся в Париж.</i>	Занимался теологией у Симона из Пуасси.	В Париже учился у Роберта Пулленского.	
1144-1147/1148		1144-1145 1141/1146		1. Некоторое время занимался у Гильберта Порретанского. 2. Недолго изучал теологию у Роберта Пулленского, который в конце 1144 г. уехал в Италию 3. Продолжил свои занятия теологией у Симона из Пуасси. 4. Обучался у Петра Хелиаса. 5. Возможно, некоторое время был секретарем у Петра из Целлы.		1. Изучал теологию у Симона из Пуасси 2. Занимался у Петра Хелиаса, знакомство с Адамом Парвипонтаном.	
1148		1146-1148		1. Завершил свое обучение в Париже и Шартре 2. Принял участие в работе церковного собора в Реймсе, созванного с целью рассмотрения богословских взглядов Гильберта Порретанского.		1. Был личным секретарем у Петра из Целлы.	

Ю.Ф. Игина

**Ад, дьявол, ведьма и “несчастный простак”:
“Антиведовской памфлет” как инструмент воздействия
на обыденное сознание (Англия, 1592 г.)***

Английские памфлеты, повествующие о событиях судебных процессов над ведьмами, без сомнения являются одним из наиболее значимых типов источников по истории ведовства и, вместе с тем, весьма трудны для интерпретации. Сложность задачи исследователя связана, в первую очередь, с выяснением проблемы происхождения подобного рода текстов, их авторства, с определением круга источников, которыми пользовались авторы памфлетов в процессе их создания.

По мнению современной британской исследовательницы антиведовской памфлетной литературы М. Гибсон, ведовские памфлеты с точки зрения *достоверности* можно разделить на два типа. К первому относятся памфлеты, *основанные на реальных событиях*, имевших место в действительности ведовских судах. Этот тип памфлетов, в свою очередь, можно разделить на те, при создании которых автор пользовался *официальными судебными документами*, и те, которые были созданы *без их привлечения*.

Ко второму типу относятся *художественные памфлеты с вымышленным содержанием*, не опирающиеся на какие-либо действительные события, случаи и официальные записи¹. Вне зависимости от принадлежности к тому или иному типу, *все* памфлеты претендовали на достоверность описываемых в них событий и правильность излагаемых их авторами мнений относительно этих событий. Другими словами, на материале памфлетов мы сталкиваемся с жанром, *претендующим* на роль некоего *объективного общественного рупора* или глашатая, оповещающего общество о происходящих внутри него процессах и событиях. Одна из главных задач памфлетной литературы заключалась в том, чтобы убедить читателя в истинности отраженной в памфлете информации и правильности представляемого автором памфлета мнения. Как из-

* Выражаю признательность за помощь и советы при создании этой статьи М.В. Винокуровой и С.Е. Федорову.

¹ Gibson M. Early modern witches. Witchcraft Cases in Contemporary Writing. L.; N.Y., 2005. P. 138–139.

вестно, подавляющее большинство антиведовских памфлетов *анонимны*. Анонимность создавала, на мой взгляд, впечатление объективности всего написанного в памфлете. Однако в действительности, конечно, памфлеты всегда отражали чью-либо позицию. Более того, публикация подобных текстов находилась в тот период под контролем государства: в большинстве своем памфлеты были одобрены цензурой². Поэтому вполне вероятно, что они отражали официальную позицию властей или же позицию, близкую к таковой. Другими словами, памфлет был призван воздействовать на читателя, подавая ему информацию в виде уже готовой интерпретации и сформулированной позиции.

Конечно, возникает вопрос о степени эффективности воздействия памфлетной литературы на читательскую аудиторию: *насколько памфлеты в действительности могли влиять на мнение читателей?* Очевидно, что для обстоятельного ответа на этот вопрос требуется как детальное рассмотрение места антиведовских памфлетов в системе печатной литературы того времени и всех этапов развития этого жанра³, так и подробное исследование проблемы грамотности и чтения в английском обществе XVI в.⁴, что по охвату источникового материала и глубине проблематики далеко выходит за рамки настоящей статьи. Тем не менее, несколько замечаний относительно этого вопроса здесь сделать необходимо.

Во-первых, почти до конца XVI в. у потенциальной читательской аудитории не было других печатных источников, кроме памфлетов, из которых можно было бы почерпнуть подробную информацию о судебных процессах над ведьмами. Собственной демонологической литературы в Англии того периода еще почти не было⁵, как не было и регулярных газет⁶. Даже после возникнове-

² На разрешение цензурой к печати на памфлетах указывает штамп «Printed by Authority» на титульном листе.

³ Подробное современное исследование развития антиведовской памфлетной литературы принадлежит австралийскому историку Дж. Эльборну, защитившему по этой проблеме диссертацию: *Elbourn J. Bewitching the Mind. English witchcraft pamphlets, 1561–1736. Colo Vale (New South Wales), 2003.*

⁴ По этой проблеме см.: *Bennett H.S. English Books and Readers, 1558 to 1603. Cambridge, 1965; Cressy D. Literacy and the Social Order. Cambridge, 1980; Hey D.G. An English Rural Community. Cambridge, 1974.*

⁵ К концу XVI в. английская *демонологическая литература* только начинала зарождаться, и до 1584 г., насколько можно судить, существовала лишь одна работа по схожей тематике, которая может претендовать на звание трактата. Дж. Эльборном, однако, настаивает, что это все-таки

ния демонологической литературы в Англии, круг ее читателей был ограничен рамками ученой публики, способной осилить подобного уровня работы, в то время как памфлеты были доступны для восприятия менее грамотного и невзыскательного читателя. Уже в силу этого памфлеты должны были оказывать значимое *воздействие на общественное мнение*.

Во-вторых, по вопросу о потенциальных *читателях памфлетов* в историографии существует устоявшееся мнение⁷, согласно которому антиведовские памфлеты создавались как произведения *популярного жанра*, предназначенные для самой широкой аудитории, от аристократов и интеллектуалов до простолюдинов. На это указывают жанровые особенности подавляющего большинства памфлетов, простота стиля, способов изложения и языка, облачавшие популярные сюжеты и мотивы в предельно понятную даже самому неискушенному читателю форму. Однако полной уверенности в том, что памфлеты действительно были известны или популярны в народной среде, у нас пока нет. Долгое время в историографии господствовало мнение, согласно которому основная масса простолюдинов – горожан и, особенно, крестьян – в рассматриваемое время оставалась неграмотной⁸, а потому реальное

памфлет (*Elbourn J. Bewitching the Mind... P. 13*). Речь идет о “Коротком трактате” Дж. Кокса (*Coxe F. A Short Treatise declaring the detestable wickedness of magical sciences, as Necromancie, Conjurations of Spirites, Curious Astrologie and suche lyke. L., 1561*). Как бы то ни было, к судам над ведьмами и вопросу о ведовстве этот текст не имеет отношения, потому что представляет собой произведение на тему так называемой “ученой” магии, к которой ведовство не относилось. Реджинальд Скот, автор первого, по всей видимости, английского труда по ведовству, вышедшего в 1584 г. (*Scot R. The Discovery of Witchcraft. L., 1584*), дискутируя в нем с континентальными авторами, не ссылается на английских коллег – за исключением таковых, – однако цитирует английские памфлеты.

⁶ Первые регулярные газеты стали печататься в Англии лишь с 1620-х годов (см.: *Shaaber M.A. Some Forerunners of the Newspaper in England, 1476–1622. Philadelphia, 1929. P. 3*).

⁷ *Blood and Knavery: A Collection of English Renaissance Pamphlets and Ballads of Crime and Sin. P. 11*; *Clark S. The Elizabethan Pamphleteers. Popular Moralistic Pamphlets, 1580–1640. L., 1983. P. 25*; *Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640. Cambridge, 1991. P. 264*.

⁸ Согласно стороннику этого утверждения Д. Кресси, неграмотность среди английского населения выражается в следующих цифрах: 1550 г. – 95–98 % среди женщин, 80–85 % среди мужчин; 1600 г. – 90 % среди жен-

знакомство с популярной литературой фактически оставалось уделом народного меньшинства.

Однако это положение было подвержено тщательному пересмотру рядом ученых, признавших его в итоге ошибочным. Так, крупный исследователь истории книгопечатания и чтения в средневековой Англии Х.С. Беннет, изучая рынок печатной литературы в конце XV – первой половине XVII в., пришел к заключению, что уже в конце XV – начале XVI в. «умение читать было широко распространено». Более того, «это умение можно обнаружить среди всех слоев общества и среди обоих полов»⁹. Помимо аргументации, связанной с объемами и содержанием печатной продукции¹⁰, Беннет приводит акт 1543 г., согласно которому чтение Библии на английском языке запрещалось *женщинам, ремесленникам, подмастерьям, ученикам ремесленников, земледельцам и рабочим*. По мнению историка, различие социальных классов в этом акте было основано на уверенности властей в широком распространении грамотности среди простого народа¹¹. Что касается выявления закономерностей и статистических данных, то признанный авторитет в этой области Н. Хейл сравнительно недавно пришел к следующим выводам. Грамотность напрямую зависела от *профессиональной области и места жительства человека*: те слои населения, чья профессия была связана с чтением, письмом и счетом (или же, если эти навыки могли повысить эффективность их труда), были в подавляющем большинстве грамотны. Так, грамотной была большая часть английских ремесленников, торговцев и копигольдеров. Кроме того, грамотность представителей любого социального слоя зависела от степени урбанизации местности, а также от ее близости к столице: процент грамотных среди городских жителей был выше, чем среди деревенских, а среди – столичных выше, чем среди провинциальных. Так, 66 % лондонских ткачей были грамотными, в то время как в провинции грамотность среди ткачей составляла 51 %. То же наблюдаем и в других профессиях: 57 % лондонских портных против 49 % провинциальных; 60 % лондонских кожевников против 38% провинциальных; 22 % лондонских чернорабочих против 15 % провинциальных. В среде подмастерьев

шин, 75 % среди мужчин; 1650 г. – 80 % среди женщин, 65 % среди мужчин (*Cressy D. Literacy... P. 177*).

⁹ *Bennett H.S. English Books... P. 28–29*. Беннет пришел к заключению, что примерно 60 % населения с разным успехом и на разном уровне было способно читать.

¹⁰ *Ibid. P. 28–37*.

¹¹ *Ibid. P. 27*.

и слуг, по мнению Хейл, трое из четверых умели как читать, так и писать. Низшие слои населения, преимущественно сельские, такие как крестьяне, сезонные рабочие, а также разного рода бродяги, характеризовались низким уровнем грамотности. Однако зачастую представители этих слоев посещали одногодичную грамматическую школу. Иногда они могли покупать двух- или трехпенсовые памфлеты или библию за три шиллинга и четыре пенса. Среди деревенских торговцев, вероятно, было больше грамотных, чем среди других сельских жителей¹².

Учитывая все сказанное¹³, можно предполагать, что у памфлетной литературы потенциально все же была довольно широкая аудитория. Кроме того, стоит заметить, что данные, подобные приведенным выше, основаны, в целом, на изучении способности людей *писать* и *ставить подпись* на официальных документах. Однако М. Спаффорд на примере сельского общества графства Кембриджшир убедительно доказала, что подобная статистика недооценивает способность людей *читать*. Дело в том, что навык чтения формируется до навыка письма, и сельский житель вполне мог ограничиваться только первым, его образование часто просто не доходило до освоения письма и счета. И потому, похоже, «намного больше сельских жителей могли справиться с текстом печатной баллады или памфлета, нежели написать свои имена под протестантской клятвой»¹⁴.

Помимо прочего, наличие в среде простолюдинов даже мизерного процента мало-мальски грамотных людей, способных прочесть несложный текст на родном языке, делало популярную литературу отчасти доступной и для неграмотной части населения в опосредованном, устном изложении, пересказе, чтении вслух. В любой местности, в деревне, не говоря уже о городе, в любом публичном месте, будь то ярмарка, рынок, таверна или постоялый двор, всегда находились люди, умевшие читать и потому способные поделиться прочитанной информацией с другими. Как подчеркивают исследователи, устная культура имела как собственные приемы и средства овладения печатной информацией, так и кана-

¹² *Wheale N. Writing and Society. Literacy, print and politics in Britain 1590–1660. L.; N.Y., 1999. P. 34–38.*

¹³ См. также: *Clark S. The Elizabethan Pamphleteers... P. 19; Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500–1640. Hassocks, 1977. P. 213–214.*

¹⁴ *Spufford M. Contrasting Communities. English Villagers in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Cambridge, 1974. P. 207.*

лы и способы ее трансляции, благодаря которым она не была совершенно оторвана от культуры письменной¹⁵.

Таким образом, памфлетная литература, доступная для восприятия и кармана¹⁶ даже самого неискушенного читателя со скромным достатком, могла иметь очень и очень широкую аудиторию. При ее посредстве происходило взаимодействие между официальной и ученой культурой, создававшей памфлеты, и культурой народной, для которой они создавались. А значит, анализ такого рода источника позволит нам пролить свет на некоторые важные моменты, связанные с проблемой формирования общественного восприятия ведовства: во-первых, на *восприятие феномена ведовства обыденным, массовым, народным сознанием и преломление этого восприятия в официальной трактовке*; во-вторых, на *функционирование памфлета как способа и средства воздействия на народное восприятие ведовства официальной или господствующей культурой*.

¹⁵ См.: *Cressy D. Literacy... P. 13–17; Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.*

¹⁶ Как замечает С. Кларк, два пенса были минимальной ценой за печатную работу (по данным ордонансов Книгоиздательской компании), однако это была та сумма, на которую можно было купить два билета в театр на самые дешевые места или фунт говядины (*Clark S. The Elizabethan Pamphleteers... P. 25*). Согласно другим исследованиям, в 1560 г. строительный рабочий получал от 8 до 10 пенсов в день, т.е. двухпенсовая книга составляла от одной пятой до четверти его дневного заработка. В 1600 г. он зарабатывал шиллинг, и цена памфлета снизилась до одной шестой его зарплаты. В 1640 г., когда строительный рабочий зарабатывал уже до 16 пенсов в день, регулярная покупка двухпенсовых памфлетов стала выглядеть более позволительной. Чернорабочие в строительном ремесле и сельском хозяйстве зарабатывали в этот период от 6 до 10–12 пенсов. По данным К. Райтсон, базовая стоимость пропитания составляла от 11 до 14 фунтов стерлингов для семьи в обычный год, в то время как зарплата чернорабочего составляла только 9–10 фунтов стерлингов в год. В начале XVII в. домовладелец с держанием около 30 акров мог иметь 3–4 фунтов стерлингов излишка в год после покупки еды, или 14–18 пенсов каждую неделю. На этом фоне покупка двухпенсового памфлета каждую или почти каждую неделю выглядит вполне возможной, хотя это означало принести в жертву две кварты крепкого пива из пивной (*Watt T. Cheap Print... P. 261–262; Wrightson K. English Society, 1580–1680. L., 1982. P. 32–34*). Крепкое пиво стоило около 2,5–3 пенсов за галлон в Норидже в 1570-х; к 1610 г. цены выросли на одну пятую. В Ховерингеме в 1617 г. “пирожок и пиво” в пивной стоили 2 пенса (*Clark P. English Provincial Society... P. 103–104, 132*).

В настоящей статье рассматривается анонимный антиведовский памфлет, опубликованный в 1592 г.¹⁷ и повествующий о случае колдовства в графстве Мидлсекс (в Вудхолле, приход Пиннер, близ Харроу). Текст полностью написан от третьего лица, без какого-либо привлечения, цитирования или пересказа официальных документов. По всем признакам этот источник относится ко второму типу памфлетов (по классификации М. Гибсон) и его содержание отражает, скорее всего, не действительный случай, но является *вымыслом*. В пользу этого, во-первых, говорит то обстоятельство, что достоверность описываемого в памфлете случая в графстве Мидлсекс не установлена¹⁸. М. Гибсон в качестве версии указывает на плохую сохранность судебных записей того периода¹⁹. Однако в рассматриваемом источнике даже не упоминается о привлечении ведьмы к суду (в памфлетах, повествующих о реальных событиях, об этом обычно писали), что косвенно свидетельствует о том, что у рассматриваемого памфлета, скорее всего, вымышленный сюжет. Во-вторых, исследователями установлено, что в основе повествования памфлета лежат сюжеты из пьесы “Брат Бэкон и брат Бундей” (“Friar Bacon and Friar Bunday”) Роберта Грина, т.е. перед нами, по существу, художественный нарратив. Вполне вероятно, что историк сталкивается здесь не с индивидуальным вымыслом памфлетиста, а с литературной обработкой им какой-нибудь популярной в графстве Мидлсекс устной истории.

Так или иначе, художественное всегда в известной степени отражает реальную действительность, точнее – представления людей о ней. Рассматриваемый памфлет, оставаясь вымышленной исто-

¹⁷ Памфлет представляет собой брошюру из 9-ти страниц *in quarto*, без иллюстраций. Репринтное издание этого памфлета недавно осуществлено М. Гибсон: *A most Wicked worke of a wretched Witch. 1592 // Gibson M. Early modern witches... P. 138–145.* Русский перевод памфлета, выполненный М.А. Тимофеевым, см.: *О самом злобном деянии некоей негодной ведьмы, о подобном которому никто не слышал в Англии уже много лет. Рассказывается об одном человеке, Ричарде Берте, слуге мастера Эдлинга, из Вудхолла, приход Пиннер, графство Мидлсекс, что в миле за Харроу. 1592 // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.). М., 1996. С. 51–58 (далее: Мидлсекс 1592).*

¹⁸ См. индекс судов над ведьмами в графстве Мидлсекс: *Witchcraft and Demonism: A concise account derived from sworn depositions and confessions obtained in the courts of England and Wales by C. L'Estrange Ewen; with eight contemporary illustrations. L., 1933. P. 431; Elbourn J. Bewitching the Mind... P. 48–49.*

¹⁹ *Gibson M. Early modern witches... P. 138.*

рией, тем не менее, мог быть основан на имевших широкое распространение в реальной жизни случаях колдовства и преследований ведьм, а также имевших широкое хождение популярных представлениях о ведьмах. По мнению первой издательницы и исследовательницы памфлета Б. Розен, этот текст стал ярчайшей иллюстрацией настроений, которые царили в английском не очень образованном обществе конца XVI в. Неудивительно, в связи с этим, что *колдовство в повседневной жизни обычного трудового человека* – центральная тема памфлета. Именно в качестве *зеркала народной культуры* он и ценен для нас в данном исследовании. С другой стороны, важно выяснить и роль памфлетиста как представителя печатного слова и официальной культуры: *как и каким образом* им подается *идея ведовства* в памфлете, как он *обыгрывает популярные представления и верования*, какие *идеи*, в конечном итоге, он *транслирует посредством своего произведения*. Другими словами, памфлет 1592г. интересен нам и как *зеркало официальной культуры*.

Коротко, сюжет памфлета следующий: слуга и работник одного джентльмена по имени Ричард Берг однажды оскорбил некую матушку Аткинс, незаслуженно обозвав ее “ведьмой”, из-за чего она затаила на него злобу. Как-то раз он работал на гумне, и когда присел пообедать, на него напал злой дух, посланный этой ведьмой, который затащил его в ад. Роберт пробыл в аду четыре дня и затем вернулся домой. Он вернулся в таком ужасном состоянии, что его не узнал собственный хозяин. Оказалось, что Роберт потерял дар речи. Чтобы вернуть его в нормальное состояние позвали священника, который и помог ему снова заговорить. Первые слова Роберта были о матушке Аткинс и о том, что в случившемся с ним виновата именно она. Когда матушку Аткинс привели к Роберту, он набросился на нее и жестоко избил, после чего поправился окончательно и зажил жизнью достойного христианина-мирянина, исправно посещающего церковь. О дальнейшей судьбе матушке Аткинс в памфлете не упоминается, однако говорится обо всех ее злобных делах, направленных на других людей, а не только на Роберта.

Текст памфлета состоит из трех частей, а именно: вступительного стихотворения – гексастикона²⁰, концептуальной цитаты из Библии и основного текста. Основной текст, в свою очередь, можно условно разбить на три части. Первая часть – вводная, она но-

²⁰ Гексастикон – шестирядное стихотворение (в данном случае с каламбуром: “hex” – “ведьма”). Слово “гексастикон” присутствует в тексте памфлета, в качестве заголовка к стихотворению.

сит богословский характер и на ней лежит особая смысловая задача – рассмотреть догматические вопросы на доступном неискушенному мирянину уровне. Вторая часть – собственно повествование о событиях. В третьей части – заключительной – подводится итог всего повествования.

Концепция темы памфлета, или, скорее, квинтэссенция этой концепции, заключена, на мой взгляд, в гексастиконе, который звучит следующим образом:

О ведьмах злобных в этой книге речь пойдет,
О том, как на простых людей они влияют,
Как, что-то бормоча, злодейства совершают.
Восславим Господа, который их побьет!
Бог изгоняет их, но тут же сатана
Приводит новых ведьм – и нету им числа²¹.

Здесь автором прочерчиваются как бы три идейных стержня памфлета, между которыми образуется, как мы увидим позднее, общая сфера всего остального текста. Первый заключает в себе *идею угрозы*, исходящей от ведьм для простого народа, – это социальная линия памфлета. Второй содержит *идею спасения* от этой угрозы в Боге и Божественном вмешательстве, формируя, таким образом, религиозную линию памфлета, призванную воздействовать на религиозные чувства и мысли читателя. И, наконец, третий стержень включает *идею вечности зла*, заключающуюся в том, что, несмотря на вмешательство Господа, *зло ведьм неискоренимо*, потому что исходит оно от дьявола, – это социально-психологическая линия, отражающая, на мой взгляд, как религиозные представления части представителей ученой культуры того периода, так и настроения народных масс, ведьмоманию, массовые страхи и паники того времени. Таким образом, основную мысль, заключенную в гексастиконе, можно сформулировать примерно следующим образом: ведьмы, живущие среди людей, очень опасны, и бороться с ними можно и нужно только с помощью веры и Господа, однако борьба эта по своей природе бесконечна, как бесконечна война между Богом и дьяволом. Тем самым автор условно разделяет людей на ведьм во главе с дьяволом и примерных христиан, верных Господу, между которыми не может быть компромисса. Наиболее очевидной и социально значимой в этой концепции, как кажется, является агрессивная *идея необходимости искоренения ведьм*, которая сознательно транслируется автором памфлета. В период его выпуска и хождения уже эффективно действовал антиведовской

²¹ Мидлсекс 1592. С. 51.

статут 1563 г. и преследования ведьм начали набирать обороты²². Поэтому памфлетист популяризировал в своем произведении уже сформировавшуюся к тому времени официальную позицию государства, используя при этом наиболее очевидную (если учесть специфику предмета и общий характер культуры того времени) религиозную аргументацию. Исходя из нее, практика преследования ведьм предстает не только как законное, но, главное, как праведное, богоугодное дело.

Концепция, сформулированная в гексастиконе, дополнена смыслом, заключенном во вступительной цитате из Библии: «И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то я обращаю лицо Мое на ту душу, и истреблю ее из народа ее»²³ (Левит 20: 6). Эта цитата, созвучная по смыслу с другой популярной у демонологов цитатой из Священного Писания («Ворожей не оставляй в живых») обнаруживает не только положительное отношение автора к проблеме наказания ведьм (ср. в гексастиконе: «Восславим Господа, который их побьет!»), но и отрицательное отношение к тем, кто *обращается к ведьмам за помощью*. Взятая из Библии – высшего авторитета, эта цитата как бы транслирует идею *тождественности* тех, кто занимается проклятыми Богом практиками, и тех, кто обращается к подобным людям. Однако в действительности, если действия первых (ведьм) были на тот момент уголовно наказуемы государством, то действия вторых относились, скорее, к категории духовных проступков, осуждаемых, но не строго караемых церковью и не преследуемых государством. Как представляется, на самом деле памфлетист имплицитно направляет здесь острие библейской строгости несколько в другую сторону, а именно на “белое” колдовство. Дело в том, что, несмотря на равное осуждение церковью любых видов колдовства как богопротивного дела, государство в рассматриваемый период карало законом лишь те колдовские поступки, которые традиционно относились к сфере вредоносного колдовства (причинение вреда людям, скоту, имуществу), т.е. те, которые могли квалифицироваться как уголовное преступление, имеющее видимые последствия. И, если в вопросах преследования вредоносного колдовства государство встречало поддержку и инициативу со стороны населения, то на “белое” колдовство жалоб быть не могло, в силу очевидной абсурдности по-

²² Первая волна массовых преследований ведьм в Англии как раз относится к 80–90 годам XVI в.

²³ Мидлсекс 1592. С. 53.

следних. А потому целительное колдовство, оставаясь в сфере имеющих широкое распространение народных практик, находилось за рамками закона и взора государства, а часто и церкви, почти не попадая под их контроль. Однако контроль этот господствующая культура все же пыталась захватить, о чем как раз свидетельствует официальная пропаганда идеи греховности любых видов колдовских практик и колдовства в принципе, осуществляемая через посредство памфлетной литературы, в том числе и через рассматриваемый здесь памфлет 1592 г.

Таким образом, благодаря вступительной части памфлета, задающей общий тон всего произведения, памфлет принимает религиозно-идеологический характер и отражает тенденции официальной политики и культуры. Соответствующие характеру памфлета назидательные, просветительские, пропагандистские и популяристические задачи реализуются автором посредством художественного обыгрывания в повествовании четырех популярных, простых и занимательных образов: *дьявола, ада, ведьмы и простолюдина – жертвы колдовства*, к рассмотрению которых мы сейчас и приступим.

Тема *дьявола* возникает и раскрывается в первой, вступительной части основного текста, носящей, как уже указывалось, богословский характер. Она начинается с популярного христианского мотива *жизни-войны*, которую ведет человек на земле против трех своих врагов: мира, плоти и дьявола, причем последний представляется *главным врагом*: «Столь долго, сколь живем мы в сей юдоли печали в жалком состоянии нашем, все мы, даже лучшие из нас, не устаем повторять, что пребываем в состоянии непрерывной войны, ведя смертельную и опаснейшую схватку с врагом. Враги наши, с которыми мы должны сражаться, суть таковы: мир, плоть и дьявол... Самым главным нашим врагом является сатана²⁴, творец всего зла»²⁵. Автор памфлета подает традиционную, христианско-богословскую трактовку идеи дьявола, основанную на толковании библейских текстов средневековой патристикой, согласно которой дьявол – это древний, исконный *враг человеческого рода* (*hostis antiquus*). Далее автор объясняет сущность дьявола как *творца всего зла*, которую он раскрывает посредством аллегорических толкований именовании дьявола в Священном Писании: «В Писании мы видим много имен, объясняющих его злобную нату-

²⁴ Для автора памфлета именованья «дьявол» и «сатана», по всей видимости, тождественны.

²⁵ Мидлсекс 1592. С. 53.

ру. За свою жестокость он прозван **Аваддоном**²⁶, **разрушителем** (выделено здесь и далее мной. – Ю.И.), ибо в отличие от какого-нибудь обычного недуга он не удовлетворяется смертью и погибелью тела, но замышляет и окончательное разрушение души, нестерпимо мучая их обоих. За свое умение он называется **вором**²⁷, ибо он изобретает множество способов, употребив которые, он может, исхитрившись и как бы невзначай, обрушиться на благочестивых людей. За злобу свою он получил прозвище “**дьявол**”²⁸, **обвинитель**, ибо все время, день и ночь, он занят тем, что обвиняет совесть праведников. За свою хитрость он получил прозвище “**дракона**”²⁹, ибо со времен Адама, на протяжении многих тысяч лет, не нашлось ни одного достаточно мудрого или осторожного человека, который смог бы противостоять его уловкам; он же ранил и травил их до самой смерти. За свое могущество он прозван **львом**³⁰, ибо подобно тому, как преисполнено силой огромное тело льва, так и в его хвосте кроется необычайная сила и мощь”³¹. Приведенная автором номенклатура имен дьявола отражает распространенное преставление об изменчивой дьявольской сущности, что вполне соответствует духу и задачам популярной литературы, адаптирующей для несведущего читателя христианские догмы. Смысловые акценты расставлены автором в целом так, чтобы сделать затем ударение на идее *могущества* и *власти дьявола* по отношению к *бессильному* перед ним *человеку*: «Мы несколько не сомневаемся в том, что сей враг наш, Апполион»³², могущественен и

²⁶ «Царем над собой она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион» (Откр. 9: 11)

²⁷ В текстах Священного Писания есть несколько мест, в которых упоминаются различные разбойники и воры (см.: Мф. 21: 13, Мк. 3: 27, Ин. 10: 8). Эти места были осмыслены экзегетами как демонологические аллегории. См.: *Махов А.Е. HOSTIS ANTIQUUS. Категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря*. М., 2006. С. 98–100.

²⁸ «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12: 9).

²⁹ «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них» (Откр. 12: 7).

³⁰ «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Петр. 5: 8).

³¹ Мидлсекс 1592. С. 53.

³² “Апполион” означает по-гречески “губитель”.

достаточно силен, чтобы бороться против таких малодушных трусов и упрямых, но нерешительных людей, каковыми являемся мы»³³.

Однако главная мысль памфлетиста заключается, как кажется, в том, что власть дьявола над простыми людьми реализуется, по аллегорическому выражению автора, посредством «силы его хвоста» – через его «околдованных рабов» – ведьм³⁴. Таким образом, по мысли автора, ведьмы являются *инструментами дьявола*, проводниками его злых замыслов в мир людей. Эта идея о *вмешательстве дьявола в жизнь человека через своих адептов на земле* была чрезвычайно злободневной, а также легкодоступной для усвоения народом, в среде которого ведьмы традиционно были частью повседневности. Вполне вероятно, что именно на этот интерес и рассчитывал автор памфлета: «...я хочу рассказать о проклятых ведьмах, об их злобе и заклинаниях, ненавистных взору Божьему, ненавидимых хорошими людьми и приносящих вред себе самим, показывающих, какую власть и превосходство получает благодаря соизволению Божьему отец греха сатана над грешниками, преданными мирской жизни»³⁵. Таким образом, в этой части памфлета автор реализует одну из стержневых идей, заявленных в гексастиконе, и приводит подробное религиозное обоснование враждебности ведьм благочестивому христианину и их опасности для христианского сообщества в целом. Тем самым он задает тон следующему образу – *образу ведьмы*, включающему в себя, как мы видели, мотивы *маргинальности, чужеродности*, что делает его, в конечном итоге, *образом врага*.

Образ матушки Аткинс – ведьмы, изображенной в памфлете, – это образ определенно злобной и агрессивной ведьмы фольклорного типа («яги-воительницы», по типологии В.Я. Проппа³⁶). Для придания колоритности этому образу памфлетист использовал следующие эпитеты: «упрямая женщина», «опасная оса», «распространяющая заразу ведьма»³⁷. Примечательно, что, в отличие от антиведовских памфлетов, основанных на реальных судебных случаях, в истории Ричарда Берта и матушки Аткинс (но не в памфлете в целом) нет событий, связанных с самым распространенным типом вредоносного колдовства – колдовской порчей. Вместо этого ведьма Аткинс с помощью злого духа отправляет Берта *в ад*. Это исключительно литературный, художественный мотив, заим-

³³ Мидлсекс 1592. С. 54.

³⁴ Там же. С. 54.

³⁵ Там же. С. 54.

³⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 147.

³⁷ Мидлсекс 1592. С. 55.

ствованный из жанра видений (*visions*), не встречающийся, насколько можно судить, в делах о ведовстве, т.е. в реальных признаниях обвиняемых и свидетелей, или, по меньшей мере, совершенно не свойственный им. Описывая злключения Ричарда, автор помещает его, как я уже упоминала, в ад: «...он попал в **некое место**, полное огня, где услышал такие скорбные причитания и рыдания, что казалось, будто все проклятые демоны ада подвергаются пыткам в этом Лимбо»³⁸. Примечательно, что автор не называет прямо описываемое место «адом», видимо, предполагая, что для читателя этот образ вполне прозрачен, ибо далее памфлетист пишет: «Итак, вы узнали, в сколь странное место был перенесен сей Ричард Берт; остается лишь рассказать об отличительных признаках этого места»³⁹. Выстраивая образ преисподней, автор использует самые популярные и расхожие средневековые представления о ней, базирующиеся на традиции христианской экзегетики: «Во-первых, говорит он, было очень **жарко** и очень **темно**, темнее, чем в стране киммерийцев, в воздухе витали **отвратительные ароматы** и отовсюду исходило **зловоние**; было **шумно**, откуда-то доносились **крики**, причем настолько **сильные**, что, казалось, одновременно говорят **миллионы различных голосов**, но вокруг **не было видно ничего**, за исключением **пламени**, которое вызывало у него во рту такую нестерпимую **жажду**, что, вспомнив о пенни, оставшемся у него в кошельке, он стал оглядываться по сторонам в поисках пивной»⁴⁰. Согласно структурному принципу средневековой христианской демонологии, выявленному А.Е. Маховым, образ ада обратнo-симметричен сакрально-божественному, т.е. симметричен, но с обратным ценностным знаком⁴¹. Поэтому ад вобрал в себя все характеристики, противоположные характеристикам рая: в нем нестерпимо жарко, темно, зловонно, шумно, горит неугасимый огонь и претерпеваются невыносимые страдания. Что касается физических мук, испытываемых Робертом в аду, то они, также согласно христианской традиции, расписаны по пяти органам чувств: огонь пыгает его осязание, вопли отчаяния терзают его слух, вонь серы и миазмы мучают его обоняние, жажда и голод пытаются вкус, а мрак – зрение⁴². Вплетение автором в повествование образа ада и, что более важно, зримых, реальных и подробно описанных мук, доставшихся в нем Роберту, несомненно, носит

³⁸ Там же. С. 55–56.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Там же. С. 56.

⁴¹ Махов А.Е. HOSTIS ANTIQUUS... С. 7.

⁴² Там же. С. 21.

идеологизирующую функцию, потому что ад ассоциативно связан с дьяволом. Рисуя образ ада, в который человек попадает по воле ведьмы, автор как бы наглядно иллюстрирует мысль о том, что ведьма – служанка дьявола и люди, имеющие с ней дело, будут страдать в его царстве. Таким образом, четыре образа памфлета замыкаются единой авторской мыслью: человек, имеющий дело с ведьмой, попадет в ад – в лапы самого дьявола.

Следует заметить, что художественное и идеологическое осмысление проблемы ведовства достигалось памфлетистом с помощью заимствования ряда деталей из широко распространенной реальной жизненной практики, популярных представлений и верований. Так, еще до первого столкновения Ричарда Берта с матушкой Аткинс она была «известна ему в качестве ведьмы»⁴³. Действительно, многие обвинявшиеся на ведовских судах женщины еще до судебного разбирательства какого-нибудь их проступка имели репутацию ведьм в своей местности. Более того, именно репутация ведьмы зачастую могла быть причиной привлечения к суду той или иной обвиняемой⁴⁴. Для достижения сходства с действительностью автор вводит в повествование ряд деталей, отражающих широко распространенные в сельской среде представления о вредоносных действиях ведьм, легшие в основу не менее распространенных обвинений на ведовских судах. Так, автор повествует о том, что, помимо вреда, нанесенного Ричарду Берту, матушка Аткинс помешала своим соседкам взбивать масло, в результате чего их хозяйство понесло убыток. Кроме того, она навела порчу на двух овец своего соседа, и те пали⁴⁵. Таким образом, в памфлете отражены популярные представления о способности ведьм насылать порчу на скот и имущество в ответ на невнимание или неуважение к ним со стороны соседей. Подобные детали делают героиню памфлета схожей с реальными женщинами, обвинявшимися на судах, о которых мы узнаем из документальных памфлетов. Ведьма в памфлете была предельно узнаваемой для читателя. От фольклорного персонажа автор оставил ей гипертрофированные черты злости и мстительности – видимо, чтобы акцентировать внимание на сущности ведьмы как существа изначально, природно злого.

⁴³ Мидлсекс 1592. С. 54.

⁴⁴ См.: *Игина Ю.Ф.* Недостойные жить в христианском сообществе: сент-осайтские ведьмы в зеркале памфлета // *Университетский историк: Альманах.* СПб., 2007. Вып. 4. С. 237–257.

⁴⁵ Мидлсекс 1592. С. 57–58.

В контрасте с образом отрицательного персонажа – ведьмы, образ главного героя этой истории – обычного работника и слуги – целиком положительный. Он призван вызвать у читателя, в первую очередь, сочувствие, и даже чувство солидарности, что художественно достигается при помощи следующих выражений: «голодный бедный молотильщик», «несчастный простак», «вид у него был такой, что смотреть на него было страшно и одновременно жалко», «бессловесное создание», «бедняга»⁴⁶. Чтобы облегчить читателю идентификацию этого персонажа с обычным, заурядным сельским жителем, автор памфлета вводит в рассказ детали, подробно описывающие сельский труд и быт: молотьбу, выпас овец, простой крестьянский обед, краткий отдых. В этих описаниях герой предстает как трудолюбивый и ответственный работник, преданный своему хозяину и делу слуга. И вот этот во всех отношениях положительный герой становится, как это пытается представить автор, *невинной жертвой* злобной ведьмы, которая совершенно *незаслуженно* отправляет его в ад с помощью колдовства. То, что автор памфлета сочувствует Роберту, считает его невиновным, видно не только при анализе образов ведьмы и ее жертвы (крайне отрицательного и, наоборот, крайне положительного), но и по словам-маркерам, выдающим позицию автора, его сочувствие или осуждение по отношению к тем или иным персонажам или событиям. Так, рассказывая о Роберте и его приключениях, автор использует слова «трагедия», «злключения», «тревоги», «несчастья» и т.д.⁴⁷, что свидетельствует, на мой взгляд, о симпатии и сочувствии памфлетиста к этому персонажу, и, напротив, о его антипатии к матушке Аткинс.

Итак, следует еще раз особо подчеркнуть, что Роберт Берт, в *интерпретации автора*, невиновен перед матушкой Аткинс, несмотря на то, что *по сюжету* объективно он все же имел перед ней проступок, оскорбительно обозвав ее “ведьмой” и тем самым обидев ее⁴⁸, т.е. действия Аткинс имели конкретный *мотив*. М. Гибсон выделяет два жанра или две модели историй о ведьмах: *модель*

⁴⁶ Там же. С. 55, 57.

⁴⁷ Там же. С. 55–57.

⁴⁸ Скрытый конфликт Роберта и ведьмы Аткинс завязался в тот момент, когда, охотясь за зайцем, забежавшим случайно в дом к Аткинс, он крикнул ей: «Прочь, ведьма!» При следующей встрече она проигнорировала его пожелание доброго дня (Там же. С. 54). Обида матушки Аткинс очевидна, ибо слово “ведьма” являлось не только определением для особого рода деятельности и способностей, но и очень расхожим и обидным народным ругательством.

мести, когда ведьма мстит за причиненную ей жертвой обиду или оскорбление, и *модель отказа*, когда с жертвой случаются несчастья после ее отказа ведьме в помощи и услуге⁴⁹. По замечанию М. Гибсон, эти модели, являясь базовыми для историй о ведьмах, эволюционировали по мере развития памфлетной литературы, причем рубежными здесь стали 90-е годы XVI в. Главное изменение заключалось в том, что после указанного времени в памфлетных историях *жертвы начинают отрицать то, что они провоцировали ведьму*. В большинстве памфлетов после 1590-х годов жертвы представлены как полностью *невиновные*, даже когда это со всей очевидностью не соответствует действительности. В результате эволюции жанра две изначальные модели – мести ведьмы и отказа в просьбе – замещаются *моделью немотивированной атаки* ведьмы, причем эта модель становится со временем единственной. Она подается авторами памфлетов как нечто само собой разумеющееся, не требующее никаких разъяснений. Эту модель можно даже рассматривать как своего рода официальную модель ведовства⁵⁰.

На материале памфлета 1592 г. мы как раз можем наблюдать указанный процесс. Автор памфлета *приводит* в тексте основание для обиды ведьмы (оскорбление ее Робертом), однако *не интерпретирует* его в качестве такового. С чем было связано такое изменение жанра? М. Гибсон, вслед за Б. Розен, связывает эти изменения с такими факторами, как *авторство* памфлетов, *источники*, на основе которых они создавались, а также *эволюция жанра* памфлетной литературы вообще. Так, если ранние памфлеты о ведьмах были основаны на официальных отчетах, записанных судебными клерками и в подавляющем большинстве не переосмысленных памфлетистами, то памфлеты после 1590-х годов создавались профессиональными авторами, не использовавшими, как правило, официальную документацию, но дававшими собственную интерпретацию событий судов, почерпнутую ими из своих или чьих-либо еще (например, заказчика памфлета) наблюдений⁵¹.

Констатируя справедливость замечаний Гибсон, необходимо сделать ряд наблюдений. Согласно исследованию традиционных форм колдовства у народов коми А.С. Сидоровым, вредоносное колдовство, а точнее, его самая распространенная форма – порча,

⁴⁹ Gibson M. Understanding Witchcraft? Accuser's Stories in Print in Early Modern England // Languages of Witchcraft. Narrative, Ideology and Meaning in Early Modern Culture. L., 2001. P. 47.

⁵⁰ Ibid. P. 49.

⁵¹ Ibid. P. 49.

традиционно являлись актом мести колдуна, наказывавшего обидевшего его человека за нарушение своих личных интересов. В условиях существования деревенской общины и незначительной имущественной дифференциации в деревне эти интересы были общими и значимыми для всех членов общины, укладывались в рамки обычного права. Таким образом, порча изначально была явлением “правовым” и согласовалась с моральными устоями населения⁵². А потому человек, обидевший колдуна, понимал его обиду и психологически должен был испытывать чувство вины, что доказывается на английском материале признаниями самих жертв колдовства, всегда называвших конкретную причину мести ведьмы. Именно поэтому в сельской среде существовала традиция обращения “испорченного” человека к колдуну / ведьме, которых он подозревал в наведении порчи, с тем, чтобы он / она простили его. Если это не удавалось, искали излечения другими способами. Если применить эти размышления к английскому сельскому обществу, в основе своей также традиционному, то эволюция памфлетного жанра в сторону модели немотивированной атаки может свидетельствовать о тенденции к стиранию *традиционного понимания сущности колдовских действий* как “правовых”, мотивированных, обусловленных коммуникативными причинами и о формировании восприятия колдовства как чужеродного и враждебного обществу элемента.

Каковы же *причины* возникновения идеи чужеродности ведьм в общественном восприятии? С одной стороны, она могла возникнуть в самой народной среде под давлением христианских идей и воззрений, требовавших для своего понимания в процессе постепенного усвоения их народом религиозного мышления, а не магического. В связи с этими изменениями в европейском сознании, завершившимися к началу нового времени, изменилось и общественное отношение к такому привычному для членов деревенского социума явлению, как ведьмы и колдуны. Под влиянием религиозной идеологии преобразился сам их статус в деревенском социуме. Они перестали гармонично вписываться в систему общественных отношений и связей, потому что христианская религия как идеологическая основа общества рассматривала их как явление маргинальное и враждебное. Однако на процесс абсорбирования этой идеи европейской культурой и, что более важно, культурой народ-

⁵² Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и магия. Материалы по психологии колдовства. СПб., 1997. С. 131.

ной, понадобились века, поскольку христианизация народа и его традиционной культуры проходила очень медленно.

Этот процесс мог ускориться и социально-экономическими изменениями, связанными с индивидуализацией деревенского общества, сопровождавшейся разрывом общинных связей и нарушением принципов соседской взаимопомощи, о чем применительно к феномену “охоты на ведьм” писал К. Томас⁵³. В результате этого процесса более бедные члены общины, к которым в подавляющем большинстве относились и деревенские ведьмы⁵⁴, добывавшие себе пропитание благодаря традиции соседской взаимопомощи, становились в тягость для остального общества, и это общество стремилось от них избавиться. Другими словами, культурный процесс имел социально-экономическую подкладку, и идея чужеродности ведьм возникла в качестве оправдания для ликвидации изжившей себя традиции.

Однако, на мой взгляд, ускорению процесса изменения народного восприятия ведовства под влиянием господствующей идеологии и экономических изменений в деревне более всего способствовал тот важный момент, что на проблему колдовства и ведьм обратило свое внимание *государство*, принявшее антиведовское законодательство. Произошло это в Англии впервые в 1542 г., когда Генрих VIII издал антиведовской билль. Это тезис требует ряда предварительных пояснений.

Все рассказы о вредоносном колдовстве ведьм и их жертвах в социально-психологическом плане представляют собой истории о *межличностных конфликтах* внутри тесного сельского сообщества. У этого общества изначально существовали свои, внутриобщественные, неофициальные способы решения таких конфликтов на межличностном уровне, в рамках сложившихся традиций и моральных норм. Так, известно, что в народе существовала традиция предпринимать ответные действия в случае нанесения ведьмой колдовского вреда. Характер ответных действий мог быть совершенно разным, в зависимости от конкретной ситуации и конкретной пострадавшей персоны. Существовало несколько типичных *моделей контрмер*, т.е. действий со стороны жертвы, направлен-

⁵³ Thomas K. Religion and the Decline of Magic. L., 1971. P. 561.

⁵⁴ Тот факт, что большинство жертв английских судов над ведьмами принадлежали к наиболее бедным слоям сельского общества, уже не подлежит сомнению в историографии (Thomas K. Religion... P. 520). Любопытно, что эта социальная особенность английского ведовства артикулируется и в образе матушки Аткинс, которая, по словам автора, живет «милостыней и милосердием добрых людей» (Мидлсекс 1592. С. 58).

ных на изменение ситуации в случае колдовства. *Первая модель*, о которой уже упоминалась, заключалась в том, что *жертва шла к ведьме и просила у нее прощения*, и ее главной целью было убедить ведьму простить ее и нейтрализовать свое колдовство. Эта модель обычно применялась тогда, когда жертва колдовства точно знала навредившую ей ведьму, понимала, чем ее в прошлом обидела или оскорбила, и, более того, чувствовала вину за случившееся⁵⁵. *Вторая модель* реализовывалась в случае, если жертва не знала точно, кто является виновником ее страданий и каким образом от них избавиться, или же если ведьма не прощала жертву, и потому требовались магические контрмеры для нейтрализации наведенного колдовства. В этом случае *жертва или ее родственники шли к "белой ведьме"*; "мудрому человеку" и т.п. и просили у него помощи против вредоносных действий ведьмы⁵⁶. *Третья модель* являлась

⁵⁵ Примеры, иллюстрирующие указанную модель, в известной мне памфлетной литературе не встречаются. Однако это вполне логично объясняется идеологическим характером большинства памфлетов, с присущей им центральной идеей о виновности ведьм и необходимости их искоренения. Попытка примирения с ведьмой описана в трактате Александра Робертса применительно к случаю Марии Смит. Была ли это именно попытка попросить у ведьмы прощения пострадавшей стороной, исходя из текста источника, определить затруднительно: «Те, кто искали способы [добиться] ее добровольного согласия помириться с несчастной заболевшей стороной, [не добились ничего], кроме того, что она скрыла и замаскировала свои предыдущие бесчеловечные и жестокие действия, ибо никакого облегчения [состояния жертвы] за этим не последовало» (см.: *Roberts A.A Treatise of Witchcraft. L., 1616. P. 45, 49–50*). Подтверждения существования такой модели в традиционных культурах можно найти в этнографических наблюдениях, в частности в работе А.С. Сидорова, изучавшего колдовские верования и практики народов коми (*Сидоров А.С. Знахарство... С. 76, 131*).

⁵⁶ В качестве иллюстрации популярной традиции обращения к знахарю в случае подозрения в порче можно привести следующий классический случай: «Упомянутая допрашиваемая говорит, что когда некая жена Пейджа и некая жена Грея, будучи увечными и околдованными, попросили ее прийти к ним и послали за ней, и она к ним пришла. И говорит, что она знала, что они околдованы, и по их желанию она помогла им вышеуказанным лекарством, так что вскоре они поправились» (*W.W. A True and Just Recordes of the Information, Examination and Confession of All the Witches, Taken at S. Oses in the countie of Essex. L., 1582. P. 2A7v*). Подробное описание магического ритуала снятия порчи знахаркой см., например: *Anon. The Witch of Wapping, or An Exact and Perfect Relation, of the Life and Devilish Practices of Joan Peterson, who dwelt in Spruce Island,*

наиболее агрессивной и насильственной по сравнению с двумя другими, и действовала, как и в первом случае, тогда, когда ведьма была доподлинно, по мнению жертвы, известна. *Жертва просила привести ведьму к ней* (необходимо заметить, что в таких случаях вокруг жертвы, как правило, уже образовывалась коалиция поддерживающих жертву и агрессивно настроенных по отношению к подозреваемой ведьме родственников и соседей жертвы) и *пыталась принародно расцарапать ей лицо и тело до крови*. В этом жесте артикулировалось народное верование, что причинение вреда ведьме ее жертвой и кровь ведьмы на руках ее жертвы нейтрализуют причиненный ведьмой магический вред⁵⁷. Именно эту модель мы можем наблюдать в памфлете 1592 г.: вернувшийся из ада Роберт поступил точно таким же образом – надо заметить, при поддержке своего хозяина-джентльмена, соседей и, что еще более удивительно, священника.

Зачастую подобные экзекуции выходили за обычные рамки, заканчиваясь самосудами и убийствами подозревавшихся в ведовстве женщин. Такие случаи происходили чаще всего тогда, когда люди, считавшиеся околдованными, умирали и родственники начинали мстить за них тем, кого подозревали в причастности к их смерти. Однако, как отмечает исследователь английской судебной системы Дж.Х. Бейкер, в период правления Тюдоров месть со стороны жертв и их родственников в любом конфликте стала считать-

neer Wapping's who was condemned for practicing Witchcraft, and sentenced to be Hanged at Tyburn, on Munday the 12th of April, 1652. L., 1652. P. 4.

⁵⁷ Бытование указанной традиции в рассматриваемое время подтверждается разными источниками. В 1616 г. пуританский проповедник Александр Робертс в своем ученом трактате возмущался существованием этой «полной греха» практики, распространенной, по его мнению, «среди христиан, которые считают, что одно ведовство может вытеснить другое» (*Roberts A.A. Treatise of Witchcraft... P. 58*). О ней также упоминает в своем руководстве для судей английский юрист Ричард Бернард (*Bernard R. Guide to Grand-Jury Men. L., 1629. P. 187*). В памфлете 1606 г. описано, как считавший себя жертвой околдовывания мужчина, не задумываясь, поступил согласно традиции, встретив ведьму на улице: «Но на следующее утро, когда он встретил ее в переулке, его боль скорее усилилась, чем успокоилась, и тогда он расцарапал ей своими ногтями все лицо» (*Anon. How a witch Served a Fellow in an Alehouse // The Witchcraft Papers. Contemporary Records of the Witchcraft Hysteria in Essex, 1560–1700 / Coll. and ed. by P. Haining. L., 1974. P. 129*).

ся преступлением, преследоваться и наказываться по закону⁵⁸. В связи с этим можно предположить, что рассматриваемая нами третья модель стала менее доступной и популярной. Однако необходимость существования этой модели, на мой взгляд, очевидна, ибо она обусловлена необходимостью разрешения конфликта в том случае, если другие способы и модели не действовали. Другими словами, она была нужна тогда, когда конфликт находился на такой острой стадии, что был уже неразрешим мирным путем. Следовательно, когда государство наложило запрет на применение самостоятельных насильственных мер по отношению к ведьмам, образовалась лакуна, которую необходимо было заполнить альтернативным средством разрешения неразрешимых мирным путем конфликтов. Таким альтернативным средством как раз и стало антиведовское законодательство, предложенное обществу впервые Тюдорами, а затем и Стюартами в качестве модели правового решения проблемы. В ракурсе вышеизложенного это, по сути, означало, что взамен самосудов и персональных методов разрешения частных конфликтных ситуаций государство, с одной стороны, предлагало народу свое посредничество и третейство в решении межличностных конфликтов, а с другой – устанавливало контроль над той сферой общественной жизни, которая ранее была недоступна или менее доступна для государственного контроля и надзора. Учитывая запрет на месть, самосуды и угрозу наказания в случае нарушения этого запрета, общество в конечном итоге должно было приспособливаться к установленным государством законам и принять предложенную им модель.

В конце концов, модель обращения пострадавшей от ведовства стороны в суд для решения конфликта с ведьмой не только прижилась в Англии, но и имела большую популярность, о чем свидетельствует, в первую очередь, сам факт “охоты на ведьм”, развернувшейся в Англии в конце XVI в. Первый антиведовский статут 1542 г. не вызвал большой инициативы со стороны населения, о чем можно судить на основании мизерного количества судов над ведьмами, выявленных исследователями для периода с 1542 по 1560-е годы, и через 7 лет был отменен Эдуардом IV. Однако спустя некоторое время после принятия второго антиведовского статута Елизаветы I в 1563 г. наблюдается резкое увеличение числа судебных процессов над ведьмами⁵⁹. На мой взгляд, это увели-

⁵⁸ *Baker J.H. Criminal Courts and Procedure at Common Law, 1550–1800 // Crime in England, 1550–1800. L., 1977. P. 15.*

⁵⁹ См. сводные материалы судебных дел: *Witchcraft and Demonism...*

чение свидетельствует, в первую очередь, об активности со стороны населения, ибо модель судебного преследования ведьм в Англии была рассчитана на инициативу населения, в противном же случае она бы просто не работала. Таким образом, объявив ведовство уголовным преступлением, преследуемым по закону официальными институтами, власть облекла соседские и межличностные конфликты в правовую форму, что позволило решать их уже не на личном, а на судебном уровне, где шансы недовольной или потерпевшей стороны выиграть спор были гораздо выше. Это обеспечило поддержку со стороны деревни как официальной политике властей по отношению к ведовству, так и господствующей религиозной идеологии. Взамен этого государство получило контроль над частью трудно поддающейся официальному надзору сферы общественной и частной жизни. Насколько взаимовыгодным было это сотрудничество общества и власти, можно судить по продолжительности “охоты на ведьм” в Англии, которая официально проходила с разной степенью интенсивности с 1542 по 1736 г.

Возвращаясь в заключение к объекту настоящего исследования – памфлету 1592 г. – и к эволюции памфлетных историй в сторону модели немотивированной атаки ведьмы, предположу, что изменения в памфлетном жанре были связаны с его приспособлением к нуждам государственной политики, распространявшейся в обществе идею необходимости искоренения ведьм и формировавшей образ коллективного врага. И если модели мести и отказа были по своему происхождению *традиционными, народными моделями*, воспроизведенными из традиционной коллективной практики, то модель необоснованной атаки ведьм – это *идеологическая модель*, отражающая, в первую очередь, транслировавшуюся государством и официальной культурой *идею*, под которую подводилась соответствующая культурная практика. В рассматриваемом памфлете, как мы видели, обе эти модели еще сосуществуют: традиционная модель отражена в мотиве мести ведьмы и попытке контрколдовства, предпринятой жертвой, а идеологическая модель – в оправдании автором жертвы и осуждении ведьмы. Однако то обстоятельство, что в результате традиционная модель окончательно сменилась идеологической, наблюдающейся, как уже отмечалось, в поздних памфлетах, свидетельствует об адаптации этой идеи в общественном восприятии. О постепенной ассимиляции и даже присвоении этой идеи народной культурой может свидетельствовать тот факт, что после отмены антиведовского статута в 1736 г. редкие вспыш-

ки народных самосудов над ведьмами, заканчивавшихся казнью последних, имели место в Англии вплоть до XIX в.⁶⁰

Таким образом, памфлет 1592 г. несет в себе уникальную информацию о восприятии ведовства в английском обществе конца XVI в. Несмотря на то, что в основе памфлета лежит не реальная история, а авторский вымысел, этот источник хорошо отражает народные представления о ведьмах, общественные настроения и популярные идеи того времени. Именно благодаря вымышленности сюжета, памфлетисту удалось аккумулировать наиболее типичные коллективные представления своей эпохи, и в этом смысле памфлет 1592 г. является ценным источником не только для изучения социокультурного контекста “охоты на ведьм”, но и для истории ментальности.

⁶⁰ См., например: Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996. С. 68.

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

М.А. Мельниченко

Представления о роли евреев в революции 1917 г. в политических анекдотах первых лет советской власти

Политические анекдоты, в недавнюю эпоху бывшие одним из способов ответа на идеологический прессинг государства, представляют собой весьма ценный источник по ментальности советского человека, способный приблизить нас к созданию психологически достоверной картины общества того периода. Многообразие тем, ставших зачином для анекдотических текстов, и их актуальность для большинства советских людей, привыкших жить в унифицированном идеологическом пространстве, способствовало не только широчайшему распространению жанра (особенно во вторую половину существования СССР), но и в превращению анекдотов в своеобразный носитель стереотипов восприятия реальности советским человеком. Если принимать во внимание свойственные этому фольклорному жанру механизмы действия юмора и такие особенности, как, например, установка анекдотического текста на вымысел, анекдоты могут стать прекрасной иллюстрацией к картине советского общества.

Термин “анекдот” появился в России в середине XVIII в. и долгое время существовал исключительно для обозначения литературного жанра, являющегося принадлежностью узкого круга образованных людей. К концу XIX в. происходит сращивание “высоких” жанров исторического и литературного анекдотов с рядом народных протоанекдотических форм, таких как байки, прибаутки и, прежде всего, бытовые и “заветные” сказки. На базе этого соединения и рождается современный анекдот, т.е. фольклорный жанр, представляющий из себя короткий устный рассказ на злободневно-бытовую или социально-политическую тему с неожиданной остроумной концовкой. Он быстро превращается в центральный жанр фольклора, выполняющий функции жанров-предшест-

венников, но при этом гораздо более соответствуя ускоренному ритму современной жизни.

Революция стала чрезвычайно важной вехой в истории жанра. Дореволюционные анекдоты, преимущественно бытового характера, весьма быстро потеряли актуальность и уступили место множющимся как грибы после дождя политическим текстам. При этом даже деятели эмиграции, скептически настроенные по отношению к новому строю, признавали, что «обилие советских анекдотов в России объясняется не особенно враждебным отношением к власти, а тем, что новые явления жизни и противоречия быта осознаются как комические»¹. Нового же в данный период появилось более чем достаточно.

Несмотря на то, что анекдоту как таковому посвящено множество работ², политический анекдот первых лет советской власти практически не изучен. Лишь в четырех статьях³ объект нашего исследования в той или иной мере рассматривается как исторический источник. Более того, ни в одной из них не ставилось целью проследить эволюцию анекдотов о евреях. Восполнению этого пробела и будет посвящено наше исследование.

Политические анекдоты фиксировались уже с первых лет существования советской власти – первый обнаруженный нами текст датируется маем 1918 г.⁴ Первые дошедшие до нас коллекции, собранные гражданами Советского Союза, датируются уже двадцатыми годами. Самая яркая и представительная из них – это, безусловно, коллекция Сергея Александровича Ефремова (1876–1939) –

¹ Шкловский В. К теории комического // Эпопея. Берлин. 1922. № 3. С. 63.

² См. библиографию: *Архипова А.С.* Анекдот в русских и зарубежных исследованиях // <<http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipova2.htm>>. См. также обзор литературы в: *Мельниченко М.А.* Образ В.И. Ленина в советском политическом анекдоте // ИИ. Вып. 3. С. 190–191 и сл.

³ *Янгиров Р.* Анекдоты “с бородой”: Материалы к истории неподцензурного советского фольклора, 1918–1934 // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 31. С. 155–174; *Шинкарчук С.А.* Политический анекдот 1920–30-х годов и общественное мнение населения Советской России // Клио. СПб., 1998. № 2. С. 92–98; *Марчуков А.* Маленький мир с маленькими людьми: советский политический анекдот в дневниках украинского литератора // Родина. М., 2002. № 2. С. 81–85; *Мельниченко М.А.* Образ В.И. Ленина... С. 188–216.

⁴ *Окунев Н.П.* Дневник москвича, 1917–1924. М., 1997. Т. 1: 1917–1920 (далее – ОН 1997). С. 187.

украинского общественного и культурного деятеля, одного из руководителей Всеукраинской академии наук, в период с 1923 по 1929 г. регулярно ведшего дневниковые записи. В своих дневниках⁵ Ефремов приводит порядка полутора сотен анекдотов, рассказывавшихся в то время жителями Киева. Для них даже была отведена специальная рубрика «новітний (новейший) фольклор». Самого серьезного внимания заслуживают также коллекции И.И. Шитца⁶ (шесть с половиной десятков текстов) и Н.В. Соколовой⁷. Именно анекдоты, записанные в дневниках современников, а также ряд текстов из эмигрантских публикаций⁸, и стали объектом нашего исследования.

Анекдотические серии стали складываться уже в императорской России. Помимо универсальных для большинства фольклорных жанров тем – таких как супружеская неверность – широкое распространение получили и этнические анекдоты – об армянах и евреях. Рассказы об этнических меньшинствах или народах-“соседях” присутствуют в анекдотической традиции самых разных стран, но особо стоит выделить именно шутки о евреях – только они имеют поистине интернациональную популярность. Обусловлено это тем, что еврейский анекдот напрямую связан с культурой иудаизма – когда возникла необходимость в кодификации религиозных законов, были созданы *мидраши* – сборники толкований текста Священного Писания, содержащие в себе значительное число притч и метафорически трактуемых забавных историй. Именно к ним восходит определенная часть актуальных в разное время еврейских анекдотов. Родившись в еврейской среде, ряд текстов перешел в фольклор контактирующих с ними народов,

⁵ Ефремов С.О. Щоденники, 1923–1929. Київ. 1997 (далее – ЕС 1997).

⁶ Шитц И.И. Дневник “Великого перелома” (март 1928 – август 1931). Париж: YMCA-press, 1991.

⁷ Не опубликована. См.: Соколова Н.В. Краткий курс: материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // Огонек. 1991. № 1. С. 29–31 (далее – СН 1991); Она же. В зеркале смеха (Литературно-театральный юмор первой половины 30-х годов) // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 363–375; Она же. Из старых тетрадей (1935–1937 гг.) // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 345–364.

⁸ Современный советский анекдот // Воля России. 1925. № 2. С. 50–62 (далее – СА 1925); Тэффи. Трагический завтрак // Иллюстрированная Россия. Париж, 1927. № 11. С. 1–2 (далее – ТЭФ 1927). Подборки конкурсных анекдотов см.: Там же. № 12–14.

превратившись из “еврейских анекдотов” в “анекдоты о евреях”. Этим объясняется и необъятный ареал распространения, и близость сюжетов “анекдотов о евреях” у самых разных народов.

В начале XX в. появился и политический анекдот. По весьма обоснованному предположению Е.Я. и А.Д. Шмелёвых, последний, после революции 1905 г., вместе с прочим политическим юмором, являлся принадлежностью газет и журналов – ситуация типичная для свободного буржуазного общества⁹. Анекдоты же этнические или сексистские, как не соответствующие формату серьезных изданий, бытовали в устном хождении. К ним относились и еврейские анекдоты, некоторое представление о которых мы можем получить из ряда поздних эмигрантских сборников¹⁰, из нескольких сатирических произведений, написанных в контексте этой традиции¹¹, а также из немногих обнаруженных нами дореволюционных бульварных изданий¹².

Евреи в анекдотической традиции XX в. – местечковые жители, не умеющие себя вести в обществе, при этом весьма предприимчивые и скаредные. Пожалуй, именно их предприимчивость – порой идущая в разрез с нормами общепринятого поведения илиходящая до фантастических масштабов – является основной характеристикой евреев как персонажей анекдота. Это можно проиллюстрировать следующими текстами, взятыми из издания 1928 г., но очевидно восходящими к дореволюционной традиции.

За крошечной шхуной гонится акула, – до берега далеко. Хищница моря грозит опрокинуть хрупкое суденышко. Чтобы отвлечь акулу бросили ей скамейку – рыба проглотила и следует за шхуной, бросили ящик с апельсинами – акула проглотила и не отстает.

⁹ Шмелёва Е. Я., Шмелёв А. Д. Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформация речевого жанра // <www.dialog-21.ru/Archive/2005/Shmelevy/Shmelevy.pdf>.

¹⁰ “Для некурящих” / Сост. и ред. С. Карачевцев. Рига: МИР, 1930; Еще пятьсот анекдотов немецких, английских, французских, еврейских и советских / Сост. и ред. С. Карачевцев. Рига: Ориент, 1928 (далее – КС 1928). Многие тексты в этих сборниках, очевидно, восходят к дореволюционной анекдотической традиции.

¹¹ См., например: *Аверченко А.* Искусство рассказывать анекдоты // Пантеон советов молодым людям. Берлин, 1924.

¹² См., например: *Разказы, анекдоты и сцены из народного, немецкаго, французскаго и американскаго быта: для дач и железных дорог* сборник составленный по русским и иностранным авторам. М.: Д. Сытин, 1916.

– Человеческого мяса хочет, – решил капитан. Бросили жребий и он пал на еврея, единственного пассажира – выкинули его за борт – акула его проглотила.

В это время проходящий пароход поймал на крюк акулу и когда на палубе ей вскрыли живот, то увидели, что еврей сидит на скамейке и продает по два пени за штуку апельсины¹³.

Лейба Фишзон пришел на прием к профессору и, по получении совета, положил на стол один рубль.

Профессор:

– Нет, милостивый государь, за визит я беру не менее пяти рублей.

Фишзон:

– Пять? Извините, господин профессор, мне сказали, что три!¹⁴

Итак, в императорской России уже существовал определенный пласт еврейских анекдотов – фольклорная традиция, герои которой обладали определенным сценарием поведения. Однако перипетии 1917–1921 гг. не способствовали сохранению актуальности дореволюционных текстов. Нельзя сказать, что они канули в лету – продолжала существовать определенная традиция бытового, неполитизированного анекдота. Однако на первый план вышла новая, основанная уже на советских реалиях, традиция, очевидная актуальность которой заставляла современников сомневаться в шансах на выживание «похабного», или бытового, жанра, а ее стремительное размножение и распространение в городской среде, «от высшего работника советского аппарата до нэпмана-верхушечника», создавали иллюзию, что «на советский рынок работает целая анекдотная фабрика»¹⁵. Одной из сторон этого процесса стало изменение роли евреев в анекдотическом пространстве.

Процесс этот был обусловлен рядом объективных причин. В связи со множеством ограничений, связывавших российское еврейство в годы царской власти, и постигшими его в последней трети XIX в. экономическими неурядицами (такими как введение государственной монополии на торговлю спиртным, приведшее к разорению ряда еврейских семей) значительная часть еврейской молодежи, порвав с иудаизмом и традициями предков, ушла в революцию, став наиболее образованной и, что самое главное, актив-

¹³ КС 1928. С. 14.

¹⁴ КС 1928. С. 40.

¹⁵ *Перцов В.* Анекдот. Опыт социологического анализа // Новый Лэф. 1927. № 2. С. 42.

ной ее составляющей. Более того – в условиях Гражданской войны и неконтролируемых противоборствующими сторонами погромов поддержка новой власти зачастую становилась для евреев стратегией выживания, делая их наиболее вероятными союзниками большевиков. Этот факт, ставший к тому же одним из козырей в идеологическом противостоянии сторон, не мог не найти своего отражения в стремительно политизировавшемся фольклоре первых лет существования советского государства.

И действительно, в анекдотической традиции того времени в полной мере проявил себя стереотип народного восприятия власти большевиков как власти еврейской. На сегодняшний день у нас нет записей советских анекдотов о евреях, сделанных ранее 1921 г., – но при этом нужно иметь в виду, что записи анекдотов за первые четыре года советской власти можно пересчитать по пальцам одной руки. Первый политический текст о евреях мы находим в очень интересной дневниковой записи Н. Окунева, в которой он рассуждает о «таинственных остряках», сочиняющих анекдоты и, помимо всего прочего, приводит услышанную несколькими днями ранее остроту такого содержания:

Новые головные военные уборы, имеющие наверху оконечник, вроде клистирной трубки, называются “иерихонками”, и при этом уверяют, что еврейские воины имели такие каски, когда осаждали Иерихон¹⁶.

С этого текста – а может быть и с более ранних, пока не обнаруженных анекдотов и начинается своеобразная фольклорная констатация роли евреев в революции и политической жизни первых лет советской власти. Именно вопрос о их месте в партии большевиков становится одним из основных векторов художественного пространства основанного на советских реалиях фольклора. Можно выделить несколько направлений внутри интересующего нас фольклорного пласта. В первую очередь, это огромная серия, к которой в той или иной степени принадлежит до половины текстов, посвященных интересующей нас теме, основным отличительным признаком которой является утверждение о том, что, говоря фигурально, партия большевиков «на шестьдесят процентов состояла из евреев и на сорок – из евреек»¹⁷. Можно даже утверждать, что под словом “большевик” в анекдотах понимался еврей, ушедший в

¹⁶ ОН 1997. С. 104–105.

¹⁷ СА 1925. С. 56.

политику, – именно эта связь политического и национального стала причиной рождения термина “госнация”¹⁸.

Существует ряд анекдотов, основным механизмом юмора которых является игра с фактической синонимичностью понятий “еврей” и “большевик”:

– Если за столом сидят шесть советских комиссаров, то что под столом?

– Двенадцать колен израилевых¹⁹.

На вокзале перед поездом кондуктор сдерживает публику и проверяет билеты. Протискивается и проталкивается какой-то субъект: “Кондуктор! Место мне... вот мой партийный билет”. – “Ну, и при чем же здесь национальность?” – отвечает кондуктор, – покажите лучше железнодорожный билет”²⁰.

Более того, все международное коммунистическое движение и одна из его основополагающих идей – идея интернационализма – в сознании носителей анекдотической традиции плотно увязывается с евреями, причем с евреями, пусть и новой формации, но исключительно русского происхождения. Пожалуй самый распространенный анекдот двадцатых годов – в той или иной редакции встречающийся практически во всех опубликованных крупных коллекциях, в том числе и поздних, – представляет Третий интернационал как некую провокацию советских евреев:

Заседание третьего интернационала под председательством Ленина. В зал собрались представители всех племен и народов. Окинув взглядом присутствующих, Ленин подзывает секретаря и сурово спрашивает его:

– Почему я не вижу в зале делегата от каннибалов?

– Товарищ Ленин, позвольте вам доложить...

– Ну...

– Товарищ Ленин... Дело в том, что товарищ Рабинович ни за что не соглашается, чтобы ему продели в нос кольцо²¹.

С национальной политикой большевиков связана и широкая кампания борьбы с антисемитизмом и подстрекательством к погромам, инициатором которой был Ленин (см., к примеру, декрет Совнаркома от 1919 г. “О пресечении в корне антисемитского

¹⁸ ЕС 1997. С. 417.

¹⁹ ОН 1997. С. 111.

²⁰ ЕС 1997. С. 188–189.

²¹ ТЭФ 1927. № 12. С. 8.

движения”). Данная кампания, наравне с назначением евреев на видные государственные и партийные посты, вызывала однозначный анекдотический отклик общественности:

- Что вы делаете здесь, Иван Иванович?!
- Подъевреиваю трамвай.
- Как?!
- Подъевреиваю. Не могу же я сказать “поджидаю”, это антисемитизм, опасное слово²².

Видимая носителями анекдотов картина прихода к власти этнически однородного меньшинства, через призму свойственных жанру гротескных механизмов юмора, воспринималась не только как залог его политической гегемонии на ближайшие годы, но и как гарантия “евреизации” страны, переустройства ее по законам “госнации” – вплоть до смены национального языка.

Одна еврейка привела сына в комиссию и попросила его записать в украинскую школу. Еврей, член комиссии, уговаривает ее отдать сына в еврейскую школу.

- А на что ему сдаться еврейский язык, если теперь всюду говорят по-украински? – спросила мать.
- Ручаюсь вам, – заявляет член комиссии, – что через 10 лет только еврейский будет государственным языком!²³

Таким образом, для анекдотического сознания верно положение: «СССР это три Сруля и один “Русский”»²⁴. Этим единственным этическим русским в большевистской среде был Владимир Ильич Ленин, судьба которого в художественном пространстве советского анекдота представляет собой отдельную проблему. Ленин еще не был одним из участников центральной троицы советского официального пантеона – Маркса–Энгельса–Ленина. В анекдотах до 1924 г. Ильич входил в другое содружество – всегда выступал дуэтом с Троцким. Что характерно, эти персонажи были двумя половинами определенного политического образования, двумя равновеликими неразлучными Вождями, которые противопоставлялись друг другу, в отличие от текстов более позднего периода, только по этническому признаку. Анекдотический Троцкий был главным евреем в партии, Ленин – единственным русским.

²² Антисоветские анекдоты (борьба народной пропаганды с большевистской). Буэнос-Айрес, 194?. С. 72.

²³ ЕС 1997. С. 417.

²⁴ Там же. С. 129.

Российскую республику назвали РСФСР, чтобы название одинаково читали Ленин (слева направо) и Троцкий (справа налево)²⁵.

Приехал к Троцкому отец, ортодоксальный еврей – посмотреть как сынок живет. Тот повел его в Кремль:

– А это что такое?

– Кремль.

– А, Кремул (“магазин” по-еврейски) – это хорошо.

Заходят во дворец, смотрят портреты.

– Ну, это ты – хорошо. А это кто? – и показывает на Ленина.

– Да, гой один...

– Как же сюда гой попал?

– Да патент на торговлю взят на его имя!²⁶

Только в двух текстах содержатся полунамеки на то, что Ленин тоже был евреем:

– Ильич умер, а идеи его живы!

– Ох, батюшка, то-то и беда, что он-то помер, а иудеи-то его остались живы!²⁷

Похороны Ленина сперва были назначены на субботу, а потом перенесены на воскресенье. Почему? Старые ортодоксальные евреи объясняют это так: “Ну разве вы не знаете, что наш закон запрещает хоронить в субботу”²⁸.

Однако оба этих текста не указывают на происхождение Владимира Ильича, а лишь характеризуют круг его сторонников. К тому же оба текста встречаются только в одной записи и, судя по всему, они сохраняли актуальность очень недолгое время.

До этого момента речь шла о евреях в политике, т.е. евреях, отошедших от религиозной традиции своих предков. Любопытно, что внимание к этническим евреям, не являющимся иудеями, было характерно и для дореволюционной анекдотической традиции – весьма популярными персонажами являлись выкресты, характеризовавшиеся в фольклорном пространстве ярким неофитством и нарочитой категоричностью. Однако с 1917 г. этот мотив по определенным причинам теряет популярность – для изменения своей позиции на социальной лестнице в лучшую сторону следовало зада-

²⁵ СН 1991. С. 30.

²⁶ ЕС 1997. С. 63.

²⁷ БА 1926. С. 324.

²⁸ ЕС 1997. С. 61.

ваться не столько вопросами религиозной принадлежности, сколько политической ориентации.

Однако в Советском Союзе продолжала существовать заметная еврейская традиционалистская диаспора. После 1917 г., несмотря на отмену всех ограничений по отношению к еврейству, еврейский вопрос не только не получил разрешения, но и, напротив, обострился. Во внутренней политике большевики опирались на определение нации, выдвинутое еще К. Каутским, согласно которому нацией можно считать только группу людей, обладающих общностью языка и территории. Судьба евреев – *национального меньшинства*, не обладающего ни тем, ни другим, по мнению Ленина заключалась в постепенной ассимиляции²⁹. Упразднение царского режима с присущей ему антиеврейской политикой должно было устранить необходимость для российского еврейства сохранять свое самосознание.

Ассимиляции еврейства так и не произошло. Более того – по всей стране стали возникать еврейские культурные кружки, а сионистские организации, выйдя из подполья, стали наиболее влиятельной политической силой в еврейском мире.

Естественно, внимание анекдотчиков к интересующему нас этническому меньшинству не ограничивалось шутками по поводу большевиков. Анекдот не обошел вниманием и традиционное еврейство, приспособившееся к новым реалиям. В силу культурной традиции отождествления еврейства с буржуазным началом, нэпман – новый для анекдотов персонаж, близкий к современному “новому русскому”, даже если его национальная принадлежность открыто не проговаривалась, имел или еврейское имя или определенные, характерные для анекдотических евреев, особенности поведения – к примеру, гипертрофированную предприимчивость:

- Здравствуйте, Литвак, что вы поделываете?
- О, у нас большое дело, мы готовим соловьиные консервы,
- Не может быть! И делаете большой оборот?
- Не хуже чем ничего – коробок 200 в день.
- Откуда же вы берете столько соловьев?
- Мы немножко мешаем.
- Как же вы мешаете?
- Пополам: один соловей, одна лошадь³⁰.

²⁹ См., например: *Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 1924. Т. 19. С. 36–68.*

³⁰ СА 1925. С. 57.

Ликвидация ограничений, связанных с предыдущим режимом, – в частности, черты оседлости – привела к еще одному заметному для обывателей последствию – крупные города, в особенности Москва, наполнились множеством новых жителей и гостей, обладающих еврейскими морфологическими и поведенческими особенностями. Расширение еврейской диаспоры в Москве стало притчей во языцех. Подтверждением этому может стать ряд очень популярных анекдотов:

В ночь на Светлое Воскресенье семья еврея нэпмана сидит за ужином. Раздается звон Сорока-Сороков.

– Скажи, Натан, почему это так звонят?

– Ах, это русская колония празднует какой-то свой праздник³¹.

Вагон идет до Москвы. Один еврей хвалится, что везет товар, другой – проекты, третий – что едет в гости к родичам. Дошла очередь до старой еврейки. Оказалось, что она ничего не везет и в Москве у нее нет ни родичей, ни знакомых.

– Чего тогда вы едете? – спрашивают удивленные спутники.

– Я старый человек, пришло мне время помирать – хочу помереть в Москве, меж своими людьми³².

Дойдя до национальных окраин, эта анекдотическая тема гиперболизировалась до невероятных масштабов. К примеру, анекдот, записанный в Киеве, звучит так:

– Как привлечь внимание в Москве на Тверской улице?

– Нужно громко крикнуть: “Рабинович” – и большая часть прохожих встанет и на вас обернется³³.

В анекдотах достаточно четко шло разграничение между политизированным и аполитичным еврейством.

Входит пассажир в вагон – на всех лавках лежат, хоть вагон и не спальня. Обратился к одному – уступите место, мне надо сесть.

– Я, – отвечает тот, – ответственный работник, ездил агитировать, устал, нуждаюсь в отдыхе.

Обратился к другому – то же самое: “ответственный”. К третьему – тоже “ответственный”. Наконец видит – лежит простой еврейчик с пейсами.

– Подвиньтесь, чтоб я мог сесть.

– Ну и я тоже ответственный!

³¹ Там же.

³² ЕС 1997. С. 330.

³³ Там же. С. 736.

– Как же это?

– А так: я ответственный еврей – я за них – показывает на коммунистов – буду отвечать, когда они дадут стрекача. Так мне хоть сейчас надо спокойно выспаться³⁴.

Герой вышеприведенного анекдота достаточно пассивен и спокойно воспринимает необходимость отвечать за то, к чему он лично не имеет никакого отношения – тем самым соглашаясь со стереотипом об ответственности евреев за революцию. Но во многих других анекдотических текстах, звучащих близко дореволюционной и позднесоветской традициям еврейского анекдота, интересующие нас персонажи представлены в качестве permanently гонимых властью оппозиционеров, зажимаемых и притесняемых, но не теряющих чувство юмора. Основными героями этой серии являлись евреи, не принимавшие участия в революции, невинно страдающие от деятельности отмежевавшихся от них собратьев, составляющих костяк большевистской партии.

Получает еврей заграничный паспорт.

– Почему вы бежите из СССР? – спрашивают его, выдавая паспорт, – вам что, плохо живется тут?

– Спасибо, хорошо!

– Тогда что – думаете за границей лучше будет?

– Может и лучше.

– Как будто не знаете: там хорошо, где нас нет.

– Вот и я так думаю: там хорошо, где вас нет³⁵.

В ней неоднократно подчеркиваются ухудшение жизни этого этнического меньшинства даже по сравнению Российской империей.

Еврей жалуется:

Говорите – хорошо нам жить. Где там! Наши дети стали офицерами? Ну и что, если им теперь никто чести не отдает. В Москву нас пускают? Пускают, но только за квартиру надо 1600 карбованцев в месяц платить. Землю нам дали в Крыму? Дали, а она начала трястись да вытрясать нас. Вот вам и хорошая жизнь!³⁶

В первое десятилетие советской власти эта традиция, хоть и была оттеснена на периферию анекдотического пространства, все равно продолжала развиваться, хотя далеко не столь активно, как

³⁴ Там же. С. 64.

³⁵ Там же. С. 617.

³⁶ Там же. С. 616–617.

традиция анекдотов, опирающаяся на стереотипную синонимичность понятий “еврей” и “большевик”.

Однако политическая обстановка молодого Советского государства после прихода к власти Сталина стала причиной серьезных изменений в анекдотической традиции. Все буквально встало с ног на голову. Анекдоты про еврейскую бытовую оппозиционность и политическая традиция смешались в ответ на резкое изменение состава партии, связанное со сталинской политикой. Перелом наступает в конце 1926 г., в связи с разгромом левой оппозиции, и характеризуется взлетом популярности приписываемого Радеку афоризма, впервые зафиксированного в ноябре 1926 г.:

Чем отличается Сталин от Моисея? Моисей вывел евреев из Египта, Сталин из Политбюро³⁷.

и зафиксированного месяцем позже анекдота:

После московского съезда, который закончился исключением оппозиции, говорят: “В Москве танцуют лезгинку при плаче Израиля”. (Или: Одни танцуют лезгинку, другие поют “На реках Вавилонских”)³⁸.

Эти три текста знаменуют собой начало отмирания традиции анекдотов о евреях-большевиках. Конечно, в силу инерции эти анекдоты еще достаточно долгое время вращались в фольклорном пространстве – особенно в Русском зарубежье, где в связи с возможностью письменной фиксации, компиляторы анекдотических сборников, списывая друг у друга, могли искусственным образом поддерживать некоторые тексты “на плаву”. Если в Советской России активные участники круговорота анекдотов с одной стороны подвергались преследованию, а с другой – в силу нахождения внутри осмеиваемых реалий – чаще имели возможность ознакомиться с актуальными текстами, то эмигранты могли позволить себе свободно репродуцировать устаревающие тексты, связанные с их жизненным опытом. Именно поэтому в эмигрантских сборниках 1940–1950-х годов³⁹ содержится значительное число анекдотов о евреях-большевиках.

Однако мы можем утверждать, что основная масса текстов, созданная в рамках этой традиции, сформировалась до 1927 г. По-

³⁷ Там же. С. 429.

³⁸ Там же. С. 564–565.

³⁹ Антисоветские анекдоты...; Кремль и Народ = The Kremlin and The People / Сост. и коммент. Е. Андреевич. Мюнхен: Голос Народа, 1951.

явление новых сюжетов о “еврейской власти” носило случайный и эпизодический характер и практически прекратилось после высылки Троцкого за границу в 1929 г. Старые большевики, с которыми, собственно, и был увязан этот стереотип, начали резко сдавать позиции, превращаясь из гонителей в гонимых. Очевидность данного процесса стала причиной обратного превращения анекдотического еврея в персонажа-жертву задолго до начала проведения Советским государством последовательной антисемитской политики.

Е.П. Макарова

Кампания по ликвидации неграмотности: Буквари для взрослых и методики обучения*

Борьба с неграмотностью стала одной из важнейших задач новой культурной политики, которую начало проводить советское правительство вскоре после Октябрьской революции. По переписи 1897 г., в России грамотных было чуть больше 20 % населения. При этом грамотность среди женщин была почти втрое ниже, чем среди мужчин. Начальным образованием взрослых до революции всерьез практически не занимались. Не существовало и серьезной системы школ для неграмотных взрослых.

Поэтому после революции начинать приходилось почти с нуля. Предстояло создать эффективную систему начального образования взрослых, решить вопрос о преподавателях, методиках работы. Кроме того, целью предстоящей работы было не только решение проблемы элементарной безграмотности, но и политическое просвещение. А.В. Луначарский отмечал, что «когда мы обучаем простейшей азбуке, мы имеем в виду, чтобы человек прочел и усвоил мысли, которые клали бы какую-то грань между всем старым буржуазным укладом и тем путем, которым он пойдет к социализму»¹.

Этой цели должны были служить и учебники, использовавшиеся для обучения взрослых. В течение 1920-х годов было издано около двадцати букварей, предназначенных для разных групп населения и разных регионов страны. Считалось «правильным, чтобы в практической работе были разработаны отдельные буквари для разных групп населения в зависимости от их профессиональных и общественных интересов, например, букварь крестьянский, рабочий, букварь металлистов, моряков и т.д.»² Поэтому в свет вышли учебные пособия для рабочих³, крестьян⁴ (колхозников)⁵,

* Автор благодарит А.Ю. Бахтурину и Т.В. Гимона за рекомендации и замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

¹ Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1958. С. 503.

² Голант Е.Я. Вниманию учителя // Голант Е.Я. Букварь для железнодорожников. М., 1921. С. 20.

³ Смушков В.В. Рабоче-крестьянский букварь для взрослых. М., 1920. 23 с.

⁴ Голант Е.Я. Букварь крестьянина. Пг., 1922. 32 с. 50 тыс. экз.

красноармейцев⁶, железнодорожников⁷ и батраков⁸, издавались буквари для города⁹ и деревни¹⁰, были созданы учебники для неграмотных взрослых, живших в Сибири¹¹ и на юге страны.

В букварях рассматривались разнообразные темы: история партии и революции, народное хозяйство, Красная армия, биографии государственных деятелей. Затрагивались проблемы равноправия национальностей и полов. Учебники четко проводили границу между прежним, царским и враждебным капиталистическим миром, с одной стороны, и новым социалистическим строем – с другой. В учебных пособиях определялись основные враги трудящихся – иностранные капиталисты, белогвардейцы, кулаки и священнослужители.

В большинстве исследований, посвященных теме ликбеза, конкретные методы кампании по ликвидации неграмотности обходятся молчанием, а буквари и вовсе в лучшем случае упоминаются скупого упоминания¹². А между тем, это, безусловно, источник, заслуживающий самого пристального внимания. Он может под новым / иным углом рассказать о методах политической, просве-

⁵ Поршнева М.К. Букварь “Красный пахарь”: Деревенский букварь для взрослых. М., 1928. 96 с. 300 тыс. экз. Бесплатно; Будный Г.И. Грамоту в колхозы. Букварь для взрослых. Ростов-н/Д, 1930. 32 с. 300 тыс. экз. 5 к.; За грамотный колхоз: Деревенский букварь для взрослых. М., 1930. 47 с. 100 тыс. экз. 10 к.

⁶ Красноармейский букварь. М., 1920; Балясный С. Букварь красноармейца / Под ред. А. Курской и Н. Богуславской. М., 1923; Темкин М. Грамотный красноармеец. Коммунистический букварь. Ростов-н/Д; М., 1923; Сычев П.А. Красноармеец. Букварь для красноармейцев и допризывников. М.; Л., 1929. Доступными из этих учебников оказались три последних.

⁷ Голант Е.Я. Букварь железнодорожника. М., 1921.

⁸ Наша сила – союз. Букварь для сельскохозяйственных и лесных рабочих. М., 1925; Захарьев А.А. Букварь для сельскохозяйственных и лесных рабочих. М., 1927.

⁹ Голант Е.Я. Будем учиться. Городской букварь для взрослых. М., 1927. 80 с. 120 тыс. экз. Бесплатно.

¹⁰ Голант Е.Я. Букварь крестьянина...; В кооперации наша сила. Букварь для взрослых. М., 1925; Наша сила – наша нива. Сельскохозяйственный букварь для взрослых / Сост. под ред. П. Гурова, Н. Богуславской и А. Курской. 2-е изд. М., 1925; Поршнева М.К. Букварь “Красный пахарь”...; Будный Г.И. Грамоту в колхозы...; За грамотный колхоз...

¹¹ Кондрашев В.Я. Сибирский букварь для взрослых. М., Л., 1928.

¹² См., например: Абакумов А.А. Начинали с ликбеза (Из истории народного образования на архангельском Севере, 1917–1937). Архангельск, 1988. С. 86.

тительской и агитационной работы советской власти с населением на протяжении 1920-х годов, о подходе к созданию нового советского общества, культуры и человека¹³.

Для анализа содержания букварей очень важно хорошо представлять себе, как разрабатывались те или иные методы обучения взрослых, каким методам и почему отдавалось предпочтение, как это соотносилось с политической составляющей учебников. Разрешению этих вопросов, необходимому для дальнейшего изучения букварей как исторического источника, и посвящена настоящая статья.

В конце декабря 1919 г. был опубликован декрет СНК “О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР”, который обозначил официальное начало кампании по ликвидации неграмотности. Все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязывалось учиться грамоте на родном или русском языке (по желанию)¹⁴. В инструкции, разъяснявшей конкретное действие декрета, начальный возраст обучавшихся был немного изменен – не 8, а 14 лет. Были исключены дети и подростки, которые должны были быть охвачены школой I и II ступеней.

Кампания началась, но оставались неясны некоторые ее конкретные механизмы. До осени 1921 г. на местах наблюдалось крайнее разнообразие программ занятий и сроков обучения – от трех до шести месяцев. Кроме того, не существовало четкой единой системы школ для взрослых. Все эти вопросы решались в августе 1921 г. на первой Всероссийской методической конференции, где были разработаны единые учебные программы и установлены два типа школ – ликпункт (3–4 месяца обучения при 6 часах в неделю; изучались только чтение и письмо) и школа малограмотных (6 месяцев обучения по 6 часов в неделю; целями этих школ были полная грамотность, подготовка к поступлению на рабфак, фабзавуч и т. д.)¹⁵.

Отдельные трудности были связаны с разработкой методик обучения неграмотных взрослых. Проблема состояла в том, что до революции методические подходы к обучению взрослых мало кого

¹³ См. анализ двух букварей: *Макарова Е.П.* Советские буквари для взрослых конца 1920-х годов как исторический источник: Постановка проблемы // *Взаимодействие культур в историческом контексте: Сб. ст. по материалам межвуз. науч. конф., 27–28 ноября 2003 г. М., 2005. С. 176–193.*

¹⁴ *Собрание узаконений. 1919. № 679. Ст. 592.*

¹⁵ *5 лет борьбы с неграмотностью: Сб. ст. М., 1925. С. 42–43.*

волновали. «Четыре, пять букварей и ни одной серьезной методической работы по вопросу “как учить неграмотных взрослых грамоте”»¹⁶, – сокрушался теоретик и практик работы с неграмотными, автор одного из исследуемых нами букварей В.Б. Флеров. Предстояло разрешить ряд теоретических вопросов, разработать наиболее эффективные методы работы, найти пути преодоления бытовых трудностей, мешавших обучению.

Прежде всего, после положительного ответа на вопрос о том, могут ли взрослые в принципе научиться грамоте, нужно было решить: можно ли учить взрослых так же, как и детей, по тем же учебникам, с применением таких же методик. Часть педагогов и теоретиков считали, что особой проблемы обучения взрослых грамоте не существует, и проводили занятия по детским учебникам, в частности, по книге В.П. Вахтерова¹⁷. Кроме того, в 1920 г. был издан букварь для обучения детей и взрослых первоначальной грамоте¹⁸. Однако эти учебники не отвечали потребностям учеников и педагогов, не соответствовали в полной мере новой политической ситуации.

Неграмотным взрослым требовались интересные, соответствующие их уровню развития книги. Великовозрастные ученики попросту обижались, когда с ними занимались как с детьми. Кроме того, чтобы удержать учеников на ликпункте, было «очень важно с первого же дня давать взрослым почувствовать, что они что-то приобретают и занимаются не бесплодно»¹⁹. Преподавателям же нужны были новые, более эффективные способы обучения, способные уменьшить срок учебы на ликпункте и предотвратить рецидив неграмотности. Кроме этого, новые методы должны были быть не очень сложными и четко проработанными, чтобы сами педагоги могли быстро ими овладеть.

Авторы букварей также должны были считаться с тем, что теперь учебники будут политизированы. Необходимо было ясно и полно отразить в книгах дух новой эпохи, привить ученикам поли-

¹⁶ Флеров В.Б. Как обучать неграмотных взрослых. С приложением статьи “Мои уроки с неграмотными взрослыми”. М., 1918. С. 3.

¹⁷ Вахтеров В.П. Русский букварь для обучения чтению и письму. М., 1918. 70 с. 1 р.50 к. 100 тыс. экз.

¹⁸ Букварь для обучения детей и взрослых первоначальной грамоте. Составлено по букварю “Смотри, читай и помни” Я. Борина. Ейск, 1920. 15 с. 3 тыс. экз.

¹⁹ Флеров В.Б. Как обучать... С. 15.

тическую сознательность. Ведь, как мы помним, обучение элементарным навыкам грамотности должно было идти параллельно с политическим образованием.

К началу кампании существовали три основных способа обучения чтению – буквенный, звуковой и словесный. Буквенный способ – это путь от букв к их сочетанию (слогам), от слогов к словам, от слов к связному чтению. Способ самый традиционный, но отношение к нему в среде педагогов-теоретиков сложилось довольно негативное. «Вполне прав был один известный немецкий педагог Гейешке, который сказал о буквослагательном методе, что ни война, ни чума, ни процессы о колдовстве не породили столько зла, как это складывание букв»²⁰. Однако на местах буквенным методом по-прежнему пользовались довольно активно, по причине банального незнания других подходов к обучению.

Второй способ обучения чтению – звуковой. Он распространился на Западе с начала XIX в. Отцами его считаются немецкий педагог Генрих Стефани (1761–1850) и французский педагог Жан-Жозеф Жакото (1770–1840)²¹. Пользуясь этим методом, учитель отталкивался от звуков живой речи, переходя затем к слогам, а после и к связному чтению. У звукового способа обучения есть две разновидности – синтетическая (звукослагательная) и аналитическая (звукоразлагательная). В первом случае преподаватель начинает занятия с изучения отдельных звуков, во втором – разлагает слова на звуки. Эти новые методы ближе подходили к живой речи и уменьшали срок обучения. Но все же и у них были свои недостатки – ученики с трудом соединяли звуки между собой, да и практическая цель занятий оставалась для учащихся туманной, что отталкивало их от уроков²².

Эти проблемы и стали причиной поиска новых методик. В последней трети XIX в. в Америке появился еще один способ обучения грамоте – словесный. Данные опытов привели экспериментальную педагогику к следующему выводу: процесс чтения представляет собой охватывание сразу одним зрительным актом целых

²⁰ Ликвидаторам неграмотности. Практическое руководство: Коллективная работа курсантов всероссийских курсов по ликвидации неграмотности / Под ред. Д.Ю. Элькиной. М., 1921. С. 84.

²¹ Там же. С. 85.

²² См., например: *Чикин И.* Американский метод обучения грамоте: Пособие для школьных работников по ликвидации неграмотности. Орел, 1923. С. 7.

слов по общему зрительному впечатлению, а не восприятие отдельных звуков. Американские педагоги считали, что если грамотные читают не по буквам, а целыми словами, то и начинающих надо приучать так же читать целые слова, не обращая внимания на буквы и обозначаемые ими звуки. Иначе говоря, теперь обучение грамоте сводилось к выработке у ученика навыка схватывать и угадывать целое слово по его общему виду²³. Учителя начинали занятия с чтения целых слов, а иногда и коротких предложений. Впервые русская публика познакомилась с «американским» словесным методом благодаря Е.Н. Янжул²⁴.

Этот метод тоже вызывал нарекания. В частности, В.П. Вахтеров замечал (применительно к занятиям с детьми), что слишком много места в занятиях начинает занимать интуиция. «Американские дети, не зная ни одной буквы, вынуждены в течение целых недель и даже месяцев читать целые слова и даже фразы по их внешнему виду, по характерным чертам печатного или письменного слова, угадывая его произношение и смысл, а между тем «читать, значит понимать написанное и напечатанное»²⁵. Нельзя начинать обучение с того, чем заканчивает его грамотный человек. Кроме того, последующие экспериментальные исследования показали, что начинающие не схватывают целых слов, а должны узнавать каждую букву в отдельности, припоминать соответствующий ей звук и его произношение²⁶.

В России первой половины 1920-х годов словесный метод обрел свою специфику. В отечественных букварях нашла применения особая интерпретация этого метода: выделение звуков из слов начиналось раньше, чем при обычном словесном методе, широко применялось чтение по сходству и аналогии. Этот метод позволял сразу ознакомить учащегося «со зрительным, слуховым и двигательным образами и представлением содержания целых слов и предложений»²⁷. Кроме того, занятия начинались не с бессмысленного материала, а сразу с осмысленных предложений, что, несмотря на внешнюю сложность, оказывалось более интересным и понятным взрослым учащимся.

²³ Ликвидаторам неграмотности... С. 86.

²⁴ Янжул Е.Н. Американская школа. М., 1908.

²⁵ Вахтеров В.П. Как надо учить читать и писать. М., 1922. С. 9.

²⁶ Там же. С. 13.

²⁷ Голант Е.Я. Вниманию учителей // Букварь железнодорожника. М., 1921. С. 20–21.

Правда, на пути распространения словесного метода в России существовали определенные препятствия. На ликпунктах в большинстве своем преподавали педагоги школы I и II ступени. А в детских школах применялся по преимуществу звуковой метод, поэтому учителя настаивали на его использовании и в школе взрослых. Кроме того, отсутствовали хорошо разработанные руководства для обучения по “американскому” способу. Некоторые педагоги считали, что «не время и не место непроверенные новые опыты в деле обучения грамоте рекомендовать среднему преподавателю для обучения безграмотных»²⁸.

Однако, несмотря на свои недостатки, словесный метод (применительно к образованию взрослых) прижился в России, хотя и не в чистом виде. В итоге появилась “аналитико-синтетическая разновидность звукового метода”²⁹. Занятия велись по ней следующим образом. Учитель выкладывал на доске из разрезной азбуки предложение. Затем вместе с учениками делил его на слова, а затем слова разлагал на звукобуквы (слоги). Уже из звукобукв учащийся составлял новые предложения и слова³⁰.

Преимущества этого метода для кампании по ликвидации неграмотности были очевидны. Несмотря на то, что к изучению букв на уроках подходили далеко не сразу, ученик к этому времени уже умел бегло читать, хотя и совсем немного. Это, безусловно, привлекало практически настроенных учеников, которые были невероятно рады своим первым и скорым успехам в чтении.

Кроме того, не стоит забывать, что в группе могли оказаться люди с разным уровнем начальной грамотности: вовсе не знающие алфавита, знающие его, но не умеющие складывать буквы в слова, и так далее. В этом смысле новый метод также помогал преподавателю уравнивать учащихся, подтянуть более слабых, привлечь внимание “продвинутых” учеников, удержать учащихся на ликпункте и сохранить интерес к занятиям. Аналитико-синтетическая разновидность словесного метода была проверена на практике в ходе кампании в 1919–1921 гг.³¹

Буквари, изданные в начале 1920-х годов, представляли все разнообразие методологических подходов к обучению взрослых грамоте. Авторы учебников активно использовали смешанные ме-

²⁸ *Смушков В.В.* Рабоче-крестьянский букварь... С. 3.

²⁹ *Голант Е.Я.* Вниманию учителя... С. 21.

³⁰ Там же. С. 22.

³¹ 5 лет борьбы... С. 26.

тоды – слогово-словесный, словесно-звуковой; аналитическая и синтетическая разновидности звукового метода также не были забыты.

Но все же в основном среди преподавателей наметилось два течения. Первое представляли сторонники звукового метода. Они приспособляли к аудитории взрослых программы, методы и пособия прежних детских школ (программы Петрограда, Саратова и др. за 1918–1920 гг.)³². Второе направление, которое поддерживали единицы, было представлено будущими разработчиками русских вариантов словесного метода. Они, находя в прежних методах обучения детей недостатки и принимая во внимание необходимость разных подходов ко взрослым и детям, стали искать новые пути решения проблемы обучения неграмотных взрослых. Кроме того, представители второго направления выступали против аполитичного преподавания.

Вначале все преимущества были на стороне первого направления – были уже разработаны букварь для взрослых В.Б. Флерова и его же методическое пособие “Как обучать неграмотных взрослых”³³. Эти книги были распространены достаточно широко. Об этом свидетельствуют не только многочисленные переиздания и большие тиражи, но и, например, тот факт, что некоторые авторы учебников сознательно отказывались писать для своих букварей хоть какие-нибудь методические указания, заявляя, что «их можно найти в книжке Флерова “Как обучать неграмотных взрослых”, в большом количестве распространенной повсеместно»³⁴. Кроме того, большинство педагогов владело именно звуковым методом и без энтузиазма принимало нововведения, в том числе и политического характера. К тому же, после издания декрета “О ликвидации неграмотности” из-за отсутствия четких и вразумительных указаний центра и учебных программ в большинстве губерний был переиздан букварь Флерова.

Второе направление вначале поддержало меньшинство педагогов. По их инициативе летом 1919 г. при Внешкольном отделе Наркомпроса совместно с московским отделом народного образования была создана опытная школа. Ее задачей стала выработка

³² Там же. С. 35.

³³ Флеров В.Б. Букварь взрослых для обучения чтению и письму без слияния звуков. М., 1918; *Он же*. Как обучать...

³⁴ Черновский С.А. Ключ к знанию. Букварь для взрослых. Оренбург, 1922. С. 2.

новых методов обучения. Из-за отсутствия подходящих под новые требования учебников ученики постигали грамоту по большим настенным таблицам с лозунгами. Обучение шло не очень быстро, в целом этот опыт был не совсем удачным³⁵. Однако он не пропал даром. Д.Ю. Элькина, участвовавшая в работе этой московской школы и призванная затем в Красную армию в 1919 г. на фронт просветительных работ, создала букварь “Долой безграмотность”. По словам составителей этого букваря, обучение по нему проходило быстрее, легче и, что самое главное, сознательнее – «те, кто учился не по Флерову – лучше читали (бегло и осмысленно) оттого, что по методу Флерова ученики думают о проблемах и технике слияния, а не о смысле фраз»³⁶. Но самое главное, учебник Элькиной позволял проводить урок так, «чтобы с освоением навыков чтения проводилась пропаганда советского строя среди миллионов людей»³⁷. Это в свете новой политической ситуации не могло остаться без внимания.

Однако отсутствие проработанных методических пособий по-прежнему не позволяло в полной мере использовать новые методы и учебники. В итоге, в мае 1921 г. на месячных губернских курсах преподавателей был разработан план бесед и занятий по новому букварю.

В августе этого же года состоялась первая Всероссийская методическая конференция, где обсуждались вопросы, связанные с подходами и методами обучения неграмотных взрослых. Верх в дискуссии взяла так называемая “московская” точка зрения, которая сложилась в ходе работ опытных московских школ и поиска новых способов обучения. Эта точка зрения однозначно отдавала преимущество аналитико-синтетической разновидности словесного метода обучения чтению, простейшей математической грамоте (а не счету, как это было раньше), комплексному подходу в занятиях (т.е. теперь не было отдельных занятий по чтению, письму или счету, все эти предметы объединялись в общий курс) и безусловной политизированности учебного материала. Научно-психологический фундамент под результаты практической работы опыт-

³⁵ 5 лет борьбы... С. 36.

³⁶ Там же. С. 37.

³⁷ Элькина Д.Ю. На культурном фронте. М., 1959. С. 115.

ных школ подвели Е.Я. Голант³⁸, только что перенесший свою работу с юга в Петроград, и П.А. Сычев³⁹, руководивший методической работой в Красной армии⁴⁰.

К концу 1920-х годов «аналитико-синтетический метод целых слов и слогов при звуковой проработке»⁴¹ стал единственным методом обучения грамоте взрослых.

Но уже в начале 1930-х годов этот подход к обучению грамоте стал подвергаться критике⁴² как «механическая смесь различных методов (целых слов, слогов и звукового), требующая совершенно механической зубрежки»⁴³. Метод, явившийся следствием попыток «американизировать» начальное образование взрослых, по мнению критиков, не предполагал «совершенно какого бы то ни было участия сознания учащихся в самом процессе обучения грамоте»⁴⁴. Из-за него оставался большим процент отсева учащихся, слабая успеваемость начинающих и рецидивы неграмотности. Нежизнеспособность прежних способов обучения доказывало и то, что они «могли существовать только до тех пор, пока центральные методические организации поддерживали их существование. Но как только культпоход развернулся во всю свою мощь и ширь, они были сметены этим движением»⁴⁵. Однако авторы новых методических исследований не предложили серьезной альтернативы аналитико-синтетическому методу (кроме возможного возвращения к буквенному способу обучения).

³⁸ В будущем автор трех букварей для взрослых: Букварь железнодорожника. М., 1921; Букварь крестьянина. Пг., 1922; Будем учиться. Городской букварь для взрослых. М., 1927.

³⁹ Автор букваря для красноармейцев и допризывников «Красноармеец» (М.; Л., 1929).

⁴⁰ 5 лет борьбы... С. 42.

⁴¹ *Захарьев А.А.* Методические указания к ведению занятий по букварю для лесных и сельскохозяйственных рабочих // Букварь для сельскохозяйственных и лесных рабочих. М., 1928. С. 71.

⁴² Даже в советской историографии послевоенного периода словесный метод обучения грамотности называли порочным (*Иванова А.М.* Ликвидация неграмотности среди взрослых в СССР (1917–1941). М., 1955. С. 9).

⁴³ *Шварц Л.* Психологический анализ процесса чтения начинающего и метод обучения грамоте // Вопросы ликвидации неграмотности и психология (работа опытных школ ВЧК лб в 1929–1930 учебном году). М., 1932. С. 42.

⁴⁴ *Веденов А.* Ликвидация неграмотности и психология // Там же. С. 23.

⁴⁵ Там же. С. 22.

В заключение необходимо отметить не только интерес авторов новых методов и букварей к политической составляющей учебного материала, но и то, что зачастую эти новые методы принимались на вооружение именно благодаря столь тесной связи с политикой. При этом, конечно, имели значение и другие преимущества новых методов – повышение эффективности образования, уменьшение сроков обучения, новые подходы именно к взрослым учащимся.

Н.В. Коваленко
Советские газеты
о разгроме правой оппозиции на XVI
Всесоюзной партийной конференции:
Сравнительный анализ

29 апреля 1929 г. закончилась XVI Всесоюзная партконференция. Основным ее итогом стал разгром правой оппозиции во главе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и М.П. Томским¹ – противниками коллективизации и сталинского варианта индустриализации. События конца апреля 1929 г. можно считать не только точкой отсчета окончательного поворота в экономической политике, но и началом новой расстановки сил в самой партии. Все это должно было получить неопровержимое идеологическое обоснование и, соответственно, отразиться в печати. 30 апреля передовые статьи всех более или менее значимых газет были посвящены именно этим событиям.

Конец 20-х – начало 30-х годов характеризуются значительным усилением партийного контроля над СМИ². Данная статья посвящена сравнению материалов разных газет о разгроме правых; ее цель – вскрыть механизмы советской пропаганды и, одновременно, выявить специфику целей, ставившихся разными газетами. Исследование состоит из двух частей. В первой проводится сопоставление передовых статей разных газет за 30 апреля. Вторая посвящена сравнению газетной информации об осуждении правых партактивами Москвы и Ленинграда. Изучаются следующие газеты: “Правда”, “Беднота”, “Известия”, “Экономическая жизнь”, “Сельскохозяйственная газета” и “Торгово-промышленная газета”.

¹ Имена правых в связи с их разгромом не упоминались в печати до августа 1929 г.

² “О мероприятиях по улучшению юношеской печати”, 28 июля 1928 г. (КПСС в резолюциях и съездах. М., 1984. Т.4. С. 362); Докладная записка секретаря “Известий ЦК ВКП(б)” С. Губермана «О журнале “Известия ЦК ВКП(б)”», 29 декабря 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 304); письмо зав. Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) А. Кринницкого “О неделе обороны” (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 420. Л. 294-296).

“Правда” издавалась с 1912 г. и, являясь главным рупором большевистской партии, выражала официальную точку зрения. Именно через “Правду” в первую очередь до населения доходили господствующие установки политики и идеологии. Можно сказать, что “идеологическая подготовка” являлась для “Правды” приоритетной, что обусловило существование в “Правде” особого раздела “Партийное строительство”. Именно туда, помимо передовых статей, было помещено все связанное с правым уклоном и его разоблачением. Данную страницу отличают так называемые шапки; все написанное помещается под единым, набранным крупным шрифтом и имеющим пространный подзаголовок названием.

Эти названия представляют собой лозунги и утверждения. Особого внимания заслуживают здесь подзаголовки. Написанные небольшими жирными буквами, они представляют собой несколько относительно длинных предложений, содержащих в себе весьма пространное изложение господствующих положений. Именно они, вместе с основным заглавием, призваны сформировать у читателя взгляд на те или иные вещи. Все, что напечатано ниже, выступает некоей иллюстрацией к содержащемуся в названии.

Главным редактором “Правды” в апреле 1929 г. был Н.И. Бухарин. Однако редактором в то время он оставался лишь номинально и не мог определять содержание и направление публикуемых статей. Ближайшие же сотрудники Бухарина были уже замещены “сталинистами” во главе с Г.И. Круминым и Е.И. Ярославским, работавшими до этого в газете под началом Бухарина. Редакция газеты, таким образом, полностью контролировалась Сталиным³.

Газета “Беднота” начала выходить и 1918 г. и была задумана как крестьянская газета. Но в 1929 г., судя по кругу освещаемых проблем, “Беднота” была рассчитана на организации, проводившие в деревне работу с массами, на наиболее сознательных крестьян, на крестьян-активистов. Следует заметить, что от остальных исследуемых газет “Беднота” отличается более простым языком, большей эмоциональностью стиля. “Беднота”, как и “Правда”, являлась органом ЦК ВКП(б). Редактором “Бедноты” в 1929 г. был М.Н. Грандов. Особое значение Грандов придавал работе среди

³ Коэн С. Бухарин. Политическая биография, 1988-1938. М., 1988. С. 359-360.

деревенских масс по разъяснению сути политического переустройства деревни, “идеологической подковке” масс⁴.

Много внимания уделялось газетой борьбе с правым уклоном и кулаком, а также чистке партии и учреждений. Говоря о чистке, представляется возможным сравнить “Бедноту” с другим органом ЦК – “Правдой”. В обеих газетах можно встретить отведенные чистке целые страницы с крупными заголовками и пространными подзаголовками. Можно утверждать, что пропаганда и агитация в деревне, их “техника” и организация были приоритетными задачами “Бедноты”. Так были сформулированы задачи “Бедноты” в мае 1929 г. в постановлении ЦК партии: «...политическое и культурное воспитание деревенского актива и передовых слоев бедняцко-средняцкого крестьянства и организация этих слоев вокруг лозунгов социалистического переустройства деревни»⁵. С началом коллективизации в газете много внимания стало уделяться колхозному строительству, трудовой организации бедноты, дискредитации кулака и правых.

“Известия” выходили с 1917 г. Эта газета, в отличие от “Правды” и “Бедноты”, не являлась органом ЦК: “Известия” в 20-е годы выпускал ВЦИК СССР. В апреле 1929 г. исполняющим обязанности главного редактора “Известий” был И.М. Гронский⁶. Он вспоминал впоследствии: «По всем важнейшим вопросам редакция газеты была связана со Сталиным»⁷. В 1925-1928 гг. в редакции “Известий” проводились чистки. Эти последние, как и переход газеты под абсолютное руководство Сталина, привели к тому, что многие из “старых” сотрудников были вынуждены уйти из газеты⁸.

Много внимания уделялось в “Известиях” успехам социалистического строительства, а также необходимости дальнейшего беззаветного труда и энтузиазма масс. В начале 1929 г. указанные особенности проявились сильнее, чем раньше. Все больше места на страницах газеты отводилось обширным статьям о чистке и самокритике, борьбе с правым уклоном, а также статьям об индустриа-

⁴ Грандов М.Н. Расслоение деревенской бедноты. Доклад в Центральном Доме крестьянина 30 октября 1925 г. М., 1926.

⁵ Занять боевую позицию. О работе газеты “Беднота” // Беднота. 1929. 11 мая. С. 1.

⁶ Прежний редактор И.И. Скворцов-Степанов умер в 1928 г., до последнего оставаясь на своем посту.

⁷ Гронский И.М. Из моего прошлого. Воспоминания. М., 1991. С. 119.

⁸ Там же. С. 135.

лизации как новом важнейшем историческом этапе. На страницах газеты можно встретить много указаний на верность избранного партией пути. Враги же партии, наоборот, подвергались постоянному осмеянию и очернению в яркой, эмоциональной форме. Газета содержала большое количество карикатур на враждебных зарубежных деятелей, людей малосознательных, нерадивых рабочих и бюрократов.

Орган СНК “Сельскохозяйственная Газета” был рассчитан на руководящие кадры совхозов, колхозов и других плановых сельскохозяйственных учреждений. Задачи газеты так определялись самой редакцией: “Сельскохозяйственная газета” – руководящий орган в области социалистической реконструкции сельского хозяйства... Особое внимание она уделяет нашей политике в деревне..., развитию коллективизации и совхозного строительства..., всесторонне освещает партийную жизнь в деревне..., уделяет значительное место достижениям агрономических наук”⁹.

Главным редактором “Сельскохозяйственной газеты” в 1929 г. был В.П. Милютин, видный сотрудник аграрного института. В конце 20-х – начале 30-х годов Милютин зарекомендовал себя как активный, последовательный сторонник “социалистического переустройства” деревни. Наиболее ярко позиции Милютина проиллюстрировал сделанный им 1 октября 1930 г. доклад, целью которого был идейный разгром экономистов Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова¹⁰.

Что касается правого уклона, то в большинстве статей говорится о его исключительной опасности. Статьи, посвященные правому уклону и чистке партии, зачастую построены в виде объяснения связанных с ними действий власти. Упомянутой опасностью правого уклона, как отсутствием в ряде случаев какой-либо альтернативы, должны были руководствоваться читатели газеты в своей деятельности.

В газетную сеть страны входило много органов, издававшихся наркоматами и их отделами. Большое значение в организации хозяйства республики имел ежедневный орган Совета труда и обороны и экономических советов РСФСР – газета “Экономическая жизнь”, издававшаяся с 1918 г., а также “Торгово-промышленная газета”, издававшаяся ВСНХ.

⁹ Сельскохозяйственная газета. 1928. № 38. С. 4.

¹⁰ Кондратьевщина. М., 1930. С. 5-23.

Аудитория “Торгово-промышленной газеты” и “Экономической жизни” состояла из представителей управленческого персонала предприятий всех уровней, а также включала в себя инженеров и техников. В обеих газетах в круг затрагиваемых тем входило увеличение производительности труда на предприятиях, ужесточение трудовой дисциплины, кадровый состав партячеек и профкомов производственных предприятий.

Однако, несмотря на сходную тематику, среди целей газет можно найти и различия. “Торгово-промышленная газета” в большей степени отражала такие присущие индустриализации процессы, как ужесточение госконтроля в промышленности и деятельности рабочих масс. Страницы газеты были заполнены многочисленными лозунгами-призывами и директивами. Большое распространение получили в газете карикатуры и так называемые черные доски, на которых отмечались названия отстающих предприятий и имена их руководителей. В газете больше внимания уделялось деятельности фабрично-заводских ячеек и профсоюзов по повышению трудовой дисциплины, развертыванию критики и самокритики. В газете поднимались проблемы соподчинения предприятий в составе треста, подчинения их единому руководящему центру. Что касается правого уклона, то в многочисленных статьях утверждалась полная несостоятельность идей правых, полное непонимание ими (в отличие от партии) происходящего.

Главным редактором “Торгово-промышленной газеты” в 1929 г. был В.И. Межлаук, заместитель председателя ВСНХ СССР, один из руководителей индустриализации и сторонник директивных методов управления народным хозяйством.

Редакция “Экономической жизни” ставила своей целью всесторонне освещать происходящие в стране экономические процессы. «Газета обязана, – писал о задачах “Экономической жизни” ее главный редактор Г.И. Крумин, – ...проникнуть на фабрику, завод, совхоз, железнодорожную мастерскую...»¹¹ Помимо «обобщения и выводов собранного объективного материала», газета ставила своей целью анализ и обобщение «подчас молекулярных процессов, накапливающихся в глубинах хозяйственной жизни»¹².

“Экономическая жизнь”, в отличие от “Торгово-промышленной газеты”, не содержала большого количества лозунгов и не имела своей целью постоянное “давление” на предприятия и их работни-

¹¹ Крумин Г.И. За пять лет // Панушкин Г.П. Г.И. Крумин. М., 1975. С. 54.

¹² Там же. С. 51.

ков в той мере, в какой это делала “Торгово-промышленная газета”.

Редактором “Экономической жизни” в 1929 г. был Г.И. Крумин, видный экономист и журналист, который видел цель газеты в наиболее четком отражении экономических процессов страны. Судя по публицистическим работам Крумина конца 20-х – начала 30-х годов, он был солидарен с позицией сталинского большинства относительно происходивших в стране модернизационных процессов. В своих работах он критиковал экономические позиции правых, указывая на их полную идейную несостоятельность¹³. Возможно, все это и обуславливало некоторую непохожесть “Экономической жизни” на все остальные газеты, ее неординарность.

Сравнительный анализ сообщений советских газет о разгроме правой оппозиции предпринимается в настоящей статье впервые. Однако существует довольно обширная литература как о советской периодике, так и о событиях 1929 г.

Все исследования, посвященные советской прессе, можно разделить на две большие группы. К первой относятся работы, написанные до 1991 г., ко второй – созданные в постсоветский период. Что касается первого периода, то здесь имеет смысл отметить основные направления исследований: изучение советской печати периода Октябрьской революции и Гражданской войны, местной печати (края, области и т.д.), рабочих и крестьянских газет, прессы, освещавшей деятельность партии и общественных организаций (комсомола, профсоюзов и т.д.), исследование деятельности какой-либо одной газеты, изучение прессы Великой Отечественной войны, изучение экономической прессы¹⁴. Многие работы этого периода отличаются чрезмерным восхвалением, идеализацией

¹³ Крумин Г.И. За изучение экономики переходного периода. М., 1930; Он же. По ленинскому пути. М., 1928; Он же. О готовой экономической политике. Симферополь, 1929.

¹⁴ См., например: Панфилова А.М. Советская периодическая печать как исторический источник: Учебн. пособие. М., 1974; Шиманов Н.А. Общественные функции и идейные принципы коммунистической прессы: Лекции по курсу “Теория и практика партийно-советской печати”. М., 1974; Измайлов А.Ф. Газета производственного объединения: Особенности развития и функционирования (По материалам печати трудовых коллективов Ленинграда): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979; Он же. Газета трудового коллектива. М., 1983; Лысакова И.П. Стиль рубрики, заголовка, жанра как фактор типовой модели газеты // Вестн. Ленингр. ун-та. Л., 1982. № 14, вып. 3; и мн. др.

периода отличаются чрезмерным восхвалением, идеализацией работы того или иного печатного органа, преувеличением степени достоверности его информации; наоборот, такие проблемы, как цензурная правка, идеологическая заданность, тенденциозность в подборе информации, обычно оказывались вне поле зрения исследователей¹⁵. Работы второго периода отличает более критичное отношение к источникам. К новым направлениям, возникшим в этот период, можно отнести изучение советской цензуры, сравнительный анализ информации советских газет об одних и тех же событиях, постановка вопроса о достоверности сведений прессы и др.¹⁶

Работы, посвященные правому уклону, условно можно разделить на четыре группы.

Первая группа – это литература, вышедшая до второй половины 1980-х годов. Ее особенность – отрицательное отношение авторов к деятельности правых и к ним самим. Образцом подобного подхода является написанное о правых в “Кратком курсе истории ВКП(б)”¹⁷ и в учебном пособии М.П. Кима¹⁸. Наиболее содержательной из работ рассматриваемого периода можно считать монографию Ф.М. Ваганова¹⁹.

Вторая группа – литература конца 1980-х – 1990-х годов (периода “бухаринского бума”). Эти работы представляют собой пол-

¹⁵ Ср. утверждение о том, что советская периодика *в целом достоверна*, т.к. содержит директивные установки и тщательно подобранные факты: *Борщевский В.Я.* Некоторые вопросы изучения советской периодической печати как исторического источника // *Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения: Сб. науч. тр. Днепропетровск, 1978. С. 7.*

¹⁶ См., например: *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929-1953. СПб., 2000; *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие. М., 2001; и др. Наиболее близки к настоящей статье по тематике и подходу работы: *Волощенко Н.А.* Советская периодическая печать как источник по истории взаимоотношений государства и церкви во второй половине 1927 г. // *ИИ. 2004. Вып. 1. С. 148-158*; *Ведюшкина С.В.* Первые месяцы Гражданской войны в Испании в освещении центральных советских газет // *Там же. С. 159-192.*

¹⁷ История ВКП(б): Краткий курс. М., 1950. С. 280.

¹⁸ *Ким М.П.* СССР в период социалистической индустриализации. М., 1951.

¹⁹ *Ваганов Ф.М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928-1930 гг.). М., 1977.

чертами являются открытая симпатия к лидерам правых и доказательство правоты их идей, доходящие иногда до чистой апологии. Примером здесь могут служить статьи Л.К. Шкаренкова²⁰, Ю.С. Аксёнова и Л.К. Виноградова²¹, Г.А. Трукана²², Л.М. Чижовой²³ и В.П. Данилова²⁴, монографии Я.И. Потеряйко²⁵ и И.М. Горелова²⁶.

Третья группа – работы исследователей, критически подходящих к деятельности и идеям правых. Авторы данных работ настаивают на нереальности предлагавшейся правыми альтернативы. Примером здесь могут служить вышедшие в начале 2000-х годов монографии Е.Г. Гимпельсона²⁷ и А.В. Шубина²⁸.

Четвертая группа – работы зарубежных исследователей. Наиболее содержательные из них принадлежат С. Козну²⁹, Э.Х. Карру³⁰, Р. Такеру³¹, М. Куну³².

²⁰ Шкаренков Л.К. Николай Иванович Бухарин // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 59-78.

²¹ Восстановление правды // Вопросы истории КПСС. 1989. № 1.

²² Трукан Г.А. Политическая дискуссия 1928-1929 гг. о путях строительства социализма // Вопросы истории КПСС. 1989. № 12. С. 81-97.

²³ Чижова Л.М. Кто виноват в политической дискредитации Угланова // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8.

²⁴ Данилов В.П. Бухаринская альтернатива // Бухарин: Человек, политик, ученый / Под ред. В.В. Журавлёва. М., 1990.

²⁵ Потеряйко Я.И. Н.И. Бухарин: Штрихи к портрету. Киев, 1988.

²⁶ Горелов И.М. Н.И. Бухарин. М., 1988.

²⁷ Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 261-300.

²⁸ Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 202-203.

²⁹ Козн С. Бухарин... С. 359-360.

³⁰ Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917-1929. М., 1990.

³¹ Такер Р. Сталин. Путь к власти. М., 1991.

³² Кун М. Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992.

Анализ передовых статей

1. **“Правда”**³³. В “Правде” более, чем где-либо, разоблачается правый уклон в целом. Он выступает здесь как некая цельная организация.

Вся статья делится на две тематические части. В первой говорится о рассмотренных (поставленных) на конференции задачах социалистического строительства. Вторая часть с этими конкретными задачами непосредственно не связана. Но разгром правых, о котором в ней говорится, является залогом осуществления того, чему посвящена первая часть статьи. Осуществление «величайших задач социалистического строительства» возможно лишь при устранении правого уклона. Проиллюстрировать данное положение можно с помощью такой схемы:

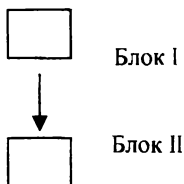

Схема 1. Структура статьи в “Правде”

I блок – все сказанное до упоминания о правых. II блок – сведения о разгроме правой оппозиции. В статье связь между двумя частями формулируется предложением, из которого можно сразу понять, что именно такое представление должно сформироваться у читателя: «По всем основным направлениям правые оппортунисты пытаются колебать линию партии».

В “Правде” имеет место противопоставление партии и правой оппозиции. Последняя выступает здесь как некая единая сила, абсолютно противоположная всему, связанному с «генеральной линией» и, соответственно, с «партией». Эта мысль передается в статье, помимо прочего, постоянным, многогранным противопоставлением взглядов партии и деятельности правых. У читателей должно было сложиться, по замыслу авторов, представление об абсолютной противоположности курсов правых и партии. Логику построения статьи в “Правде” можно изобразить в виде схемы:

³³ Правда. 1929. 30 апр. С. 1.

Несколько абзацев об основных решениях партконференции (связанных с коллективизацией, индустриализацией и т.д.).

↓

«По всем этим основным направлениям³⁴ правые оппортунисты колеблют линию партии».

↓

Слова об оппортунизме и «новой оппозиции» правых

↓

«Правые оппортунисты колеблют линию партии по основным вопросам».

↓

Несколько слов о коллективизации, индустриализации и «других основных направлениях»

Схема 2. Логика построения статьи в “Правде”

На данной схеме видно, что совершенно аналогичные мысли повторяются дважды, и при этом одинаково пространно. Это может свидетельствовать лишь о том, насколько заинтересованы были авторы статьи в формировании в сознании читателей упомянутых представлений.

Говоря о повторяющихся словах и выражениях, следует еще раз упомянуть о структуре выделенной выше второй части. Она состоит из основной части и введения, преамбулы. Первое из разбираемых здесь повторяющихся положений представляет собой именно введение, второе же относится к основному тексту статьи. По-видимому, значимость для авторов данной структуры “введение – основной текст”, с одной стороны, и упомянутого выше «многогранного разоблачения» правых, с другой, и определили эту повторяемость.

Наверное, следуя принципу “разоблачения по всем направлениям”, авторы статьи привели конкретный эпизод такого “разоблачения”, касавшегося самого важного из стоявших тогда вопросов – вопроса о развитии сельского хозяйства и коллективизации. В данном отрывке также говорится о полном разгроме правых: «Теория вращающегося кулака в социализм полностью разоблачена в результате работ XVI партконференции».

³⁴ Здесь и далее подчеркивания всюду мои. – Н.К.

2. “Беднота”³⁵. С самого начала создается впечатление, что структура статьи в “Бедноте” и ее суть в целом совершенно аналогичны тому, что мы видим в “Правде”: некое отдельное действие или явление служит основным условием выполнения намеченных конференцией задач. Однако составленная для “Правды” схема не может быть полностью применена к “Бедноте”.

Первое, что следует отметить, – это отсутствие свойственного “Правде” деления статьи на две взаимосвязанные части. В “Бедноте” сообщением о правом уклоне статья не заканчивается. Другими словами, сказанное о разоблачении правых не является здесь завершением, подведением итогов, а составляет лишь часть статьи, за которой следует другая не менее значимая ее часть.

Это отразилось и на различии введения и заключения статей “Правды” и “Бедноты”.

Таблица 1. Введение и заключение передовиц
“Правды” и “Бедноты”

	“Правда”	“Беднота”
Введение	Главнейшая задача конференции заключалась в том, чтобы... сформировать... задачи... успешного продвижения вперед. Решающая задача конференции заключалась в том, чтобы... сплотить ее (партию. – <i>Н.К.</i>) на... программе строительства.	Конференция была посвящена вопросам... (далее перечисление. – <i>Н.К.</i>).
Заключение	Ленинская партия... ясно установила перспективы социалистического строительства. С громадным единодушием сплотилась она на генеральной линии...	Даются сведения об успехах социалистического строительства.

Что касается основного текста статьи, то, не считая ее сельскохозяйственной специфики, основное отличие от написанного в “Правде” заключается в следующем: залогом осуществления указанных сельскохозяйственных задач является наступление на “классового врага” – кулака и его разгром. Структура статьи “Бедноты” выглядит несколько более сложной, чем в “Правде” (схема 1). Ядром блока II, как и в “Правде”, в “Бедноте” является разгром правых. Сообщение об этом, в отличие от “Правды”, не связывается напрямую с первым

³⁵ Беднота. 1929. 30 апр. С. 1.

блоком, однако играет здесь более важную роль, чем напрямую связанные с ним утверждения по поводу классового врага.

Правый уклон, если верить “Бедноте”, является отражением того давления, которое классовый враг оказывает на «неустойчивые прослойки партии». Однако почему-то именно разгром правых, а не “виновного” в возникновении уклона кулака, служит залогом осуществления указанных в первом блоке задач.

Выводом или заключением из всего сказанного является в “Бедноте” именно утверждение о разгроме правых. Кроме того, у читателя, возможно, создавалось впечатление, что и залогом разгрома упомянутого классового врага является именно разоблачение правых. Это видно и из особенностей языка статьи. В той части, где идет речь о поставленных задачах и о классовом враге, т.е. в первом блоке и в первой части второго блока, фигурируют два понятия: «социалистическое строительство» и «наступление на классового врага». В той же части, где говорится о правых, появляется понятие «социалистическое наступление». Создается впечатление, что это последнее является неким синтезом двух названных выше понятий. Оно может трактоваться как социалистическое строительство и одновременно как отпор «бешено сопротивляющемуся» классовому врагу. Основным же условием этого «социалистического наступления» является разгром правых.

Как и в “Правде”, в “Бедноте” правый уклон выступает как нечто цельное и противопоставленное собственно партии. Однако следует отметить и различия. В “Бедноте” меньше внимания акцентируется на противоположности правого уклона остальной партии. Здесь нельзя встретить указаний вроде «налицо новая оппозиция», имеющих в “Правде”. Нет выражений вроде: «по всем этим вопросам правые оппортунисты колеблют линию партии». Другими словами, тот факт, что правые во всех направлениях пытаются утвердить нечто свое, оппозиционное, «поколебать линию партии», в “Бедноте” никак не отразился, хотя именно это служит основным обвинением правых в “Правде”. В “Бедноте” главным показателем “вредности” правого уклона служит то, что его возникновение – результат давления классового врага на партию. Из-за этого в “Бедноте” правая оппозиция сильно “теряет” в смысле отрицательности образа.

В заключение следует попытаться выяснить причину такого различия в подходах “Бедноты” и “Правды” к правым уклонистам. В первую очередь, здесь следует отметить, что обе газеты были рассчитаны на читателя, представлявшего хотя бы в общих чертах ос-

новые позиции правых. Весь апрель в “Правде” и “Бедноте” частично печатались стенограммы заседаний XVI партконференции.

Столь подробное освещение позиций правых в “Правде” есть следствие заостренности на теме их разгрома. Отсутствие подобного разбора их позиций, сведение всего к давлению кулаков и, с другой стороны, странная, неестественная структура статьи в “Бедноте” могут служить доказательством того, что главной целью статьи было сформировать представление о необходимости дальнейшего «социалистического наступления» и борьбы с правым уклоном как порождением действий кулака. Главной же целью “Правды” являлось указание на несовместимость существования уклона с нормальной деятельностью партии и разъяснение причин необходимости абсолютного разгрома правой оппозиции.

3. “Известия”³⁶. Если сравнить написанное в “Известиях” с имеющимся в “Правде” и “Бедноте”, то первое, что бросается в глаза – это отсутствие связи между сказанным о задачах социалистического строительства и о правых, подобной той, которую можно наблюдать в “Правде” и “Бедноте”. Решение перечисленных в “Известиях” задач хотя и подразумевает разгром правых, но все же не ставится в непосредственную от него зависимость; никак не акцентируется то, что разгром правых является основным условием выполнения намеченного. О разгрома правых говорится исключительно как о следствии принятия программы «социалистического строительства», а не как о ее непосредственном условии.

Явное отличие данного текста от двух предыдущих состоит в самой интерпретация случившегося на конференции с правой оппозицией:

“Правда”

...партия на... XVI партконференции подвела первые итоги борьбы с правой опасностью в партии и решительно объявила войну правому уклону, как самому опасному... беспощадную борьбу.

“Беднота”

Борьба с колебаниями в партии, с шаганиями отдельных ее прослоек... с правой оппозиции... является одним из неперемных условий укрепления боеспособности партии...

“Известия”

Правая... оппозиция... не нашла на конференции никакой поддержки. Ее представители даже не осмелились предложить... систему своих взглядов, ибо они знали, что эта система взглядов... Будет решительно осуждена, как она была осуждена пленумом ЦК...

³⁶ Известия. 1929. 30 апр. С. 1.

Можно видеть, что если в двух первых случаях речь идет непосредственно об осуждении правых как оппозиции, то в “Известиях” – исключительно о полном неприятии «системы взглядов» правых, об отметании предложенных ими идей. В этом последнем и заключается провал правых. Если в двух предыдущих случаях правые выступали как объект действия извне, со стороны партии (в “Правде”: «...партия объявила уклону... борьбу»; в “Бедноте”: «Борьба с...»), то в “Известиях” правые являются субъектом, не испытывающим непосредственного воздействия («...оппозиция не нашла... поддержки...»). Множество других предложений указывает на непосредственные действия конференции: «Конференция признала...»; «Конференция исходила из...»; «Конференция продемонстрировала...» Предложение о разгроме правых, таким образом, сильно выделяется на общем фоне. Подобное отступление также может свидетельствовать в пользу того, что главным в “Известиях” является неприятие предложений правых, а собственно разгром правых на конференции отходит на второй план.

Еще одним важным моментом является составляемое “Известиями” представление о правой оппозиции: сущность правого уклона, основные обвинения в адрес правых. Как уже говорилось, обвинения, имеющиеся в “Правде”, сводятся к образованию правыми оппозиции внутри партии, с одной стороны, и к «колебанию линии партии по основным вопросам» – с другой. В “Бедноте” подобная четкая грань отсутствует, однако обвинения в целом так же сводятся к образованию оппозиции и отступлению от генеральной линии. Что касается “Известий”, то здесь, на первый взгляд, присутствуют оба этих момента.

Здесь, так же как и в “Правде”, четко сказано об образовании правыми оппозиции внутри партии. Говорится о «правой оппортунистической оппозиции», о самих правых – как о представителях оппозиции, имеющих собственную, отличную от общепартийной систему взглядов. Однако в “Известиях”, в отличие от “Правды”, не звучит в адрес правых столь четких обвинений в образовании этой самой оппозиции:

“Правда”

Налицо новая оппозиция...

“Известия”

Правая оппортунистическая оппозиция, споткнувшаяся.., отступающая, преувеличивающая, недооценивающая...

С самого начала бросаются в глаза многочисленные эпитеты, применяемые к правым в “Известиях”. Цель их очевидна – надеть правых рядом негативных черт и представить их в соответствующем свете читателям. Данными определениями подчеркивается негативная сущность как оппозиции в целом, так и линии правых. Однако следует отметить, что в “Известиях” упоминается об осуждении «системы взглядов» правых, а не их самих как оппозиции. Последнее в “Известиях” все-таки имеет место. Там говорится об оппортунистической оппозиции, чем подчеркивается «непартийная» позиция правых. Однако в “Правде” негативный смысл передается самим понятием «оппозиция». В “Известиях” же дополнительные определения его только затушевывают.

Что же касается дальнейших характеристик правой оппозиции, как и системы взглядов правых, то они в “Известиях” даны в виде определений. В “Правде” бросается в глаза тот факт, что характеристики правых выражены не определениями, а некими их, правых, действиями, которым отводятся целые отдельные предложения. Кроме того, если определения, даваемые в “Известиях”, свидетельствуют о страхе правых и об их нерешительности, то “Правда”, напротив, показывает их стремление сбить партию с верного пути и подменить ее правильную линию своей ошибочной. Если в “Известиях” у правых имеется целая система взглядов (хоть и идущая вразрез с генеральной линией партии), то в “Правде” допускается только возможность для правых «колебать» линию партии относительно тех или иных вопросов («По всем этим основным направлениям правые... пытаются колебать линию партии... стыдливо пряча... свой оппортунизм»; «Правые... колеблют линию партии по основным вопросам...»; «Правые... вопят... Пусть себе вопят...»; «Ленинскую партию... не заразишь капитулянтскими настроениями»).

Подводя итог сказанному, стоит подчеркнуть: в “Известиях” нет той пропаганды исходящей от правых опасности, которая имеется в “Правде”. Если в “Известиях” все связанное с правыми закончилось полной дискредитацией их линии, то в “Правде” – осуждением их самих и объявлением перспективы дальнейшей борьбы с ними.

4. “Сельскохозяйственная газета”³⁷. Статья в этой газете, издававшейся СНК, имеет много общих черт со всеми исследован-

³⁷ Сельскохозяйственная газета. 1929. 30 апр. С. 1.

ными выше передовыми статьями. В частности, ее вступление очень похоже на вступление “Известий”, а сказанное по поводу правых – на имеющееся в “Правде” и “Бедноте”.

Как уже говорилось, в “Бедноте” много внимания уделяется классовому врагу, вставляющему «палки в колеса социалистического строительства». Правый уклон там – плод непосредственной деятельности классового врага, сопротивляющегося всем объявленным выше в газете начинаниям. Именно для борьбы с ним необходимо устранение уклона. В “Сельскохозяйственной газете” все выглядит точно так же, не считая того, что классовый враг заменен на «колеблющиеся» верхние прослойки рабочих и крестьянства.

“Беднота”

Классовый враг оказывает и будет оказывать давление также и на неустойчивые прослойки партии. Наличие правого уклона в партии является отражением именно этого давления.

“Сельскохозяйственная газета”

Партиконференция особо подчеркнула, что развертывание социалистического строительства связано с сопротивлением капиталистических элементов... Трудности социалистической реконструкции вызывают также колебания верхней части крестьянства..., что находит свое отражение в рядах партии в виде правого уклона.

Видно, что в обоих случаях возникновение правого уклона связывается с настроениями несознательной части населения. В обоих случаях для обозначения происходящего в народной среде и в рядах партии употреблено слово «отражение». Однако, несмотря на видимое сходство, суждения статей о возникновении правого уклона и его сущности весьма различны.

В первом случае появление правого уклона стало результатом давления извне. Правая оппозиция обязана своим появлением исключительно действиям классового врага. Причина, по которой это давление имело успех, – наличие в партии известных «неустойчивых» прослоек. От упомянутого давления классового врага эти прослойки стали «шататься».

Согласно “Сельскохозяйственной газете”, наоборот, уклон не является плодом какого-либо давления извне, он возник совершенно самостоятельно, являясь отражением лишь «колебаний», т.е. независимой, самостоятельной реакции части партии на определенные настроения части крестьянства. Это уже не «неустойчивые прослойки партии», на которые можно оказать давление; речь идет о ее «рядах».

Таким образом, в “Бедноте” правый уклон – плод усилий классового врага, а в “Сельскохозяйственной газете” его образование связано с настроениями и действиями части крестьян и рабочих. Эти последние не имеют с классовым врагом ничего общего: «Трудности социалистической реконструкции вызывают также колебания... верхней части крестьянства».

Последняя фраза указывает на силы, мешающие социалистическому строительству. Следует обратить внимание на используемые здесь слова и выражения. Если капиталистические элементы сопротивляются социалистическому строительству в силу своей классовой природы, то часть крестьян и рабочих, как можно понять из статьи, всецело поддерживает это строительство и лишь обеспокоена его трудностями. И даже в этом последнем случае крестьяне и рабочие лишь «колеблются», а не противостоят курсу партии.

Как и в “Бедноте”, в “Сельскохозяйственной газете” ничего не говорится о действиях самих правых, о сущности их позиции. Указывается лишь, отражением чего их уклон является.

Следующие абзацы в обеих газетах посвящены уже разгрому правых. Однако если в “Бедноте” его причины предельно ясны, то в “Сельскохозяйственной газете”, как следует из сказанного выше, разгром не выглядит вполне обоснованным. В результате в “Сельскохозяйственной газете” обоснование разгрома правых следует после слов о самом разгроме. Это – уникальная черта “Сельскохозяйственной газеты”. Обоснование разгрома было взято авторами уже из чисто теоретической области и самой сущности правых по настоящему не коснулось:

Все выступавшие на партконференции с особым вниманием отнеслись именно к опасности правого уклона, так как для всех было ясно, что наша партия, которая руководит социалистическим строительством, не может допускать в этом отношении никаких колебаний и должна дать решительный отпор всякого рода стремлениям задержать социалистическое строительство и сдвинуть партию с ленинского пути.

Поэтому вполне естественно, что при освещении всех вопросов, и пятилетнего плана..., и борьбы с бюрократизмом..., и чистки партии, все подчеркивали эту главную опасность – правую опасность, и настаивали на ее искоренении.

С самого начала бросается в глаза то, что связующими звеньями здесь выступают выражения «так как», «поэтому вполне естественно».

В отличие от “Бедноты”, в “Сельскохозяйственной газете” влияние различных групп и классов на положение в партии не является непосредственным обоснованием разгрома правых. Надо обратить внимание на то, с чем, согласно “Сельскохозяйственной газете”, должна бороться партия: с колебаниями, «со всякого рода стремлениями задержать социалистическое строительство», со стремлениями сдвинуть партию с «ленинского пути». В головах читателей все эти «колебания и стремления» обязательно должны были ассоциироваться с действиями правых. Однако, как уже говорилось, нигде в статье четко о подобных действиях правых не говорится. Можно сравнить данное положение с имеющимся в других газетах:

“Правда”

...по всем этим основным направлениям правые оппортунисты пытаются колебать линию партии. Стыдливо пряча... свой оппортунизм... Налицо новая оппозиция. Партия подвела... итоги борьбы с правой опасностью.

“Известия”

Конференция признала намеченный путь правильным... Правая... оппозиция, споткнувшаяся..., отступающая..., преувеличивающая... не нашла... поддержки... Система взглядов, идущая вразрез с генеральной линией... была осуждена.

“Беднота”

Классовый враг оказывает давление... на неустойчивые прослойки партии... Борьба с колебаниями партии, с шатаниями отдельных ее прослоек является одним из... условий укрепления боеспособности партии.

Можно видеть, что во всех трех случаях описание разгрома правой оппозиции полностью соответствует предыдущему описанию ее сущности. Что же касается “Сельскохозяйственной газеты”, то о стремлении правых «задержать социалистическое строительство и сдвинуть партию с ленинского пути» нигде до этого четко не говорится. Возможно, по мысли авторов статьи, читатели и без них именно так должны представлять себе действия правых: все-таки сообщения о них, высказывания в их адрес, звучавшие на конференции, появились в прессе достаточно давно. Однако разобранное выше представление уклона как отражения колебаний части крестьян и рабочих сюда все-таки несколько не вписывается: «сдвинуть партию с ленинского пути» они, по крайней мере, не собирались.

Следует еще раз обратить внимание на последний из отрывков, посвященных падению правых. При сравнении с написанным в “Правде” сразу же бросается в глаза внешнее сходство текстов: в

обоих случаях применительно к правым употребляются такие слова и выражения, как «колебания», «опасность», «основные вопросы»:

“Правда”

По всем этим основным вопросам правые оппортунисты колеблют линию партии... Правые оппортунисты колеблют линию партии по основным вопросам... (далее их перечисление. – *Н.К.*).

Ленинская партия на своей XVI партконференции подвела первые итоги борьбы с правой опасностью в партии и решительно объявила правому уклону как наиболее опасному... беспощадную борьбу.

“Сельскохозяйственная газета”

...Партия, которая руководит... строительством, не может допускать в этом отношении никаких колебаний и должна дать отпор всякого рода стремлениям задерживать... строительство и сдвинуть партию...

При освещении всех вопросов и пятилетнего плана... и чистки партии все подчеркивали эту главную опасность – правую опасность и настаивали на ее искоренении.

Что касается «колебаний», то об этом уже много говорилось выше. В “Правде” четко сказано о «колебаниях линии партии» правыми. В “Сельскохозяйственной газете” прямо об этом нигде не сказано. Слово «колебания» применяется тут в связи с действиями уже собственно партии, а не правых.

В обоих случаях в связи с упоминанием правых идет перечисление основных вопросов социалистического строительства: в “Правде” – через большое количество упоминаний о них, в “Сельскохозяйственной газете” – через определенные стилистические приемы (повторяющийся союз «и»). Из прочитанного в начале статей читатель уже был осведомлен об этих основных вопросах, и в дополнительном их перечислении, а тем более двойном, не нуждался. Таким образом, цель всего этого состояла только в привлечении внимания к проблеме правого уклона и смыслу его разгрома на конференции. Однако, несмотря на общность проблемы, цели данного перечисления для “Правды” и “Сельскохозяйственной газеты” несколько различны. В “Правде” упомянутые фразы читаются посреди разговора о сущности правых, а в “Сельскохозяйственной газете” – посреди разговора о действиях партии применительно к правым. Следовательно, если задачей “Правды” было изображение отрицательной сущности правого уклона, то основной целью “Сельскохозяйственной газеты” являлось верное истолкование читателями действий партии и дальнейшее неприятие ими в своей деятельности всего оппортунистического.

Следует остановиться на используемых в обеих газетах случаях словах «опасный» и «опасность». Понятие «правая опасность» характеризует правый уклон в обоих случаях, однако надо обратить внимание на то, в каком контексте оно встречается. В «Правде» относительно правого уклона и его опасности дважды говорится о неких уже примененных санкциях, об уже законченных действиях³⁸. Несколько иную картину можно наблюдать в «Сельскохозяйственной газете»: все выступавшие на партконференции «с особым вниманием отнеслись... к опасности правого уклона», «настаивали на ее искоренении», «подчеркивали... главную опасность».

Бросается в глаза то, что речь в «Сельскохозяйственной газете» идет не о непосредственной расправе над правыми и не о планах расправы над ними в будущем, а только об указании на конференции на опасность их уклона. Другими словами, если в «Правде» выступавшие на конференции говорили о борьбе с «правой опасностью», о ее новом этапе, то в «Сельскохозяйственной газете» они еще только указывали на наличие этой опасности и на необходимость применения решительных мер в ее отношении³⁹.

5. «Торгово-промышленная газета»⁴⁰. Если до сих пор рассматривались газеты только ЦК, СНК и ВЦИКа, то дальше речь пойдет о газетах других государственных органов: ВСНХ, Совета труда и обороны. Эти газеты, в силу их специфики, имеют ряд принципиальных отличий. Первой будет рассматриваться «Торгово-промышленная газета», издававшаяся ВСНХ. Для лучшего по-

³⁸ Следует отметить некоторую нелогичность написанного в «Правде»: «Ленинская партия подвела первые итоги борьбы с правой опасностью и решительно объявила правому уклону... как наиболее опасному... беспощадную борьбу». Получается, что партия объявила борьбу и определила опасность противника уже после того, как какое-то время вела успешную борьбу с ним. Данную нелогичность можно объяснить лишь тем, что авторы статьи всячески старались подчеркнуть решительные действия партии в достаточно длительные промежутки времени, а также верное и, одновременно, вовремя сделанное утверждение об опасности уклона.

³⁹ В «Сельскохозяйственной газете» данное положение представлено в несколько утрированной форме. Настаивание на чем-либо предполагает, скорее всего, некий спор, доказательство чего-либо в форме дискуссий. Однако, если верить статье, настаивали на конференции все выступавшие, хотя в этом случае с ними просто некому было спорить.

⁴⁰ Торгово-промышленная газета. 1929. 30 апр. С. 1.

нимания специфики данной газеты имеет смысл сначала привести основные положения, связанные с правыми, в виде трех таблиц:

Таблица 2. В чем обвиняют правых

“Правда”	“Беднота”	“Сельскохозяйственная газета”	“Известия”	“Торгово-промышленная газета”
Создание оппозиции, колебания линии партии по всем направлениям.	Колебания и шатания в партии из-за давления со-противляющегося классового врага. (Непосредственно о самостоятельных действиях правых не говорится).	Стремление задержать социалистическое строительство и сдвинуть партию с ленинского пути (о конкретных действиях не говорится).	Спотыкание на трудностях, отступление перед кулаком, привлечение сил классового врага.	I. Наступление на партию (в целом, без указаний конкретных действий правых); II. Сознательное искажение истины; III. Невидение трудностей, видимых партией.

Таблица 3. Контекст обвинения правых

“Правда”	“Беднота”	“Сельскохозяйственная газета”	“Известия”	“Торгово-промышленная газета”
После указания на основные направления работы конференции. После этого самостоятельным абзацем.	После указания на давление классового врага и при указании на необходимость борьбы с шатаниями в партии.	При объяснении причин необходимости борьбы с правыми.	1) в контексте признания реальности намеченного конференции пути; 2) более узко – в контексте свидетельства о разоблачении на конференции правых.	1) в контексте преемственности XV съезда и партконференции; 2) в контексте разъяснения задач политики в деревне; 3) в контексте разъяснения задач промышленного строительства.

Таблица 4. Временные характеристики разгрома правых

“Правда”	“Бедно-та”	“Сельскохо-зяйственная газета”	“Извес-тия”	“Торгово-промышленная газета”
1) Правый уклон на конференции; 2) Успешная борьба против правых велась до конференции.	Правые разгромлены на конференции. Провозглашена необходимость борьбы с ними.	Правый уклон объявлен на конференции опасным.	Правые не получили поддержки на конференции, как и перед этим на пленуме ЦК.	1) Все решения конференции (и связанные с правыми тоже) вытекают из решения XV съезда; 2) Важнейшие идеи правых были дискредитированы именно на конференции.

Итак, наибольшей оригинальностью отличаются в “Торгово-промышленной газете” характеристики, связанные с временем разгрома правых. Здесь мы впервые сталкиваемся с утверждением о сильном, основополагающем влиянии на решения партконференции решений XV партсъезда, которое и обусловило разгром правых на партконференции. Так, уже в самом начале статьи мы встречаем упоминания о съезде: «Историческое значение XVI все-союзной партконференции заключается в том, что она завершает тот поворот, который определил XV партсъезд. Связь между XV съездом и XVI партконференцией совершенно наглядна. Два основных вопроса, стоявшие перед партконференцией, – вопрос о пятилетнем плане и о путях развития сельского хозяйства – были, в основных контурах, решены еще съездом». Апелляция к более раннему периоду борьбы с правыми присутствует также в “Правде” и “Известиях”, однако там выступления к передовым статьям посвящены все-таки партконференции, а никак не партсъезду:

Выступление в “Правде”

Главнейшая задача окончившей вчера свои работы XVI партконференции в том, чтобы на начальном этапе социалистической реконструкции, в котором мы сейчас находимся..., четко формировать... условия... продвижения вперед. Решающая задача конференции заключается в том, чтобы мобилизовать всю партию вокруг... строительства и сплотить ее на ленинской программе строительства.

Выступление в “Известиях”

Вчера закончилась XVI... партконференция... В порядке дня конференции стояли доклады о пятилетнем плане..., о борьбе с бюрократизмом...

Сравнивая выступления этих трех газет, можно видеть, что в “Правде” и “Известиях” партконференции отводится решающая, совершенно самостоятельная роль, в то время как в “Торгово-промышленной газете” на первом месте стоит упоминание о преемственности решений конференции и съезда. Именно эта преемственность, как можно понять, и определяет историческое значение конференции. В “Правде” и “Известиях”, напротив, самостоятельность конференции подчеркивают такие слова, как «вчера закончилась», «главнейшая задача».

Анализируя дальнейшее содержание статей, можно заметить, что “Правду” и “Торгово-промышленную газету” объединяют противоречия, связанные со временем.

Первое из противоречий заключается в двойственности указания на связанные с правыми итоги партконференции. Второе – с неприятием ключевых идей правых. Это неприятие, следует заметить, относится исключительно к апрельской конференции. Что касается “Известий”, то там, в силу общего контекста статьи, никакого противоречия не наблюдается.

“Правда”

“Торгово-промышленная газета”

Ленинская партия на своей XVI партконференции подвела первые итоги борьбы с правой опасностью... и объявила правому уклону как наиболее опасному в нынешний период беспощадную борьбу.

Многие думали, что XV съезд... явился только завершением борьбы с троцкизмом. Но... выяснилось, что съезд становится исходным моментом... наступления справа. <...>

XVI партконференция, приняв решения, целиком и полностью вытекающие из решений XV съезда партии, дополняющие и развивающие их, завершает важный этап борьбы, подтверждая правильность политики Центрального Комитета партии...

Можно сразу заметить, что в “Правде” отсутствует та преемственность решений, которую мы наблюдаем в “Торгово-промышленной газете”, хотя момент обращения к прошлому борьбы с правыми присутствует в обоих случаях. Главное отличие, ключевое для восприятия двух этих отрывков, кроется в масштабности, значимости апелляции к прошлому этой борьбы, и соответственно, в степени значимости мероприятий настоящего, т.е. собственно партконференции.

В “Торгово-промышленной газете” обращают на себя внимание такие выражения, как «завершение борьбы», «исходный момент наступления», «завершение важного этапа борьбы». Все это ставит

борьбу с правым уклоном в достаточно строгие временные рамки. При этом партконференция не является основой этой борьбы. Борьба, истоки которой уходят к XV съезду, остается в прошлом. Решения конференции определяются как «целиком и полностью вытекающие из решений... съезда, дополняющие и развивающие их». В “Правде” временные характеристики совсем другие. Ни о каких этапах борьбы с правыми там не говорится. Если в “Торгово-промышленной газете” конференция завершает важный этап борьбы, то в “Правде” она только подводит первые итоги.

Перейдем к имеющим место в статьях противоречиям. О противоречии в статье “Правды” было уже сказано выше. Что касается “Торгово-промышленной газеты”, то, если решения конференции целиком и полностью, как было сказано, вытекают из решений партсъезда, вряд ли они могут быть сильно развиты и дополнены в связи с требованиями времени, политической и экономической конъюнктуры.

Чтобы выявить истоки этих противоречий, следует обратить внимание на расставленные в статьях смысловые акценты. Другими словами, следует уточнить, что в этих фразах является главным, а что – вытекает из этого главного. В “Правде” основным является объявление беспощадной борьбы с правыми; в “Торгово-промышленной газете” – то, что решения конференции полностью вытекают из решений партсъезда. Таким образом, в “Правде” в большей степени утверждается значимость решений собственно конференции, ее судьбоносный характер.

Говоря о контексте обвинения, следует опять сравнить написанное в “Торгово-промышленной газете” со статьями “Правды” и “Известий”. Остановимся сначала на статьях “Торгово-промышленной газеты” и “Правды”:

“Правда”

По всем этим основным направлениям (о них достаточно подробно говорилось в статье абзацем выше. — *Н.К.*) правые оппортунисты пытаются колебать линию партии... Налицо новая оппозиция.
Правые оппортунисты колеблют линию партии по основным вопросам...

“Торгово-промышленная газета”

...XV съезд партии... явился только завершением борьбы с троцкизмом. Но уже очень скоро выяснилось, что съезд становится исходным моментом нового наступления на партию, наступления справа.

Сравнивая контекст обвинения правых в “Правде” и в “Торгово-промышленной газете”, следует отметить, что во втором случае

говорится только о наступлении правых в целом. Ничего конкретного об их подрывной деятельности не сказано. Кроме того, отрицательная сущность правых несколько растворяется в общем контексте отрывка: в статье достаточно много внимания уделяется уклонам вообще, а также преемственности действий съезда и конференции.

Рассмотрим разоблачение правых по конкретным вопросам:

“Правда”

Теория мирного вранья кулака в социализм полностью разоблачена в результате работы партконференции.

“Торгово-промышленная газета”

Другая смежная идея... господствует в решениях партконференции. Это убеждение в том, что задача построения социализма не может быть решена без упорной классовой борьбы... сосредоточение сил бедняцких и середняцких масс в деревне для отпора кулаку... – все то, что правые пытаются изобразить как “поворот к военному коммунизму”, как “путь к размычке с основными массами крестьянства” – признано на конференции естественным проявлением наступления на капиталистические элементы деревни. И... еще одна идея главенствует во всех решениях партконференции, необходимость мобилизации широких масс для решения задач социалистического строительства. Партия видит трудности борьбы за социализм, те трудности, которых не видят правые, – трудности преодоления классового врага.

Читая данный отрывок в статье “Торгово-промышленной газеты”, с самого начала можно подумать, что о правых говорится только в контексте изложения основных идей партии и при этом сведения о самих правых находятся на втором плане. Так, в начале каждого из абзацев говорится о главенствовавших на конференции идеях. Эти идеи составляют как бы костяк статьи, основу ее структуры. Отсюда и выражения: «Другая смежная идея», «Наконец еще одна идея» и т.д. Идеи эти, как можно понять, относятся исключительно к принятым программам социалистического строительства, а не к правым. Однако при чтении статьи также можно встретить противопоставления взглядов партии и правых. Исходя из этого, можно говорить о наличии в статье как обоснований разоблачения правых, так и собственно обвинений против них.

Остановившись на упомянутом противопоставлении, следует обратить внимание на лексику “Торгово-промышленной газеты”:

правые
пытаются изобразить
не видят трудностей

партия
конференция признает
видят трудности

Похожий момент можно наблюдать в “Известиях”. Здесь партия «признала намеченный путь правильным, а задачи – выполнимыми». Напротив, «правая оппозиция... (здесь авторы статьи для усиления эффекта прибавляют несколько нелестных для правых определений. – *Н.К.*) не нашла на конференции никакой поддержки».

6. Экономическая жизнь⁴¹. Статья “Экономической жизни” наиболее близка по своему содержанию к статье “Торгово-промышленной газеты”. В ней тоже основное внимание уделяется экономическому аспекту. Однако статья “Экономической жизни” отличается от всех разобранных ранее своим изложением вины правых и их разгрома на конференции.

Остановимся на изложении вины правых. Первое из обвинений связано с их политическими позициями, второе – с экономическими идеями. Первое обвинение звучит так: «...со стороны правого уклона в партии делаются попытки спекулировать на этих (связанных с социалистическим строительством. – *Н.К.*) трудностях, ...обосновывая ими необходимость таких зигзагов в политике партии, которые отклоняют ее от ленинской линии». Принятые конференцией меры вполне соответствуют такой деятельности: «Конференция безоговорочно отменила малейшие попытки раздуть трудности, стоящие как перед задачей выполнения пятилетнего плана, так и перед задачами подъема и реконструкции сельского хозяйства, и спекулируя этими трудностями, дискредитировать основные решения партии».

С самого начала следует сравнить упоминания о реакции правых на эти трудности с аналогичными пассажами в других газетах. Так, если верить “Торгово-промышленной газете”, правые этих трудностей не видят; согласно “Известиям” правые на этих трудностях споткнулись и перед ними панически отступают. Для “Сельскохозяйственной газеты”, насколько можно понять, трудности стали причиной колебания правыми линии партии. К этим же самым колебаниям сводится и вина правых в “Правде” и “Бедноте”. Что же касается статьи “Экономической жизни”, то там хоть и говорится о зигзагах в политике, отклоняющих партию от ленин-

⁴¹ Экономическая жизнь. 1929. 30 апр. С. 1.

ской линии, с тремя последними статьями (о колебаниях линии партии), равно как и с двумя первыми, не так много общего.

В статье “Экономической жизни”, как и в “Торгово-промышленной газете”, много внимания уделяется противопоставлению действиям правых чего-либо другого. В “Экономической жизни” это противопоставление изложено гораздо менее компактно. Говоря проще, оно разбросано по всему тексту статьи и составляет весомую ее часть:

Основа нашего хозяйства – это восходящая линия социализма и вытеснение капитализма... От этой основной линии мы не отступим ни на шаг. Мы ни на минуту не приостановим нашего наступления на кулака, так как иначе мы пошли бы против решений XV съезда, пошли бы по пути свертывания генеральной линии ленинизма... Кто этого не понимает, тот зовет назад от XV съезда...

Конференция указала, что партии придется преодолеть ряд серьезных затруднений... Партия и рабочий класс должны, конечно, учесть эти трудности. Однако ни на минуту не следует забывать, что борьба с этими трудностями не должна вести к отходу от той линии, в основе которой лежит высший принцип диктатуры пролетариата.

Обратим также внимание на непосредственный контекст обвинения правых: «Теперь уже и широкие массы рабочих осознают, что без трудностей, без преодоления их настойчивой борьбой нельзя построить социализм». Таким образом, верное понимание названных трудностей широкими массами очень актуально для авторов статьи. Кроме того, для обоснования существующей партийной линии в области «социалистического строительства» впервые используется апелляция к XV партсъезду, чего не было ни в одной из рассмотренных ранее газет⁴².

Особое звучание приобретает и имеющееся в тексте противопоставление: впервые линии правых противопоставляется не партия, а «широкие массы рабочих». При этом, в связи с верным пониманием рабочими ситуации в статье звучат слова: «теперь уже». Из этого выражения можно понять, что авторами статьи отнюдь не скрывается и принимается как должное сложность понимания широкими массами необходимости принятия предлагаемого партией.

⁴² Во избежание недоразумений следует уточнить, что в “Торгово-промышленной газете” апелляция к XV партсъезду имеет место при указании на борьбу партии с правыми. В “Экономической жизни”, напротив, XV партсъезд служит обоснованием экономической политики партии, курса на индустриализацию, а не разгрома правых.

Следует обратить внимание на еще одно имеющееся в статье противопоставление: впервые те, кто противопоставляются линии партии, обозначены местоимением «кто»; все те, кто готовы следовать партийному курсу (и собственно партия и народные массы) – местоимением «мы». Здесь отсутствуют привычные упоминания о партии и правых. Таким образом, мы видим апелляцию к широким массам населения, к каждому из читателей; возможность известного выбора для широких масс допускается.

Что касается самой вины правых, то она, если верить “Экономической жизни”, состоит, во-первых, в спекуляциях на трудностях с целью вызвать недопустимые зигзаги в политике партии и, во-вторых, в попытках дискредитировать ее основные решения. В других газетах подобные обвинения можно свести к какой-либо одной конкретной формулировке. Так, в “Правде”, “Бедноте” и “Сельскохозяйственной газете” правые колеблют линию партии, в “Торгово-промышленной газете” они наступают на партию, в “Известиях”, движимые страхом перед кулаком, они отступают от ленинского курса. Что касается “Экономической жизни”, то это единственная из рассматриваемых газет, где авторы попытались не просто охарактеризовать, но и изложить действия правых, пусть и с крайне негативным оттенком. Так, под «колебания линии партии» можно подвести весьма широкий спектр действий. В рассматриваемой же статье сказано о действиях весьма конкретных: правые ради собственных целей «спекулируют на трудностях» (т.е. пытаются обосновать свою точку зрения посредством изложения определенных фактов) и обосновывают необходимость неприемлемых зигзагов в политике (т.е. предлагают собственную, альтернативную программу).

Обвинение правых в дискредитации линии партии также появляется впервые. В “Экономической жизни” впервые обретает звучание принципиально иной аспект: как действия правых могут отразиться не на курсе партии, а на ее восприятии или на восприятии ее решений широкими массами. Другими словами, здесь впервые заходит речь о том, что правые могут не только, например, навредить экономике, остановив социалистическое строительство, или дать преимущество классовому врагу, но и испортить партии ее имидж.

Перейдем к разоблачению партией этих действий правых. В отличие от других газет, в “Экономической жизни” нет слов об уничтожении или хотя бы о призывах к уничтожению правых как

организации. Даже в “Известиях”, несмотря на упомянутые выше отличия, говорится об полной идейной дискредитации правых. В “Экономической жизни” речь идет исключительно о пресечении конкретных действий: «Конференция отменила малейшую попытку... раздуть трудности». О разоблачении и дискредитации оппозиции как цельной организации в статье нет ни слова. В ней имеется еще одно упоминание о разоблачении правых, связанное с их экономической позицией. Представляется целесообразным сравнить данное упоминание с аналогичными ему в других газетах. Начнем с разоблачения правых по экономическим вопросам:

“Торгово-промышленная газета”

Другая смежная идея равным образом господствует в решениях партконференции. Это убеждение в том, что задача построения социализма не может быть решена без упорной классовой борьбы. Концентрация сил середняцких и бедняцких масс в деревне для отпора кулаку... – все то, что правые пытаются изобразить как “поворот к военному коммунизму”, как “путь к размычке с основными массами крестьянства”, – признано на конференции естественным проявлением социалистического наступления...

“Экономическая жизнь”

Конференция была... единодушна в... оценке правых оппортунистических тенденций. Она указала, что совершенно неправильным является... толкование НЭПа, которое связывает его лишь... с развертыванием рыночных форм связи города и деревни. Такое толкование НЭПа ведет к отказу от регулирования рыночных отношений...

Как уже говорилось, в “Торгово-промышленной газете” изложение позиций партии подкрепляется противопоставлением ее курса курсу правых, что, в свою очередь, дискредитирует последних в глазах читателя. В “Экономической жизни” можно видеть совершенно противоположное. В первую очередь, следует обратить внимание на структуру статьи. Вступлением служит здесь фраза о единодушной оценке участниками конференции идей и действий правых. Весь последующий текст кажется несколько неожиданным: из-за вступительной фразы возникает ощущение, что дальнейший текст будет посвящен разоблачению правых как оппозиции, а не пространному доказательству неполноценности их идей. Подобные доказательства встречаются среди рассматриваемых газет впервые.

Перейдем к употребляемым в статье словам и выражениям. Рассмотрим упоминания о «трудностях»:

“Экономическая жизнь”

“Известия”

“Торгово-промышленная газета”

Теперь уже и широкие массы рабочих сознают, что без трудностей, без преодоления их... нельзя построить социализм. Между тем со стороны правого уклона... делаются попытки спекулировать на этих трудностях... и спекулируя этими трудностями, дискредитировать основные решения партии.

Правая... оппозиция, споткнувшаяся на текущих... трудностях... не нашла на конференции никакой поддержки.

Партия видит трудности.., те трудности, которых не видят правые – трудности преодоления классового врага.

Посмотрим также на упоминания недооценки и переоценки правыми тех или иных вещей:

“Экономическая жизнь”

Такое толкование НЭПа ведет... к недооценке новых форм смычки социалистической промышленности с сельским хозяйством, к недооценке роли совхозов и колхозов и явной, наоборот, переоценке возможности развития... индивидуального хозяйства.

“Известия”

Правая... оппозиция.., преувеличивающая силы врага и недооценивающая силы пролетариата, не нашла на конференции никакой поддержки.

Различаются и упоминания о XV съезде:

“Экономическая жизнь”

Мы ни на минуту не приоткрываем нашего наступления на кулака, так как иначе мы пошли бы против решений XV съезда... <...> Только на этом (выбранном партией. – Н.К.) пути значительно вырастет политическая роль бедноты... Кто этого не понимает, тот зовет назад от XV съезда...

“Торгово-промышленная газета”

Связь между XV партсъездом и XVI партконференцией совершенно наглядна: два основных вопроса, стоявших на партконференции, были разрешены еще съездом... XVI партконференция, приняв решения, целиком и полностью вытекающие из решений XV съезда партии, завершает важный этап борьбы, подтверждая правильность политики ЦК партии, избранным XV съездом...

Сравним также упоминания о партийной линии в “Экономической жизни” и других газетах:

“Экономическая жизнь”	“Правда”	“Известия”	“Торгово-промышленная газета”
Мы ни на минуту не приостанавливаем нашего наступления на кулака, так как иначе мы пошли бы... по пути свертывания <u>генеральной линии</u> <u>ленинизма</u> .	По всем этим... направлениям правые... пытаются колебать <u>линию</u> <u>партии</u> .	[Правые]... даже не осмелились предложить вниманию конференции систему своих взглядов, ибо они знали, что эта система взглядов, идущая <u>вразрез с генеральной линией</u> <u>партии</u> , <u>будет... осуждена...</u>	XVI партконференция завершает этап борьбы..., призывая и впредь вести борьбу против уклонов от <u>ленинской линии</u> .

Остановимся на употреблении в газетах слова «трудности». Что касается “Торгово-промышленной газеты”, то многократное употребление этого слова наверняка связано с необходимостью убедить читателей в неизбежности этих самых трудностей. Другая цель – показать заблуждения, неправоту правых и, соответственно, правильность решений партии. О наличии трудностей упоминается с завидной частотой: три раза подряд в одном предложении. При этом про правых говорится, что они этих трудностей не видят. Все это отнюдь не свидетельствует в пользу знания правыми ситуации, их трезвого мышления.

Говоря о наличии этого понятия в “Экономической жизни”, можно заключить, что, напоминая о трудностях, авторы пытаются показать невозможность следования курсу, предложенному правыми. Так, в двух предложениях о трудностях говорится как о “коньке” правых, используемом ими для доказательства несостоятельности курса партии. Правые здесь, в отличие от описываемых в “Торгово-промышленной газете”, полностью видят трудности и пытаются при этом использовать их в своих целях⁴³.

Остановимся более подробно на упоминании в “Экономической жизни” и “Торгово-промышленной газете” о XV партсъезде. Основной интерес представляет здесь апелляция к съезду при пояснении причин разоблачения правых. В “Торгово-промышленной газете” съезд упоминается в качестве общепризнанного началь-

⁴³ Говоря об упоминании данного понятия в “Экономической жизни”, во избежание недоразумений следует указать на наличие в статье цели, характерной для обеих этих газет: в них прямо указывается на невозможность построения социализма без трудностей. Однако в дальнейшем относительно трудностей цели двух статей расходятся.

го этапа борьбы с правыми. В “Экономической жизни” решения съезда противопоставлены мнению противников стремительного наступления на кулака, т.е. опять-таки правых. В “Экономической жизни” посредством упоминания о съезде доказывается правильность избранного экономического курса, в “Торгово-промышленной газете” съезд служит доказательством необходимости разоблачения правых.

Следующие два понятия, имеющиеся в “Экономической жизни” и “Известиях”, кажутся весьма отличными друг от друга. Однако их сравнение в какой-то степени иллюстрирует те категории, которыми, по замыслу авторов двух статей, должны были мыслить читатели. Как уже говорилось, связанное с правыми в ряде случаев построено на антитезе. Противопоставление, имеющееся в “Известиях”, сводится к таким полярным понятиям, как «классовый враг» и «пролетариат». В “Экономической жизни” – к таким, как «колхозное» и «индивидуальное» хозяйство. Таким образом, написанное в “Известиях” в большей степени ориентировано на мышление читателей в таких плоскостях, как «свои» / «чужие», «свой класс» / «классовый враг». В этом смысле статья “Известий” не так сильно отличается от статей “Правды”, “Бедноты” и “Сельскохозяйственной газеты”, где восприятие читателями происходящего строится преимущественно на тех же образах⁴⁴. Что касается “Экономической жизни”, то правым в одном случае противопоставлены широкие массы рабочих⁴⁵, однако сам факт наличия здесь и другого, чисто “экономического” противопоставления, уже говорит о многом.

Сведения о деятельности партактивов

В советских газетах освещались заседания парторганизаций различных районов, заводов, городов, посвященные решениям партконференции, говорилось о ходе заседаний и о принятых резолюциях. Содержание последних сводилось к единодушной поддержке участниками заседаний решений партконференции.

⁴⁴ Единственным отличием “Правды”, в силу ее специфики, будет замена образа рабочего класса на образ партии, а образа кулака – на образ партийных отщепенцев, т.е. правых.

⁴⁵ Интересно, что здесь ничего не говорится о понимании происходящего крестьянами или их «пролетарской частью», хотя поднимаемые конференцией проблемы актуальны для них, как ни для кого другого. В других газетах, где упоминается о реакции широких масс (“Сельскохозяйственная газета”, “Беднота”), этот аспект достаточно проработан.

На первый взгляд, изложенное по данному поводу выглядит в целом одинаково: почти во всех статьях кратко или более развернуто говорится о ходе заседания, затем полностью или частично излагается или хотя бы упоминается принятая резолюция. Однако в каждом конкретном случае опускаются или, наоборот, выпячиваются какие-то как будто незначительные детали; каждая из статей создает у читателя собственное, непохожее на другие впечатление, несет собственную эмоциональную нагрузку. К специфическим чертам различных газет относятся: выбор конкретного отрывка резолюции, степень детализации в описании хода заседания, выбор фразы для передачи его общей сути. Большое значение имеют названия статей, рубрики, в которые они помещены, место, отводимое статьям в каждой газете.

1. Статьи о заседаниях Московского и Ленинградского партактивов в “Правде” и в “Известиях”⁴⁶. Начать следует с первой группы особенностей, а именно с освещения хода заседаний. Рассмотрим вначале статьи, посвященные заседаниям московского партактива. Здесь передается общая суть выступлений присутствовавших. Она, естественно, сводится к полному одобрению решений Всесоюзной партконференции.

Однако с самых первых абзацев начинаются различия. Так, в “Известиях” указывается только на согласие присутствовавших с решениями партконференции. В “Правде” же вначале говорится об обсуждениях, т.е. делается упор на саму суть «самостоятельного» обсуждения на местном уровне.

Согласно “Правде”, выступавшие на заседании московского партактива «главным образом останавливались на пятилетнем плане и социальной реконструкции сельского хозяйства». «Полное идейное и организационное разрушение правого уклона», – говорили ораторы, – является основным условием выполнения плана. В “Известиях” сообщается, что выступавшие «отметили правильность решений XVI Всесоюзной партконференции».

На первый взгляд, в “Правде” имеет место некоторое несоответствие. Если вначале говорится о том, что на конференции главным образом обсуждались пятилетний план и социалистическая реконструкция сельского хозяйства, то следующая за этим цитата посвящена непосредственно правому уклону логично было бы поместить под первым абзацем цитату, посвященную тому, о чем в

⁴⁶ Известия. 1929. 9 мая. С. 3; Правда. 1929. 9 мая. С. 3.

нем сказано – о развитии сельского хозяйства или о пятилетнем плане.

Однако некая общность, логическая связь между первым и вторым абзацами в “Правде” все же присутствует: выступавшие «главным образом останавливались на пятилетнем плане (подчеркнуто мною. – *Н.К.*)». «Полное идейное и организационное разрушение правого уклона... является основным условием выполнения плана». В результате получается, что основной стержень обсуждения – это как раз разоблачение правого уклона.

Много внимания уделяется в статьях деятельности ленинградского партактива и выступлению перед партактивом С.М. Кирова. С самого начала бросается в глаза то, что статьи различны в отношении пропорций этих двух частей. В “Правде” основу отрывка из выступления Кирова составляет часть, посвященная самокритике и борьбе с бюрократизмом. Последние же во всех статьях прямо или косвенно связываются именно с борьбой против правого уклона. В “Известиях” по большей части цитируются слова о социалистическом строительстве, т.е. по вопросу, который непосредственного отношения к борьбе с правым уклоном не имеет.

Наконец, следует упомянуть о названиях рассмотренных статей. В целом они подтверждают все приведенные выше различия и больше самого текста говорят об основных целях написания этих статей. Можно даже сказать, что для установления всех этих различий достаточно было взглянуть на названия двух статей:

“Правда”

Полностью преодолеть правый уклон – главная задача внутривнутрипартийной политики

“Известия”

Полностью одобряем решения партконференции

2. Оформление резолюции Московского партактива в “Правде” и “Бедноте”⁴⁷. Оформление данной статьи в “Правде” и “Бедноте” очень похоже. Так, в обоих случаях за напечатанным крупными буквами названием следует подзаголовок, состоящий из нескольких набранных жирным шрифтом пространных фраз. Последние отражают основные цели и мысли статьи. Однако сами эти подзаголовки, как и названия, различны. Именно сходное оформление этих статей, с одной стороны, и существование круп-

⁴⁷ Правда. 1929. 9 мая. С. 3; Беднота. 1929. 12 мая. С. 2.

ных внутренних различий – с другой, обуславливают необходимость их детального сравнения.

В обоих подзаголовках содержится информация о разгроме правой оппозиции на всесоюзной партконференции. Однако в “Бедноте” присутствует некий призыв к действию на основе свершившегося события – принятия конференцией определенных решений. В “Правде” никаких призывов нет, и вещи, о которых идет речь, представлены как данность. Как и во многих других случаях, здесь подобными предложениями передается факт уже имеющегося полного единодушия.

“Беднота”

На основе решения... партконференции организовать...силу масс для отпора классовому врагу, для осуществления планов социалистического строительства.

До конца разоблачать правый уклон и решительно преодолевать его в практической работе.

“Правда”

Партийный актив... организаций ВКП(б) единодушно одобряет... решения... партконференции... – Наша партия, закаленная в многолетней борьбе с оппортунистами, будет и дальше разоблачать политику правой оппозиции.

Более важным вопросом является здесь то, о каких собственно решениях партконференции идет речь. В “Бедноте” указывается на такие решения, как «отпор классовому врагу», т.е. кулаку, и «план социалистического строительства». О разоблачении правых говорится здесь отдельно, в следующем предложении; решение о разоблачении правых стоит здесь несколько особняком.

В “Правде” разоблачение правых, наоборот, выглядит как главное и единственное решение партконференции. Насколько можно понять, местные парторганизации будут следовать именно этому решению, и только ему. К такому выводу можно прийти, проанализировав, во-первых, построение этих двух предложений, и, во-вторых, употребляемые слова. Тире между предложениями выглядит как некая логическая связка, а слова «партактив» и «наша партия» выглядят здесь почти как синонимы (первое является частью второго).

В “Бедноте” слова «до конца разоблачать правый уклон» составляют не только отдельное предложение, но и отдельный абзац. С одной стороны, это говорит о значимости данного решения, с другой – подтверждает выводы, сделанные выше: данное решение представляет собой лишь одно из группы, самостоятельное и независимое. Таким образом, под решениями партконференции тут

могут подразумеваться все ее решения, без преимущества какого-либо одного из них – например, связанного с правым уклоном.

* * *

В заключение следует сделать выводы о целях написания каждой из рассмотренных статей. Все они содержат в себе сведения о разгроме правых. Однако говорится о разгроме по-разному, в зависимости от поставленных авторами целей.

В “Правде” целью является доказательство невозможности нормальной деятельности партии в условиях существования правого уклона. На первое место в статье выходит политический аспект. Правый уклон должен был восприниматься читателями как нечто абсолютно противоположное партии, вносившее раскол в ее ряды.

В “Бедноте” основной упор делается на освещение «кулацкого» происхождения правого уклона. Целью статьи было провозглашение необходимости борьбы с правыми как с пособниками классового врага.

Задачей “Известий” было указание на правильность подтвержденного конференцией пути развития страны. Обоснование этой правильности имеет два аспекта. Первый из них связан с идеями правых, второй – с курсом партии. В статье доказывается полная несостоятельность упомянутых идей, ввиду отступления правых перед имеющимися трудностями. С другой стороны, действия правых противопоставляются действиям и решениям партии, выступающей в статье как главный ориентир для широких масс.

В задачи “Сельскохозяйственной газеты” входило указание на опасность правого уклона и отсутствие в этом случае альтернативы курсу партии.

В передовой статье “Торгово-промышленной газеты” партия противопоставляется правым. Однако, в отличие от других газет, противопоставление переносится в экономическую область. Целью статьи является указание на полную несостоятельность правых в сфере стоящих перед государством экономических задач, отсутствие у них таланта предвидеть. Об оппортунизме правых в статье говорится очень обобщенно. Так, если в “Правде” выделение оппортунистической сущности правых является главной целью, то “Торгово-промышленная газета” ограничилась “исторической параллелью” между левым и правым уклонами.

Целью передовой статьи “Экономической жизни” было доказательство отсутствия альтернативы выбранному партией экономи-

ческому курсу. В статье с чисто экономических позиций разоблачаются идеи правых.

Что касается описаний деятельности партактивов, то здесь можно выделить два принципиально разных подхода. Главной целью рассмотренных статей “Правды” была полная дискредитация в глазах широких масс правого уклона. Именно это обусловило их структуру, оформление и направленность. Задачей “Правды” было показать абсолютный разгром и критику правых на всех уровнях. Авторы статей других газет, “Бедноты” и “Известий”, видели свою главную задачу в указании на принятие и одобрение массами абсолютно всех идей XVI партконференции.

Приложение. Статьи советских газет о правом уклоне за апрель—май 1929 г.

Ниже приводится текст публикаций, посвященных разгрому правого уклона, появившихся в советских газетах в апреле—мае 1929 г., о которых идет речь в настоящей статье. Тексты даются с некоторыми сокращениями, которые обозначены знаком <...>. В случае пропуска значительных фрагментов, их содержание кратко пересказывается курсивом в угловых скобках. Все выделения принадлежат авторам статей.

П Р А В Д А

1929. 30 апр. С. 1.

С удесятеренными силами за социалистическую стройку!

Главнейшая задача окончившей вчера свои работы XVI всесоюзной партконференции заключается в том, чтобы на начальном этапе социалистической реконструкции, в котором мы находимся, выявить трудности и чётко сформулировать конкретные задачи и условия наиболее успешного продвижения вперёд. Решающая задача конференции заключалась в том, чтобы мобилизовать всю партию <...> вокруг очередных задач строительства и сплотить её на ленинской программе строительства.

<Далее несколько абзацев об индустриализации и основных направлениях социалистического строительства: коллективизации, чистке и т.д.>

По всем этим основным направлениям правые оппортунисты пытаются колебать линию партии. Стыдливо пряча... свой оппортунизм <...> Налицо **новая оппозиция.**

Правые оппортунисты колеблют линию партии по основным вопросам *<далее повторное перечисление основных направлений социалистического строительства>*.

Ленинская партия на своей XVI партконференции подвела первые итоги борьбы с правой опасностью в партии и решительно объявила правому уклону, как наиболее опасному в нынешний период, беспощадную борьбу.

<...> Теория мирного вращающегося кулака в социализм полностью разоблачена в результате работ XVI партконференции.

<...> На XVI партконференции она (партия. – *Н.К.*), отточив своё оружие, укрепивши пролетарскую дисциплину в своих рядах, ясно установила перспективу социалистического строительства. С громадным единством сплотилась она на генеральной линии вокруг своего ленинского ЦК.

1929. 9 мая. С. 3.

**Полностью преодолеть правый уклон – главнейшая задача
внутрипартийной политики**

Решения XVI партконференции – в массы

Партийный актив крупнейших организаций ВКП(б) единодушно одобряет ленинские решения XVI всесоюзной партконференции и апрельского пленума ЦК. – Наша партия, закалённая в многолетней борьбе с оппортунизмом, будет и дальше по-большевистски разоблачать антиленинскую теорию и политику правой оппозиции.

Актив Московской организации о решениях XVI Всесоюзной партконференции

Вчера в Колонном зале Дома Союзов состоялось собрание московского актива.

Выступавшие в прениях *<далее называются участники прений>* главным образом останавливались на пятилетнем плане народного хозяйства и социалистической реконструкции сельского хозяйства. “Полное идейное и организационное разоружение правого уклона, – говорили ораторы, – является основным условием выполнения плана великих работ, принятого конференцией”.

<Далее приветствие германской компартии и резолюция>

На собрании партактива ленинградской организации

Больше 4000 рабочих активистов Ленинградской партийной организации переполнили Дворец Урицкого. Доклад об итогах XVI

Всесоюзной партийной конференции сделал тов. Киров. Он подробно изложил пятилетний план народного хозяйства СССР. *<Далее о сути пятилетнего плана>* Тов. Киров останавливается на ряде важнейших мероприятий, от успешного разрешения которых зависит выполнение пятилетнего плана. Это – развёртывание самокритики, выковывание новых кадров пролетарской интеллигенции, борьба с бюрократизмом, чистка советского аппарата и др. Сюда также необходимо добавить повышение качества работы профсоюзов, поставив их на боевую ногу, как действительную школу коммунизма.

Тов. Киров даёт подробный разбор программы правого уклона, разоблачая его мелкобуржуазную сущность. “Необходимо как зеницу ока, – заявляет тов. Киров в заключение, – хранить ленинское единство и сплочение партии. Больно, конечно, что у отдельных коммунистов бывают уклоны, спотыкаются даже вожди, но у нас полуторамиллионная ленинская партия, которая должна выдвигать взамен спотыкающихся новые когорты коммунистов, чтобы построить социализм”. Эти слова тов. Кирова вызывают бурное одобрение всего собрания.

<Далее слова о приветствии германской компартии и резолюция>

Б Е Д Н О Т А

1929. 30 апр. С. 1.

Вперёд, к социалистическому переустройству деревни

Решения XVI всесоюзной партконференции по вопросам деревни войдут в историю нашего строительства одной из крупнейших вех. Решения эти знаменуют собой новый, огромный шаг вперёд в деле коренного социалистического переустройства сельского хозяйства.

<Далее – об индустриализации, пятилетке, коллективизации>

План нашего строительства – план великих работ, связанных с **социалистическим наступлением на классового врага**. Вот почему успехи социалистического строительства будут находиться в зависимости от того, насколько **твёрдо, решительно и настойчиво** мы будем давать отпор всем попыткам классового подрывать наше дело, **вставляя палки в колёса социалистического строительства** <...>

Классовый враг оказывает и будет оказывать известное давление также и на **неустойчивые прослойки** партии, как это наблю-

дается сейчас. Наличие правого уклона в партии является отражением именно этого давления со стороны враждебной стихии на пролетарскую диктатуру. Борьба с колебаниями партии, с шатаниями отдельных её прослоек, борьба с правой оппозицией, решительное преодоление правого уклона является одним из **непременных условий укрепления боеспособности партии для успешного осуществления задач социалистического наступления.** <Далее о чистке, о сельскохозяйственных работах и т.д.>

Повышением качества работы мы можем обеспечить гораздо большие результаты <...>

1929. 12 мая. С. 2.

На страже ленинской линии партии

На основе решений 16-й партконференции организовать творческую силу масс для отпора классовому врагу, для осуществления плана социалистического строительства.

До конца разоблачать правый уклон и решительно преодолевать его в практической работе.

Вся партия полностью и безоговорочно одобряет решения партконференции. <...>

ИЗВЕСТИЯ

1929. 30 апр. С. 1.

Путь намечен

Вчера закончилась XVI всесоюзная партконференция ВКП(б). В порядке дня стояли доклады о пятилетнем плане развития народного хозяйства, о путях подъёма сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка, о борьбе с бюрократизмом и, наконец, о чистке партии.

<Далее -- о коллективизации, индустриализации, чистке партии>

<...> Конференция признала намеченный путь правильным, и поставленные <...> задачи выполнимыми. Правая оппортунистическая оппозиция, споткнувшаяся на текущих хозяйственных трудностях, панически отступающая перед кулаком, преувеличивающая силы врага и недооценивающая силы пролетариата, не нашла на конференции никакой поддержки. Её представители даже не осмелились предложить вниманию конференции систему своих взглядов, ибо они знали, что эта система взглядов, идущая вразрез с генеральной линией партии, будет конференцией также

решительно осуждена, как она была осуждена пленумом Центрального Комитета <...>

Конференция продемонстрировала единство ленинской партии, она заявила, что несмотря на трудности <...> большевики поведут рабочий класс к новым победам, к социализму.

1929. 9 мая. С. 3.

Полностью одобряем решения XVI Всесоюзной партконференции

Вчера в Колонном зале Дома Союзов состоялось собрание актива Московской организации ВКП(б)...

Выступавшие в прениях *<далее называются участники прений>* отметили правильность решений XVI Всесоюзной партконференции.

Ленинградский партактив об итогах XVI Всесоюзной партконференции

Ленинград, 8 мая. Сегодня во Дворце Урицкого состоялось собрание Ленинградского партийного актива. Доклад *<далее название доклада>* сделал тов. Киров. Докладчик подробно остановился на двух главных решающих вопросах – пятилетнем плане нашего строительства, и плане развития сельского хозяйства.

“Пятилетний план мы справедливо называли планом великих работ, – говорит тов. Киров. – Он содержит в себе программу подлинного реального социалистического строительства. У части товарищей есть сомнения <...> – нельзя ли двигаться не таким бешеным темпом. Но темп диктует вся та обстановка, в которой мы находимся *<далее – о сути пятилетнего плана>*”

Заключительную часть доклада тов. Киров посвятил выяснению сущности правого уклона партии. *<Далее – о сущности правого уклона>*

Тов. Киров заканчивает свой доклад призывом к единству партийных рядов. “Велики наши достижения, но велики и трудности, они будут и в историческом завтра. В этот момент единство партии и чистота её рядов необходимее чем когда-либо”.

Заключительные слова докладчика покрываются бурными аплодисментами.

<Далее слова принятия резолюции>

1929. 30 апр. С. 1.

Передовая статья (без названия)

Историческое значение XVI партконференции заключается в том, что она завершает собою тот поворот, который определил XV партсъезд. Связь между XV партсъездом и XVI партконференцией совершенно наглядна: два основных вопроса, стоявших на партконференции – вопрос о пятилетнем плане развития народного хозяйства и вопрос о путях развития сельского хозяйства – были в главных контурах разрешены ещё съездом.

<Далее – о сельском хозяйстве и индустриализации>

Не будет преувеличением сказать, что XV съезд партии открыл новую страницу в нашем развитии к социализму, что им отмечен довольно крутой поворот <...> Многие думали, что XV съезд явится и явился только завершением борьбы с троцкизмом. Но уже очень скоро выяснилось, что съезд становится исходным моментом нового наступления на партию, наступления справа.

<...> XVI партконференция, приняв решения, целиком и полностью вытекающие из XV съезда партии, дополняющие и развивающие их, завершают важный этап борьбы, подтверждая правильность политики ЦК партии, избранного XV съездом и призывая партию вести и впредь борьбу против уклонов от ленинской линии, прежде всего против правого, явно оппортунистического уклона.

<Далее – о борьбе с бюрократией и чистке>

Другая смежная идея решительным образом господствует в решениях партконференции. Это убеждение в том, что задача построения социализма не может быть решена без упорной классовой борьбы <...> Сосредоточение сил бедняцких и середняцких масс в деревне для отпора кулаку, его враждебной работе – всё то, что правые пытаются изобразить как “поворот к военному коммунизму”, как “путь к размычке с основными массами крестьянства” – признано на конференции естественным проявлением социалистического наступления на капиталистические элементы деревни.

И наконец ещё одна идея главенствует во всех решениях партконференции, необходимость **мобилизации широких масс** для решения <...> задач социалистического строительства. Партия видит трудности борьбы за социализм, те трудности, которых не видят правые – трудности преодоления классового врага; партия не

верит **слащавым побасенкам** о мирном вращении кулака в социализм *<Далее – о социалистическом соревновании>*

Гражданский прорыв к победе над трудностями <...> дал результаты <...> Партия ждёт, что дальнейшее развитие социалистического соревнования вскроет ещё более могущественные творческие силы, которые победят временные трудности. Тот шаг к социализму, который в пятилетнем плане намечен, в действительности окажется больше, и мы ближе подойдем к социализму, чем рассчитывали сейчас.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ГАЗЕТА

1929. 30 апр. С. 1.

За выполнение решений партконференции

Решения XVI всесоюзной партконференции важны для нашего дальнейшего социалистического строительства. Приняты решения по вопросам о пятилетнем плане развития народного хозяйства, о подъёме сельского хозяйства, чистке партии...

Проведение в жизнь всех принятых решений требует **чётко выдержанной классовой линии**. Взвесить силы, определить расстановку этих сил... это то, что нужно для дальнейшей успешной работы.

<Далее – о трудностях и единственном, через мобилизацию масс, пути их преодоления>

Партконференция особо подчеркнула, что развёртывание социалистического строительства неизбежно связывается с сопротивлением капиталистических элементов, как в городе, так и в деревне (нэпман, кулак). Так как вытесняемые из различных областей народохозяйственной жизни они, сопротивляясь, обостряют классовую борьбу.

Трудности периода социалистической реконструкции вызывают также **колебания верхушечной части крестьянства**, некоторых прослоек рабочего класса, что находит своё отражение в рядах нашей партии в виде **правого уклона**. Все выступавшие на партконференции с особым вниманием отнеслись именно к **опасности правого уклона**, так как для всех было ясно, что наша партия, которая руководит социалистическим строительством, **не может допускать в этом отношении никаких колебаний и должна дать <...> отпор всякого рода стремлениям задержать социалистическое строительство** и сдвинуть партию с ленинского пути.

Поэтому вполне естественно, что при освещении всех вопросов и пятилетнего плана, и подъёма сельского хозяйства, и борьбы с

бюрократизмом... все подчёркивали эту главную опасность – правую опасность, и настаивали на её искоренении.

Только беспощадный отпор – говорит партконференция, – всяким колебаниям в проведении большевистской линии... может обеспечить разрешение поставленных пятилетним планом задач... Перед партией, всеми советскими <...> организациями и перед всей страной стоят задачи неуклонного <...> проведения в жизнь принятых решений.

Ни одного промедления при развёртывании этой работы. Все силы должны быть мобилизованы на это <...> К осуществлению принятых решений нужно приступить по всей линии, как в центре, так и на местах. Борясь за осуществление этих решений, мы преодолеем имеющиеся трудности, мы добьёмся дальнейшего подъёма <...> и развёртывания социалистического строительства во всех областях.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

1929. 30 апр. С. 1.

К итогам XVI партконференции

Закончившая вчера свои работы XVI всесоюзная партконференция наметила и указала пути по основным вопросам социалистического строительства, охватывающего развитие страны в пятилетней перспективе, по вопросам подъёма сельского хозяйства, по вопросам, связанным с <...> отношениями классов внутри страны, по вопросам приспособления всего государственного, хозяйственного и партийного аппарата к задачам реконструкционного периода.

<...> **Основы нашего хозяйства – это восходящая линия социализма и вытеснения капитализма в условиях новой экономической политики.** От этой основной линии мы не отступим ни на шаг. Мы ни на минуту не приостанавливаем нашего наступления на кулака, так как иначе мы пошли бы против решений XV съезда, пошли бы по пути свёртывания генеральной линии ленинизма. **На нынешней стадии нашего хозяйственного развития укрепление союза со средняком требует более успешного производственного кооперирования и колхозного строительства, более интенсивного развития производственных форм смычки <...> и более систематической борьбы с кулаком.** Только на этом пути значительно вырастает политическая роль бедноты <...> Кто этого не понимает, тот зовёт назад от XV съезда, тот не понимает и сущности задач, которые органически выросли из всего

развития нашего хозяйства <...> Конференция во всей полноте поставила перед рабочим классом вопрос о необходимости преодоления неизбежных трудностей в противовес политике капитуляции перед ними <Далее – о необходимости индустриализации>

Теперь уже и широкие массы рабочих сознают, что без трудностей, без преодоления их классовой борьбой нельзя построить социализм. Это сознание выразилось <...> и в бурном развитии социалистического соревнования. Между тем со стороны правого уклона в партии делаются попытки спекулировать на этих трудностях социалистического строительства, обосновывая ими необходимость таких зигзагов в политике партии, которые отклоняют её от ленинской линии. Конференция безоговорочно отменила малейшую попытку тенденциозно раздувать трудности, стоящие как перед задачей выполнения пятилетнего плана, так и перед задачами подъёма и реконструкции сельского хозяйства и, спекулируя этими трудностями, дискредитировать основные решения партии.

Конференция была совершенно единодушна в своей оценке правых оппортунистических тенденций. Она указала, что совершенно неправильным является на нынешней стадии такое толкование НЭПа, которое связывает его лишь с нормализацией... товарооборота, а также развёртыванием лишь рыночных форм связи города и деревни. **Такое толкование НЭПа ведёт на деле к отказу от регулирования рыночных отношений <...> к недооценке новых форм смычки социалистической промышленности с сельским хозяйством, к недооценке роли совхозов и колхозов, к <...> переоценке возможностей развития мелкого индивидуального хозяйства <...>**

Конференция указала, что партии приходится преодолевать ряд серьёзных затруднений <...> Партия и рабочий класс должны учесть эти трудности. Однако ни на минуту не следует забывать, что борьба с этими трудностями не должна вести к отходу от той линии, в основе которой лежит высший принцип диктатуры пролетариата.

Конференция закрылась. Она дала огромную встряску мысли и энергии <...> Она уточнила и углубила директивы по важнейшим вопросам нашей работы. И мы глубоко убеждены, что широчайшая мобилизация на этой основе трудящихся масс даст возможность наверстать упущенное и быстро пойти вперёд...

М.В. Ромашова

Журнал “Работница” как источник по истории советского детства (1945–1953 гг.)*

История детства – одно из перспективных направлений современной гуманитарной науки. Особый интерес представляет рассмотрение детства эпохи сталинизма (1929–1953), когда оно оказалось в центре государственных экспериментов по воспитанию “нового” человека. Этот феномен в последнее десятилетие привлекал внимание как российских, так и зарубежных исследователей¹. Но, в отличие от 1930-х годов, время позднего сталинизма осталось вне поля зрения большинства историков детства. Лишь в некоторых работах затронуты проблемы образования и социальной защиты детей в этот период².

Послевоенные годы, на первый взгляд, не изменили специфики советского детства, а скорее закрепили те трансформации, которые произошли ранее. Однако значимость этого времени для истории детства неоспорима, если рассматривать ее в контексте зарождавшихся норм и ценностей “оттепели”. Противоречивость времени отражалась в самостоятельных поисках детьми и подростками индивидуальной и коллективной идентичностей, а не только в безоговорочном усвоении идеологических установок.

Трудность, однако, представляет поиск источников, способных адекватно отразить те или иные аспекты детства. Поэтому одной

* Статья написана при поддержке Gerda Henkel Stiftung, Dusseldorf, AZ 22/SR/06 “Childhood and Stalinism: Soviet projects and practices of 1945–1953”. Также искренне благодарю Г.А. Янковскую за ценные советы и замечания.

¹ См., например: *Журавлев С.В., Соколов А.К.* “Счастливое детство” // Социальная история: Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 159–202; *Келли К.* “Маленькие граждане большой страны”: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 218–251; *Леонтьева С.Г.* Трудовое детство // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 323–332; и др.

² См., например: *Зезина М.Р.* Без семьи: сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 82–87; *Она же.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–55) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136; *Пыжиков А.В.* Раздельное обучение в советской школе // Педагогика. 2004. № 5. С. 78–84; и др.

из главных проблем в разработке этой темы является формирование источниковой базы.

Если акцентировать внимание на детстве как на важном этапе в биографии любого человека, опыте, сохраняющемся в воспоминаниях и влияющем на последующую жизнь, то особую ценность для исследования приобретают мемуарные источники, фиксирующие “память детства”³. Эти источники представляют сконструированный и откорректированный памятью образ. Многие мемуаристы, нечаянно или намеренно, не упоминают “мелочи” детской жизни, полагая, что этим не заинтересуют читателей.

Когда исследуется непосредственно мир детства (повседневные практики и стратегии поведения, нормы и ценности мировосприятия детей, игры, увлечения, фольклор), незаменимым источником становятся документы, исходящие от самих детей (дневники, письма, сочинения)⁴. Но таких источников по истории интересующего нас периода сохранилось очень мало. Более того, большинство из них написано при прямом вмешательстве старших. В результате воспоминания взрослых о детстве превращаются в едва ли не единственный, пусть неточный фактически, но содержательно достоверный источник информации о детском мире⁵.

Если детство рассматривается в качестве специфической социальной реальности, представляющей собой совокупность идей,

³ См.: *Безрогов В.Г.* Воспоминания как источник по истории детства // Педагогическая антропология и история детства. М., 2001. С. 65–78; *Он же.* Автобиографии и социальный опыт // Социальная история: Ежегодник, 2001/2002. М., 2002. С. 529–550; *Он же.* Память о военном детстве (свидетельства детей 40-х годов) // Вестник Университета Российской академии образования. 2005. № 2 (28). С. 66–79; *Ромашова М.В.* Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа XX и XXI вв. // Вестник Пермского университета. 2005. Вып. 5: История. С. 56–65; и др.

⁴ Анализ таких источников см.: *Сальникова А.А.* “Детский” текст и детская память в “эпоху катастроф” // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сб. ст. Челябинск, 2004. С. 413–430; *Она же.* Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России 1917–20-х годов // Социальная история: Ежегодник, 2001/2002. М., 2002. С. 324–354; *Она же.* Язык революции 1917 года в “детских” текстах // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 12. С. 117–135; и др.

⁵ Ср.: *Сальникова А.А.* Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии // *Clio Moderna.* Зарубежная история и историография. Казань, 2002. Вып. 3. С. 117.

культурных объектов, социальных институтов и событий⁶, то его реконструкция, безусловно, не может быть ограничена привлечением какого-то одного вида источников. Особую ценность приобретают те из них, которые отражают данный аспект детства комплексно и способствуют расширению рамок исследовательского понимания детства как социальной конструкции.

Популярные массовые журналы для женщин – “Работница”, “Крестьянка” – лучше всего соответствуют решению этой задачи, поскольку в большей степени формировали, нежели отражали действительность. Они содержат различные вербальные и визуальные материалы о детстве, неоднократно анализировавшиеся в рамках изучения гендерной, женской истории. В центре ее внимания оказываются статус материнства, детства и семьи в контексте переменчивой государственной гендерной политики, варьировавшейся от попыток “раскрепощения” женщины, упразднения семьи, “обобществления детей” до провозглашения “материнского долга” перед государством⁷. Всестороннее изучение “журнального” детства позволит расширить наши представления о женских журналах как об историческом источнике.

В “Крестьянке” и “Работнице” используются общие идеологические приемы пропаганды “счастливого советского детства”. Однако они относятся к абсолютно разным детским мирам – крестьянскому и городскому; журналы рассчитаны на разные читательские аудитории. Их сравнение, сопоставление и анализ может стать темой отдельного исследования.

Цель настоящей статьи – выяснить степень информативности журнала “Работница” за 1945–1953 гг. как источника по истории советского городского детства, реконструировать собирательный образ детства, представленный в издании, определить, какие вопросы и проблемы детства затрагивались на страницах журнала, а также, по возможности, понять, в какой степени журнальные образы детства соответствовали реалиям послевоенных лет.

“Работница”, выполняя информационную, идеологическую, коммуникативную и воспитательную функции, имела и практическую направленность – помощь советским женщинам в воспитании “будущих строителей коммунизма”. Сконцентрированная в журнале информация о детях и для детей позволяет составить проблемную “контурную карту” советского детства 1945–1953 гг.

⁶ Щеглова С.Н. Детство: методы исследования: Учеб. пособие. М., 1999. С. 49.

⁷ См., например: Градскова Ю.В. “Обычная” советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1999. .

Анализ статей “Работницы” в будущем может быть дополнен архивными материалами редакции. Однако на данном этапе исследования для нас первостепенный интерес представляет печатный вариант презентации советского детства, поскольку именно он был доступен обычным читательницам.

“Работница” начала выходить в 1914 г. Ее издание прерывалось несколько раз: с 1914 (после выпуска первых 7 номеров) по 1917 и с 1918 по 1923 г.⁸ Во время Великой Отечественной войны ее тираж значительно снизился (с 425 тыс. до 75 тыс. экз.), но все равно журнал оставался одним из самых читаемых изданий. Уже в начале 1950-х годов тираж почти достиг довоенного уровня (350 тыс. экз.). По мнению исследовательницы Т. Дашковой, изучавшей “Работницу” 1920–30-х годов, ее тираж находился в прямой зависимости не только от спроса, но и от политико-идеологической насыщенности журнала, который по степени оперативности фактически выполнял функции газет⁹. Однако в послевоенные годы “Работница” во многом переориентировалась на освещение социальных проблем. Материалы, касавшиеся охраны материнства и детства, практически вытеснили оперативную политическую информацию.

Название журнала в целом соответствует его целевой аудитории – “трудолюбивой женщине”, а проблематика статей ориентировалась как на малообразованных, но стремившихся к социальной мобильности работниц, общественниц, домохозяек, так и на женщин с более высоким образовательным и социальным статусом. От потенциального читателя зависело многое, и, в частности, то, что в “Работнице” было мало аналитических материалов, многие заметки были написаны упрощенным языком. С другой стороны, теоретические статьи о гигиене, образовании и воспитании писались профессорами и кандидатами наук, чей язык был загроможден клишированными академическими фразами и штампами.

Помимо текстов, журнал содержит огромное количество фотографий детей. Они фиксируют детали из жизни счастливых и беззаботных малышей: в семье и детдоме, в яслях и детском саду, в клубе и во дворе, – и формируют визуальное восприятие советского детства.

Число страниц журнала за послевоенные годы выросло с 20 в

⁸ Работница // БСЭ. В 30-ти т. 3-е изд. М., 1975. Т. 21. С. 303.

⁹ Дашкова Т. Идеология в лицах: формирование визуального канона в советских женских журналах 1920–1930-х годов // <<http://www.iek.cdu.ru/projects/pptdash3.htm>>

1945 г. до 30 в 1953 г. В начале 1950-х годов “Работница” превратилась из черно-белого издания в цветное. Стоимость журнала была невысокой (80 копеек), благодаря чему росли его тиражи.

В советские годы детство официально было провозглашено сферой заботы государства, что проявилось в активной социальной политике и разработке советской идеологии детства. Указы, постановления, комментарии к ним, заметки-отчеты об их реализации, печатавшиеся в “Работнице”, могут быть использованы в качестве источника об официальных представлениях о детстве, об эволюции взглядов на охрану материнства и детства, об основных тенденциях “развития детства” в СССР¹⁰. По значимости в журнале эти материалы занимают центральное место.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. “Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства...” стал поворотным в усилении внимания к защите материнства и детства, проявившемся на страницах журнала и в подборке материалов. Он определил первоочередность действий по восстановлению статуса детства в советском обществе, значительно подорванного в войну. В первую очередь, предполагалось расширить сеть детских учреждений (начиная с яслей и заканчивая детскими домами), обеспечив их всем необходимым, оказать материальную поддержку матерям и детям. Указ вносил серьезные изменения в семейное законодательство. Он устанавливал обязательную государственную регистрацию брака, сложную процедуру бракоразводного процесса с уплатой госпошлины в значительном размере, вводил запрет на установление отцовства в отношении детей, родившихся вне брака. Для стимулирования высокой рождаемости в СССР указ устанавливал звание “Мать-героиня” для женщин, родивших и воспитавших 10 детей и более, а также медали и ордена для матерей с 5 детьми и более. Поскольку объявление указа не означало его реализацию, на страницах журнала появляется и небольшая критика: невыполнение планов строительства детских учреждений, нехватка кадров, скудное финанси-

¹⁰ Ковригина М. Забота о детях // Работница. 1945. № 1; Работать так, как учит товарищ Сталин! // Работница. 1945. № 12; Сталинская забота о детях // Работница. 1946. № 6–7; Воспитание детей – высокий и почетный долг матери // Работница. 1947. № 7; Абрамова А. Забота о матери и детях // Работница. 1949. № 5; Карманова Е. Закон в действии: к пятой годовщине указа от 8 июля 1944 года // Работница. 1949. № 7; и др.

рование¹¹.

Жесткой рубрикации по вопросам детства в журнале не было, отдельные тематические блоки быстро исчезали или переименовывались. Самой стабильной была рубрика “Ответы на письма матерей”. В письмах затрагивались самые разнообразные темы: воспитание подростков, проблема наказания детей, необходимость игрушек в жизни ребенка, вопросы гигиены и др.¹² Безусловно, письма, отобранные для обсуждения и обработанные редакцией, а в некоторых случаях, вероятно, и написанные самими журналистами, не просто воспроизводят реальные потребности и запросы родителей, но являются инструментом конструирования “детства” в общественном сознании.

Некоторые письма читателей попадали в другую рубрику – “По следам неопубликованных писем” или “По письмам читателей”, – где редакция отчитывалась в том, что сделано в ответ на читательские жалобы или просьбы¹³. Хотя эта рубрика печаталась на последних страницах и мелким шрифтом, она обращает на себя внимание. Здесь можно обнаружить информацию о беспорядках в детских учреждениях, о грубости и черствости чиновников при решении детских вопросов. Таким образом, работа с письмами являлась одним из способов манипулирования общественным сознанием и свидетельством функционирования канала связи между аудиторией и редакцией. Судя по письмам, печатавшимся в журнале, читатели ассоциировали “Работницу” с властью, которая могла решить многие их проблемы.

В журнале была и специальная рубрика для детей. Она выходила достаточно редко, меняла свои названия. Детские странички – это мир поэзии, чаще всего не нацеленный на конкретный возраст ребенка; здесь встречаются стихи советских поэтов о природе и Родине¹⁴. Кроме того, в журнале печатались образцы детского

¹¹ Юмор // *Работница*. 1950. № 2; Я поздравляю // *Работница*. 1950. № 2; Думы работниц-матерей // *Работница*. 1950. № 8; Новогодние пожелания // *Работница*. 1953. № 12; и др.

¹² *Сперанский Г.* Воспитание гигиенических навыков // *Работница*. 1945. № 11; *Болдырев Н.* О наказании детей // *Работница*. 1950. № 2; Игрушка – средство воспитания // *Работница*. 1950. № 6; *Левитов И.* Трудный возраст // *Работница*. 1950. № 11; *Эйгес Н.* Воспитание у детей гигиенических и культурных навыков // *Работница*. 1951. № 1; и др.

¹³ По следам неопубликованных писем // *Работница*. 1949. № 3; 1951. № 3; 1952. № 12; По письмам в редакцию // *Работница*. 1953. № 10.

¹⁴ Детская страничка // *Работница*. 1946. № 10; 1947. № 7; Малышам // *Работница*. 1948. № 2; Мы хотим мира (письма детей) // *Работница*. 1950.

творчества (стихи, сочинения, рисунки) и письма детей. Они тщательно отредактированы, детская непосредственность в подобных “произведениях” практически отсутствует¹⁵. Чаще всего это были письма пропагандистского содержания: «Мы, дети Советской страны, помним, как немецкие фашисты вероломно напали на Советский Союз. Эта война лишила многих из нас отцов и матерей. Но мы не одиноки. В стране, где живет и ведёт к трудовым подвигам советских людей великий Сталин, дети живут радостно и счастливо...»¹⁶ Странички для детей могут быть рассмотрены в качестве материала по формированию детского сознания, по реконструкции представлений взрослых о запросах детей.

В этом же контексте могут быть рассмотрены и статьи, посвященные детской литературе. В “Работнице” ей уделяется достаточно много внимания – как части пропаганды о детях и для детей. Печатавшиеся рецензии на детские книги предлагались в качестве обязательных ориентиров читательского интереса¹⁷. Книги, рекомендованные детям, содержат множество официальных образцов детского поведения, востребованных временем. К примеру, вместе со взрослыми маленькие герои книги Л. Воронковой “Село Городище” восстанавливают родной колхоз. Саня Коншаков из повести А. Мусатова “Стожары” со своими товарищами продолжает дело погибшего за Родину отца: выводит новый сорт пшеницы¹⁸. В какой степени советские дети воспринимали то, что прочитывали, и следовали тем моделям поведения, которые прописывались в произведениях, – отдельный сюжет для исследования. Но любимыми книгами детей, по мнению редакции, были все-таки другие произведения: “Как закалялась сталь” Н. Островского, “Тимур и его команда” А. Гайдара, “Сын полка” В. Катаева, “Два капитана” В. Каверина, “Молодая гвардия” А. Фадеева, “Повесть о настоящем человеке” Б. Полевого, “Улица младшего сына” Л. Кассиля и М. Поляновского и ряд других книг¹⁹. Реальный детский интерес,

№ 7; Страничка детям // Работница. 1951. № 1; Страничка для детей // Работница. 1952. № 12.

¹⁵ Детское творчество // Работница. 1950. № 5; Мы хотим мира! (Письма детей) // Работница. 1950. № 7; и др.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Шахбазьян Е. Книгу – детям // Работница. 1949. № 7; Детская печать // Работница. 1950. № 5; Ильина Н. Детская печать // Работница. 1951. № 5; На выставке детской книги // Работница. 1951. № 3; Чувилло О., Черненко К. Книга о советских школьниках // Работница. 1952. № 6.

¹⁸ Детская печать // Работница. 1950. № 5. С. 9–10.

¹⁹ Там же. С. 10.

конечно, мог и не соответствовать этому списку.

В “Работнице” публиковались и другие материалы, направленные на формирование стратегии чтения. Их можно объединить под условной рубрикой “Педагогическая литература для родителей”. В списке рекомендаций в основном преобладают классические советские работы по педагогике и труды политических деятелей. Чаще всего одни и те же произведения рекомендуются к прочтению и цитируются в журнальных статьях. Отсылки к трудам М.И. Калинина, А.С. Макаренко, Н.К. Крупской, В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского позволяют обратиться к теоретическим изысканиям большевиков в области формирования “нового” человека, принципам коммунистического воспитания, долгие годы внедрявшимся в педагогическую практику²⁰.

Рамки субъективного восприятия детства взрослыми и детьми задаются во многом официальным статусом детства. В журнале его можно определить через представления властей о детстве, роли “матери”, “отца” и “ребенка”.

В послевоенные годы наиболее важной и поддерживаемой законодательно оставалась сфера семейных отношений. Непростая демографическая ситуация требовала поощрения и материального стимулирования рождения большего количества детей. Однако кривая рождаемости в первые послевоенные годы снижалась²¹.

Задача закрепления за женщиной материнских обязанностей стала одной из приоритетных уже во второй половине 1930-х годов. Именно тогда государство делает ставку на институт семьи и акцентирует внимание на ее центральной фигуре – матери. За годы войны, однако, этот образ оказался в тени других ипостасей советской женщины (прежде всего, производственницы, перевыполняющей план), более востребованных в тех условиях. После войны образ советской матери вновь актуализируется. Указ 1944 г., часто упоминаемый в журнальных материалах, должен был вернуть ее на пьедестал почета, установив звание “мать-героиня”, медали, льготы. Поэтому в номерах “Работницы”, начиная с этого времени, печатаются многочисленные очерки, статьи, заметки об одиноких матерях, многодетных семьях, окруженных заботой государства²².

²⁰ Блинков И. Что читать // Работница. 1951. № 9; *Он же*. О воспитании детей в семье // Работница. 1949. № 6; и др.

²¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2: 1940–1959. С. 240.

²² Вишнякова Е. Радость семьи Никулиных // Работница. 1945. № 5; Макаров П., Никитин Н. Согреты дыханием Родины // Работница. 1946. № 10; Кононенко Е. На фабрике и в семье // Работница. 1947. № 4; Вишня-

«Бывало, забеременеешь и пригорюнишься. “Что будем делать, – думаешь, – когда седьмой или восьмой ребенок родится? Трудно будет”. А муж улыбнется и скажет: “Не тужи, мать, Государство нам поможет. Дети вырастут – и под старость нашими кормильцами будут”», – поделилась с журналистом одна из матерей-героинь²³.

Параллельно меняется и статус отцовства: от самоустранения в воспитании детей до участия в их жизни наравне с матерью. В ответ на письма читательниц об отсутствии им помощи со стороны мужей в “Работнице” печатались статьи и заметки, пропагандировавшие “активное” отцовство²⁴. Рубрика “Ответы на письма матерей” в начале 1950-х годов была переименована в “Ответы на письма родителей”. С одной стороны, изменив заголовок, рубрика могла привлечь мужчин к обсуждению “детских” вопросов и одновременно разрушить стереотипы о советской женщине, берущей на себя все заботы о детях и доме. С другой – переименование рубрики, возможно, связано с увеличившимся потоком писем отцов в редакцию журнала. Предпринимались и попытки поддержать женщин, чьи бывшие мужья скрывались от выплаты алиментов. В журнале появлялись статьи о розыске и поимке правоохранительными органами “злостных неплательщиков”²⁵.

Изменения приоритетов в социальной политике отразились и на представлениях о ребенке. Начиная с 1930-х годов, идеи свободного воспитания ребенка постепенно вытеснялись представлениями о плановом, унифицированном воспитании детских коллективов²⁶. Детский активизм приспособлялся к правилам строгой субordi-

кова Е. В семье матери-героини // *Работница*. 1947. № 7; *Уварова Л.* Моя семья // *Работница*. 1948. № 1; *Фадеева И.* Золотая звезда // *Работница*. 1949. № 2; *Копелянская С.* Забота об одинокой матери // *Работница*. 1950. № 4; и др.

²³ *Вишнякова Е.* Радость семьи Никулиных // *Работница*. 1945. № 5. С. 13.

²⁴ *Колбановский В.* Отец как воспитатель // *Работница*. 1951. № 1; Родительская конференция на фабрике “Красный октябрь” // *Работница*. 1951. № 8. С. 18–21.

²⁵ *Вишнякова Е.* На суд общественности // *Работница*. 1948. № 6; *Семенов К.* Социализм и семья // *Работница*. 1948. № 11; *Вишнякова Е.* На бытовые темы // *Работница*. 1949. № 2; *Вишнякова Е.* Беглец // *Работница*. 1952. № 6; По следам неопубликованных писем // *Работница*. 1949. № 3; 1951. № 3; 1952. № 12; По письмам в редакцию // *Работница*. 1953. № 10; и др.

²⁶ *Щеглова С.Н.* Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М., 2001. С. 18.

нации: подчинение взрослым, дисциплина и послушание²⁷. А.С. Макаренко уже в конце 1920-х годов начал разрабатывать эти идеи, наметив, таким образом, штрихи будущей советской педагогической концепции. “Коллективизация” детской жизни должна была уменьшить неподконтрольное влияние семьи, выдвинув на первый план государственные дошкольные учреждения, школу, пионерскую организацию и комсомол. Однако в 1940-е годы детских яслей и садов было недостаточно, они не могли охватить всех детей дошкольного возраста²⁸; учителя в школах не были в состоянии одни справиться с детьми, немало пережившими за годы войны. Поэтому в журнале появляются статьи об объединении усилий школы и семьи в воспитании ребенка-школьника. Они отражают желание изменить их взаимоотношения, привлечь семью к участию в учебных делах²⁹.

Жизнь советской школы изменилась и с введением в 1943 г. раздельного обучения, которое должно было направить педагогические усилия в русло решения конкретных государственных задач (прежде всего, воспитания из мальчиков будущих защитников Родины) и “вечной” проблемы советской школы – дисциплины. По инерции прежних лет, когда активно пропагандировался гендерный эгалитаризм, в “Работнице” о детях пишут нейтрально, используя общие, “бесполые” формулировки. Однако реалии раздельного обучения требовали продвижения более конкретных поведенческих идеалов³⁰. Например, конструируемый на страницах журнала образ девочки обязательно состоит из черт будущей ма-

²⁷ Келли К. “Хочу быть трактористкой!” (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история: Ежегодник, 2003: Женская и гендерная история. М., 2003. С. 405.

²⁸ Келли К. “Школьный вальс”: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2005. № 1. С. 108.

²⁹ Чернышева Е. Родительский университет // Работница. 1945. № 7; Коняхин А. Воспитание детей в семье // Работница. 1945. № 8; Преображенский А. Все ли вы знаете о своих детях? // Работница. 1946. № 6–7; Преображенский А. Семья и школа // Работница. 1946. № 9; Касапова М. Мои требования к родителям // Работница. 1946. № 11–12; Преображенский А. Подготовка детей к школе // Работница. 1947. № 8; Крылова М., Бейлинсон Б. Наши требования к школе // Работница. 1947. № 1; Преображенский А. О выполнении детьми школьных заданий // Работница. 1947. № 12; Жегулова П. О дружбе семьи и школы // Работница. 1948. № 4; Львов А. Родительский комитет в школе // Работница. 1951. № 11; Александров Б. Единая линия // Работница. 1952. № 2; и др.

³⁰ См., например: Кудряшова В. Пионерки // Работница. 1950. № 5; Сергеева А. О воспитании девочек // Работница. 1951. № 11.

тери, жены и общественницы. Важными ее качествами признаются чуткость, внимательность, помощь в воспитании младших детей, настойчивость и упорство в работе, участие в общественной жизни, чувство ответственности и т.д. Однако на практике среди учениц женских школ нередко распространялись “нравы институток дореволюционной поры” (жеманство, кокетство и др.)³¹. Выполнив при ближайшем рассмотрении только поверхностные задачи, практика раздельного обучения способствовала распространению среди родителей “домашних” взглядов на советских девочек. «К чему ей все это? Ей и так неплохо. Вырастет, выйдет замуж, будет растить детей. А в министры ей все равно не выйти», – утверждала мать ученицы одной из московских женских школ по поводу общественной нагрузки в школе³².

В начале 1950-х годов кризисные моменты проявились и в пионерском движении, несмотря на развитую идеологию, инфраструктуру (дома и дворцы пионеров, пионерские лагеря, специализированные газеты, журналы, радиопередачи), символику, “обрядность” и квалифицированные кадры. Формализация, бюрократизация пионерии (как впрочем, и самой партии) подмывали самостоятельность, творческую активность детей и вожатых. Все больше со страниц журнала отмечалось падение детского интереса к пионерской организации, особенно после вступления в ее ряды и начала рутинной работы³³.

Одним из способов противодействия влиянию семьи или, по крайней мере, его минимизации в прежние годы была пропаганда идеи о детях-сиротах как наиболее благоприятном материале для воспитания “нового” человека. Но, когда сиротство приобрело масштаб национальной катастрофы, эта концепция отошла на второй план, уступив место более реальным планам ликвидации социального бедствия через расширение сети детских государственных учреждений. Частое обращение в “Работнице” к теме детских домов может свидетельствовать об актуальности проблем сиротства, беспризорности и безнадзорности для общественности и властей в послевоенные годы³⁴. Чем фантастичнее встречаются тек-

³¹ Баранович-Поливанова А.А. Впечатления послевоенной поры // Знания. 1996. № 5. С. 145–158.

³² Сергеева А. О воспитании девочек // Работница. 1951. № 11. С. 26.

³³ Леонтьева Т. О так называемых рядовых пионерах // Работница. 1953. № 3.

³⁴ Соколов А. Живем хорошо // Работница. 1945. № 2–3; Тарлова Т. Родной дом // Работница. 1946. № 3; Ашмарина А. В детском доме // Работница. 1947. № 2; Литвиц Д. У нас нет обездоленных детей // Работни-

сты о счастливой жизни детдомовцев в условиях фатальной разрухи и нищеты, тем, вероятно, страшнее была действительность. Известно, что государственные детские дома, наряду с воспитательными колониями, принимали на себя основную нагрузку в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Даже после окончания войны число детей в детских учреждениях продолжало расти и достигло своего максимума в 1947–1948 гг.³⁵ Большинство детских учреждений могло рассчитывать только на средства местного бюджета, которых всегда не хватало, и собственное подсобное хозяйство. Многие из них не были электрифицированы, отсутствовали бани, прачечные и изоляторы, не хватало одежды, мебели, посуды, квалифицированных педагогических кадров³⁶.

Попытки улучшить их состояние и решить проблему беспризорности только государственными мерами оставались безуспешными. Поэтому еще в годы войны начинается кампания по вовлечению общественности в решение детских вопросов. На страницах журнала активно пропагандировались забытые ранее формы общественного участия в жизни сирот: опека и патронаж, а также шефство, попечительские советы³⁷. Возвращение к этим формам борьбы с детской беспризорностью, сиротством было связано с необходимостью, прежде всего, профилактики социальных болезней, а не борьбы с их последствиями. Следует отметить, что статьи и очерки на эту тему не могут служить источником при реконструкции психологической атмосферы послевоенных детских домов, т.к. первые упоминания о трудностях адаптации детей к жизни в подобных учреждениях появляются в журнале только после смерти Сталина³⁸.

Тему безнадзорности, эту масштабную проблему послевоенных лет, журнал затрагивает лишь косвенным образом. Речь о ней идет

ца. 1948. № 11; Забота о детях погибших воинов // Работница. 1948. № 5; *Липищ Д.* Родной дом // Работница. 1948. № 6; Им возвращено счастливое детство // Работница. 1949. № 8; *Конюхова А.* Сталинская забота о детях // Работница. 1949. № 12.

³⁵ *Зезина М.Р.* Без семьи... С. 82.

³⁶ Там же. С. 86–87.

³⁷ *Тарлова Т.* Благородный почин // Работница. 1945. № 9; *Вишнякова Е.* С материнской любовью // Работница. 1945. № 10; *Шиф С., Яковлев В.* Материнское сердце // Работница. 1948. № 2; *Киселев Я., Ильин М.* Благородные сердца // Работница. 1948. № 6; *Фадеева И.* Забота о семьях защитников Родины // Работница. 1948. № 7; *Александрова И.* Глаз матери // Работница. 1951. № 6.

³⁸ См.: *Ивантер Н.* Питомцы народа // Работница. 1953. № 5.

в статьях об организации внешкольной деятельности детей, контроле над детской дворовой жизнью, их летнем отдыхе³⁹. Первоначально статьи с очень схожим содержанием не вызывают особого интереса, но при детальном прочтении мотивировка обращения к этой проблеме становится ясной: «Уделяя большое внимание организации детского отдыха в лагерях, необходимо одновременно позаботиться и о детях, остающихся в городе, а таких немало. Если с ними не ведется соответствующая работа, то они оказываются предоставленными самим себе, влиянию улицы, а всем известно, какой вред приносит детская безнадзорность»⁴⁰. Сильная занятость родителей на производстве не позволяла им следить за своими детьми. Результатом был рост детской и подростковой преступности, падение дисциплины в школах, особенно мужских⁴¹.

При всех проблемах, возникавших у взрослых с детьми, в условиях начинавшейся “холодной” войны на первом месте стояли задачи воспитания советских граждан: стойких, выносливых, преданных Родине и партии. Именно после войны, по словам исследователя О.В. Хархордина, получает широкое распространение практика воспитания воли⁴². Журнал также не остался в стороне от этого. Все педагогические усилия, как родителей, так и учителей, должны были быть направлены на воспитание для страны героев. Практическим материалом для этого стали многочисленные при-

³⁹ *Кормилицына Т.* Дети отдохнут среди зелени // *Работница*. 1945. № 5; Отлично учиться и весело отдыхать // *Работница*. 1945. № 10; *Гагарина Н.* Летний отдых // *Работница*. 1947. № 5; *Пратусевич М.* Забота костромичей о детях // *Работница*. 1947. № 5; *Булгакова Н.* Дети одного двора // *Работница*. 1947. № 7; Дети заслужили хороший отдых // *Работница*. 1948. № 6; *Бялик М.* Как “Трехгорка” заботится о детях // *Работница*. 1948. № 7; *Ржанов Б.* Флаг пионерских лагерей поднят! // *Работница*. 1949. № 5; *Мартьянова Е.* Летняя детская площадка в городе // *Работница*. 1949. № 6; *Печникова З.* Летом во дворе // *Работница*. 1950. № 6; *Валина Е.* Счастливая детвора // *Работница*. 1951. № 2; *Ильина Л.* Летний отдых школьников // *Работница*. 1951. № 5; *Кононенко Е.* Двор и дети // *Работница*. 1952. № 4; *Арбат Ю.* Клуб пятисот ребят // *Работница*. 1953. № 4; *Леонтьева Т.* Юные мастера // *Работница*. 1953. № 5; и др.

⁴⁰ Дети заслужили хороший отдых // *Работница*. 1948. № 6. С. 3.

⁴¹ См.: *Ромашова М.В.* “Дети двора”: криминальные инсценировки и поиски идентичности городских детей и подростков в годы позднего сталинизма // *Отчуждение и присвоение в современной культуре: Мат-лы XVII всерос. конф. студентов, аспирантов, докторантов “Майские чтения”*. Пермь, 2005. С. 84–87.

⁴² *Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. М.; СПб., 2002. С. 299–300.

меры индивидуального героизма во время Великой Отечественной войны, проявленные тогда чудеса воли и выдержки: Зоя Космодемьянская, Олег кошевой, Александр Матросов, Шура Чекалин, Лиза Чайкина, Юрий Смирнов и др.⁴³

Воспитание воли трактовалось довольно пространно, но являлось необходимым компонентом закалки характера. Вопреки установившемуся с середины 1930-х годов мифу о счастливом детстве и новому взгляду на ребенка как на послушного и признательного подданного советской власти, под практикой воспитания воли подразумевалось развитие таких качеств, как самостоятельность, дисциплинированность, умение преодолевать трудности и препятствия, выносливость. Интересны мероприятия, которые советуют авторы для воспитания воли у детей подросткового и юношеского возраста, – ночные походы, походы в дождливое время, в холодную погоду и т.д.⁴⁴

Одним из наиболее действенных способов воспитания в ребенке воли провозглашался труд. Как единственная форма жизнедеятельности советского человека труд с малых лет должен был внедряться в жизнь ребенка в игровой форме⁴⁵. Следующая ступень привыкания к труду заключалась в домашних обязанностях, через которые ребенок учился трудиться в своем первом коллективе – семье: «Принимая участие в домашнем труде, дети учатся уважать чужой труд, чутко относиться к родителям, оказывать им посильную помощь»⁴⁶. В любой момент ребенок должен был суметь заменить родителей в домашнем хозяйстве⁴⁷. Новой ступенью приобщения к труду ради общего блага становится уже настоящий взрослый труд – «на колхозном лугу и поле». В этом случае «понарошку», «по-детски» трудиться уже невозможно: «Всякая фальшь, работа не в полную меру сил немедленно раскрываются»⁴⁸. Таким образом оправдывается такая реалья советского детства послевоенных лет, как тяжелый физический труд подростка.

⁴³ Ржанов Б. Флаг пионерских лагерей поднят! // Работница. 1949. № 5. С. 13.

⁴⁴ Размыслов П. О воспитании воли у детей // Работница. 1948. № 3. С. 13.

⁴⁵ Игрушка – средство воспитания // Работница. 1950. № 6. С. 25.

⁴⁶ Свадковский И. Воспитание правдивости у детей // Работница. 1952. № 3. С. 15.

⁴⁷ Розанов И. Воспитывайте у детей любовь к труду // Работница. 1949. № 9. С. 17.

⁴⁸ Там же.

В свою очередь, равный по тяжести детский труд на Западе, сведения о котором публиковались в “Работнице” довольно часто, особенно с 1949 г., оценивался однозначно негативно. В журнальных публикациях подчеркивалось, что жестокая эксплуатация детей в капиталистических странах лишала их главного – детства: «Тяжелый труд, нищенское существование, страшные болезни и преждевременная смерть – таков удел этих несчастных детей»⁴⁹. В СССР, наоборот, труд ради общей пользы, а не личного обогащения, становился неотъемлемой частью детства, более того, советской идентичности. Труд проникал во все сферы повседневности, вторгаясь и на территорию его прямой оппозиции – отдыха: «Во время летнего отдыха дети свободны от учебных занятий. Значит ли это, однако, что в каникулы они могут проводить свой день без определенного разумного распределения времени? Конечно, нет!.. Это время дети должны использовать для общественно-трудовой и творческой деятельности»⁵⁰. Как отмечает С.Г. Леонтьева, труд в системе советского воспитания – это и школа жизни, и повседневность, и способ общения со сверстниками, и помощник в самопознании⁵¹. Теоретически интеграция детей в советское общество через труд, а на практике – нередко через тяжелый физический труд, противоречила официальной доктрине “настоящего” детства, преподносившейся в несколько иных формулировках: дети не должны заниматься тяжелым трудом, должны хорошо учиться, много отдыхать, играть под чутким надзором взрослых, материально ни в чем не нуждаться. В реальности детский труд уже не был просто средством советской социализации, поскольку за годы войны для части детей и подростков, советских семей, детских учреждений (прежде всего детских домов, колоний) стал стратегией выживания, а для промышленных предприятий – частичным решением проблемы с нехваткой людских ресурсов и обеспечением иждивенцев⁵².

В основу системы воспитания воли ребенка закладывался также физический и эмоциональный аскетизм: строгий режим, дисциплина, суровость и отстраненность, сдержанность в отношениях

⁴⁹ Бакашова Л. У них нет детства // Работница. 1951. № 5. С. 23.

⁵⁰ Антропова М. Советы родителям // Работница. 1951. № 6. С. 28–29.

⁵¹ Леонтьева С.Г. Трудовое детство // Отечественные записки. 2003. № 3.

⁵² См.: Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006.

между детьми и взрослыми («...не следует приучать детей к приемам, обременительным для взрослого: качанию кровати, ношению на руках, пению колыбельных песен, рассказыванию сказок»)⁵³. По своему содержанию гигиенические идеалы послевоенных лет, пропагандировавшиеся на страницах «Работницы», мало чем отличаются от довоенных (простота и рациональность в средствах гигиены при уходе за ребенком)⁵⁴. Их актуальность возрастает из-за забвения проблем гигиены и здоровья во время войны⁵⁵.

Следование всем советам в воспитании ребенка естественным образом означало реализацию на практике мифа о счастливом советском детстве, сформулированном в известном лозунге середины 1930-х годов: «Спасибо дорогому товарищу Сталину за наше счастливое детство»⁵⁶. В послевоенные годы этот миф активно экспортируется на Запад. Международный день защиты детей, утвержденный в конце 1949 г. по призыву Международной демократической федерации женщин, где советские представительницы занимали лидирующие позиции, отмечался впервые 1 июня 1950 г. С этого времени большая часть майского номера «Работницы» ежегодно посвящалась международному дню защиты детей. В журнальных статьях главным врагом детей и их родителей объявлялся англо-американский империализм, борьба с которым заключалась в защите детей не только от бомб и пушек, но и от растлевающего американского кино и всего «американского образа жизни», калечащих молодое поколение. Праздничные репортажи и

⁵³ *Эйгес Н.* Воспитание у детей гигиенических и культурных навыков // *Работница*. 1951. № 1. С. 28.

⁵⁴ *Келли К.* «Хочу быть трактористкой!»... С. 399–404.

⁵⁵ См.: *Сперанский Г.* Воспитание гигиенических навыков // *Работница*. 1945. № 11; *Богданович Л.* Нервные заболевания у школьников // *Работница*. 1947. № 4; *Доброхотова А.* Как уберечь ребенка от желудочно-кишечных заболеваний // *Работница*. 1947. № 6; *Преображенский А.* Подготовка детей к школе // *Работница*. 1947. № 8; *Александрова С.* Советы врача // *Работница*. 1949. № 3; *Сперанский Г.* Закаливание ребенка // *Работница*. 1949. № 6; *Режим для школьника* // *Работница*. 1949. № 10; *Сперанский Г.* Особенности детского организма // *Работница*. 1950. № 4; *Эйгес Н.* Воспитание у детей гигиенических и культурных навыков // *Работница*. 1951. № 1; *Улицкая М.* О горячем завтраке // *Работница*. 1951. № 3; *Антропова М.* Советы родителям // *Работница*. 1951. № 6; *Школьные завтраки* // *Работница*. 1951. № 8; *Пища ребенка* // *Работница*. 1952. № 5; *Сперанский Г.* Как предупредить воспаление легких у ребенка // *Работница*. 1953. № 3; *Приготовление блюд для детей от 1 до 4 лет* // *Работница*. 1953. № 5; и др.

⁵⁶ *Келли К.* «Маленькие граждане большой страны»... С. 233.

статьи описывали жалкое существование маленьких обитателей капиталистических стран и счастливую жизнь советских детей⁵⁷.

Противостояние Западу и закрытость советского общества в послевоенные годы не остановили модернизацию детства, осуществлявшуюся в России в соответствии с международной моделью с конца XIX в. Эта общая модернизационная модель, по мнению К. Келли, подразумевала государственное вмешательство в воспитание детей, семейные субсидии в обмен на лояльность, воспитание детей как законопослушных граждан, усиление связи между политической легитимностью и заботой о благополучии детей, наконец, поощрение производства специальной детской продукции⁵⁸. Информация о промышленном производстве и поставке детской продукции, сведения о ее низком качестве и скудном ассортименте попадали на страницы журнала после выхода правительственных постановлений. В 1949 г. Совет министров постановил расширить производство детских товаров и улучшить снабжение ими учреждений⁵⁹. Но даже в 1953 г. специальная продукция для детей была редкой и дорогостоящей, ее качество оставляло желать лучшего: «От автомобилей сразу же отлетают колеса, быстро портится бабочка-каталка, а деревянные кони выпускаются такие страшные, что дети их пугаются»⁶⁰. Подобные проблемы существовали и с другими товарами для детей (мебелью, колясками, умывальниками, детской одеждой и т.д.)⁶¹.

Итак, журнал «Работница» послевоенных лет содержит сведения о советской идеологии детства, его официальном статусе, мероприятиях социальной политики, затрагивает вопросы развития инфраструктуры и специализированной материальной культуры для детей, педагогической доктрины. Следует отметить, что на страницах журнала складывается противоречивый, неоднозначный образ детства. Он отражает как советские мифы о детях, так и ре-

⁵⁷ *Абрамова А.* Забота о матери и детях // *Работница*. 1949. № 5; Дети – страдалцы // *Работница*. 1950. № 2; У них нет детства // *Работница*. 1951. № 5; Испания – страна детского горя // *Работница*. 1951. № 7; Жизнь и счастье всем детям! // *Работница*. 1952. № 3; *Львов А.* Наши дети // *Работница*. 1952. № 6; Так учатся в странах капитализма // *Работница*. 1952. № 8; и др.

⁵⁸ *Келли К.* «Маленькие граждане большой страны»... С. 221.

⁵⁹ *Чесноков Н.* О детской одежде и обуви // *Работница*. 1949. № 5. С. 10–11; и др.

⁶⁰ Новогодние пожелания // *Работница*. 1953. № 12; и др.

⁶¹ Я поздравляю маму // *Работница*. 1950. № 2. С. 8–9; По письмам в редакцию // *Работница*. 1953. № 10. С. 28; и др.

альные проблемы детей и их родителей. Но если фактическая информация о детстве в “Работнице” вряд ли полна и требует проверки, то официальные представления, общественные ожидания и настроения в отношении детей, отразившиеся в публикациях, являются ценным материалом для интерпретации.

А.В. Суворова, Н.М. Сумерина

Советская детская периодика как исторический источник (журналы “Костер” и “Пионер” за 1945 и 1962 гг.)

Когда говорят о значении периодики в жизни советского общества, как правило, подразумевают серьезные издания, где пропаганда показывала себя, так сказать, во всей своей красе. Однако не следует забывать, что пропаганда оказывала влияние не только на уже сформировавшиеся умы взрослых. Известно, что наиболее восприимчивым к любым идеям является детский разум. Именно в детском возрасте в человека закладывается информация, которую он пронесет через всю свою жизнь. Задача данной статьи – проследить те методы, которые использовала советская пропаганда в детских периодических изданиях. Основной упор в нашей работе мы сделаем на то, как внешнее оформление журналов способствовало донесению до сознания ребенка необходимой информации.

Детская периодическая печать включает в себя достаточно большое количество изданий. В нашей работе изучаются журналы “Пионер” и “Костер”. Нами были просмотрены годовые подшивки этих журналов с 1945 по 1985 г., но, поскольку объем названного материала огромен, в данной статье подробно рассматриваются только подшивки названных журналов за 1945 и 1962 гг. – одни из наиболее ярких и насыщенных событиями лет как для отечественной, так и для мировой истории.

“Пионер” – ежемесячный журнал для пионеров и школьников, орган ЦК ВКЛСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленин. Журнал издавался в Москве с 1924 г., печатал повести, рассказы, сказки, стихи, пьесы, очерки, литературные портреты¹. Издается по сей день.

“Костер” – ежемесячный журнал для детей, орган ЦК ВКЛСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленин и СП СССР. Основан по инициативе С.Я. Маршака. Журнал издавался в Ленинграде с 1936 г. В 1947–1955 гг. не выходил. Печатал прозу, поэзию, публицистику для детей среднего

¹ Литературный энциклопедический словарь / Под. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С. 278.

школьного возраста². Также выходит по сей день. Оба журнала издавались ежемесячно, их тираж практически не менялся и составлял около 15 тыс. экземпляров.

Что касается методики работы с журналами, то можно выделить следующие этапы: 1) изучение оглавлений каждого номера; 2) выяснение соотношения публицистических статей и художественных произведений; 3) анализ роли иллюстративного материала.

Своей основной задачей мы ставили не столько анализ содержания отдельных статей, сколько рассмотрение внешнего оформления. Поэтому основная цель данной статьи – рассмотреть то, как работала советская пропаганда в детских периодических изданиях не только в самом публикуемом материале, но уже на уровне структуры журнала. Мы рассмотрим взаимное расположение статей в зависимости от важности информации; то, какие были рубрики, какие внешние факторы, например иллюстрации, способствовали лучшему усвоению материала. Ведь даже если статья не будет прочтена, иллюстрации и заголовки все равно оставят в мозгу ребенка определенные установки, формируя, таким образом, личность будущего советского гражданина.

“Внутренняя политика” в детских изданиях

Большинство публицистических статей дают нам информацию о “внутренней политике” – о наиболее значимых событиях в жизни пионерской и комсомольской организаций, коммунистической партии, о знаковых фигурах российской и советской истории, о важнейших исторических событиях. Как правило, такие сообщения открывают номер издания, а зачастую в одном номере печатается несколько статей, посвященных “внутренней политике”.

В журналах “Костер” и “Пионер” за 1945 г. практически все номера открывают статьи или художественные произведения, посвященные Великой Отечественной войне, такие как: “Бесстрашные”, “Победа”, “Разведчики”, “Земные ракеты”, “Трижды орденосный”, “На параде”, “Наш боевой путь” и т.д. Тут следует отдельно выделить номер за май 1945 г. Конечно, большинство и детских, и взрослых изданий открывало “Обращение И.В. Сталина к советскому народу” по случаю окончания войны. Интересно, что в журнале “Костер” этого обращения нет. Так же, как и в журнале “Пионер”, мы находим “Поздравление маршала Жукова”, стихотворение “Победа” Л. Успенского, но речь Сталина так и не была опубликована. Связано ли это как-то с политикой, проводимой са-

² Там же. С. 169.

мим журналом, авторам не удалось установить, но само по себе отсутствие этой речи весьма интересно.

Что касается тех же изданий за 1962 г., то мы можем наблюдать следующую картину. Номера открывают статьи, посвященные жизни пионерской организации либо важным событиям, соотносимым с месяцем, в который выходит номер. Вот самые значимые из них. Пятый номер журнала “Костер” опубликовал на первой странице обращение с поздравлением от редакции журнала с сорокалетием пионерской организации, а обращение Н.С. Хрущёва было напечатано в следующем, шестом, номере: “Будьте всегда готовы к борьбе за дело Коммунистической партии! Приветствие Н.С. Хрущёва Всесоюзной пионерской организации”³. Практически весь пятый номер журнала посвящен этому юбилею. Были напечатаны статьи о первых пионерах, стихи о пионерских сборах и кострах, фотографии и рисунки, посвященные пионерам, а также лагерю “Артек”, который посещали пионеры разных стран. То же самое мы можем наблюдать в девятом номере журнала “Пионер”: его открывает Обращение делегатов Всесоюзного слета пионеров по случаю 40-летия пионерской организации имени В.И. Ленина ко всем пионерам Советского Союза⁴. В том же номере мы находим статью о пионерском лагере “Артек” – “Пресс-конференция в союзе разноцветных галстуков”⁵. Так же, как и в “Костре”, в журнале “Пионер” мы встречаем приветствие Н.С. Хрущёва “Будьте готовы к борьбе за дело Коммунистической партии”⁶. Другим значимым событием в жизни СССР 1960-х годов был первый полет человека в космос. Десятый номер “Костра” за 1962 г. открывают стихотворение про космос и очерк об интервью на телестудии с космонавтами Николаевым, Титовым, Поповичем и Гагариным, а также в середине номера напечатана поэма “Слово о Циолковском”⁷. В “Пионере” за девятый номер тоже присутствует статья “Подвиг советских космонавтов”⁸.

Но не все важные моменты истории России и жизни пионерии выносились на первые полосы. Немало событий освещалось на других страницах номера. Рассмотрим некоторые из них. В обоих журналах за сентябрь 1962 г. есть статьи об Отечественной войне

³ Приветствие Н.С. Хрущёва... // Костер. 1962. № 6.

⁴ Обращение... // Пионер. 1962. № 9.

⁵ Там же.

⁶ Приветствие Н.С. Хрущёва... // Пионер. 1962. № 6.

⁷ Эфрос Л. Камеры включены на Земле // Костер. 1962. № 10.

⁸ Подвиг советских космонавтов // Пионер. 1962. № 9.

1812 г.⁹ (ведь именно в сентябре 1962 г. исполнялось 150 лет Бородинскому сражению и вступлению Наполеона в Москву). В журнале “Костер” за 1945 г. мы обнаруживаем рубрику “Из прошлого нашего города”, где приводятся очерки о разнообразных культурных объектах Ленинграда. Вот некоторые из статей: “Первая морская битва русского флота”¹⁰; “Петропавловская крепость”¹¹; “Смольный”¹²; “Площадь декабристов”¹³. Что касается журнала “Пионер” за 1945 г., то тут мы находим многочисленные заметки о жизни В.И. Ленина: “За книгой. Из воспоминаний о Ленине его сестры Марии Ильиничны”¹⁴; “Рассказы о Ленине”¹⁵; “Завет Ленина”¹⁶. В 1945 г. мы находим немало интервью участников Великой Отечественной войны, которые делятся с пионерами своими воспоминаниями, например: “Думы старого Маньчжурца. Генерал-лейтенант А. Игнатъев”¹⁷; “Бои в Берлине”¹⁸; “Земные ракеты. Герой советского союза С. Кузнецов”¹⁹; “Разговор с будущими комсомольцами. Герой Советского Союза Н. Троян”²⁰; “Идеи, за которые я сражался. – Герой Советского Союза гвардии старшина И.В. Самохин”²¹. Как это видно из названий, статьи в обоих журналах имели основной задачей патриотическое воспитание молодежи. Располагались они, как правило, в середине номера или ближе к началу. Практически все статьи сопровождаются иллюстрациями, помогающими восприятию материала.

Что касается жизни пионерской и комсомольской организаций, то наиболее интересными для нас являются статьи в журнале “Пионер”: “Комсомольские ударные. Год 1962”²²; “По следам письма Ильичу”²³; «“Правде” 50 лет»²⁴; “Записки – ударная комсо-

⁹ 1812 год // Пионер. 1962. № 9; *Алексеев С.* Награда: из рассказов об Отечественной войне 1812 г // Костер. 1962. № 9.

¹⁰ Костер. 1945. № 7.

¹¹ Там же. № 10.

¹² Там же. № 11.

¹³ Там же. № 12.

¹⁴ Пионер. 1945. № 1–2.

¹⁵ Там же. № 4.

¹⁶ Там же. № 10.

¹⁷ Там же. № 9.

¹⁸ Там же. № 5.

¹⁹ Там же. № 7.

²⁰ Там же. № 8.

²¹ Там же. № 12.

²² Пионер. 1962. № 1–2.

²³ Там же. № 4.

мольская стройка»²⁵; «Праздник октября»²⁶ (про Октябрьскую революцию); «Слово – лучшим дружинам страны»²⁷; «Пионерский металл шагает по стране»²⁸; «Журнал “Пломик” в гостях у “Пионера”»²⁹ и др. В журналах “Пионер” и “Костер” за 1945 г. мы находим такие статьи, как “Письмо незнакомому мальчику” героя труда авиаконструктора С.А. Лавочкина³⁰; “В Ленинградском дворце пионеров”³¹; “Пионеры одного отряда”³²; “О твоём пионерском галстуке” К. Николаевой³³; “На III съезде Комсомола. Воспоминания делегата съезда П. Петрова”³⁴.

Стоит упомянуть отдельные тематические рубрики журнала “Костер”, в которых обсуждались аспекты пионерской жизни, рассказы о коммунизме (рубрика “Вот он коммунизм!”), о пионерских лагерях и их устройстве (“Жизнь веселая, лагерная...”), поведение школьников, “разбор” и обсуждение проступков некоторых пионеров всем журналом, с привлечением читателей. Рубрика “Клуб юных корреспондентов”, например, именно этим и занималась: получала письма от читателей о школьниках-двоечниках, хулиганах и даже про детей, которых родители якобы заставляли молиться Богу; ставила вопрос перед читателями («Как вы думаете, ребята, правы ли родители?») и тому подобное.

Здесь стоит немного сказать об антирелигиозной пропаганде в детских журналах³⁵. В основном, конечно, такая пропаганда шла

²⁴ Там же. № 6.

²⁵ Там же. № 9.

²⁶ Там же. № 10.

²⁷ Там же. № 11.

²⁸ Там же. № 3.

²⁹ Там же. № 5.

³⁰ Пионер. 1945. № 1–2.

³¹ Там же. № 9.

³² Там же. № 11.

³³ Костер. 1945. № 11.

³⁴ Там же. № 10.

³⁵ По поводу отображения взаимоотношений государства и церкви в советской периодике хочется сделать отсылку к статье: *Волощенко Н.А.* Советская периодическая печать как источник по истории взаимоотношений государства и церкви во второй половине 1927 г. // ИИ. М., 2004. Вып. 1. С. 148–158. Автор пишет о роли, которую играла периодическая печать в этих отношениях, и о том, как это в ней отражалось. Что касается наших источников, то тут также представлены статьи, пропагандирующие отрицательное отношение к церкви и ее “тлетворное влияние” на подрастающее поколение.

через художественную литературу и карикатуры, речь о которых пойдет ниже. Но встречались и такие статьи, как в примере, приведенном выше. Часто появление таких статей было обусловлено обострением антирелигиозной кампании в целом по стране. Таким образом, видно, что этому виду пропаганды уделялось внимание не только во “взрослых” изданиях, но и в детских – как одной из основ формирования “нового советского гражданина”.

Как видно, все эти статьи напрямую связаны с деятельностью пионеров. Каждый номер содержит статьи антирелигиозного содержания, где наиболее ярко проявляется деятельность советской пропаганды. Ведь именно в этих статьях показывались “лучшие из лучших” отрядов, их достижения, те, на кого должны были равняться пионеры всего Союза. Не удивительно, что в числе авторов мы часто встречаем самих ребят, передающих свой опыт остальным. Ненавязчиво, путем коротких и легких для восприятия статей, советским школьникам объяснялось, что и как они должны делать, и чего делать не должны. Что касается местоположения этих статей в номере, то они были умело расставлены между другим материалом. Издатели умели размещать пропагандистский материал так, чтобы не перегрузить ребенка, чтобы он не закрыл журнал. Именно поэтому такие статьи часто совмещались с художественными произведениями, речь о которых пойдет ниже.

“Внешняя политика” в детских журналах

1945 и 1962 г. были выбраны не случайно. Эти даты – важные вехи в истории как нашей страны, так и в мировой истории. 1945 г. – окончание Второй мировой войны; 1962 г. (октябрь–ноябрь) – Карибский кризис. Эти события нашли отражение не только во “взрослых” периодических изданиях, но и в детских.

В журналах за 1945 г. помещены статьи о странах, принимавших участие во Второй мировой войне. Так, например, в “Пионере” мы находим статью “Полет в Японию” Н. Богданова. В ней описывается полет нашего летчика в Японию, а также то, что он там увидел. Конечно, статья была составлена с расчетом на то, чтобы показать “загнивающий капитализм” в Японии. Но были и вполне миролюбивые статьи о Западе, как, например, статья в журнале “Костер” “Вокруг Канады на маленьком боте” А. Антрушина.

Рассказ о 1962 году надо начать с того, что сам термин “Карибский кризис” в публикациях отсутствует. Как правило, речь шла не о ситуации в Карибском бассейне и отношениях с США, а об острове Кубе как таковом: что это за остров, какой там существует политический режим, о дружбе с Фиделем Кастро как главным

коммунистом Запада, о пионерских организациях. В качестве примера можно привести вторую статью первого номера журнала “Костер” за 1962 г. под названием “Братья с далекой Кубы” М. Яхонтовой, с фотографиями Г. Сафонова. В статье говорилось о посещении Ленинграда делегатами с Кубы – мальчиками от 11 до 16 лет, среди которых был и сын самого Фиделя Кастро³⁶. Помимо публицистических заметок и статей, журнал “Костер” печатал рассказы и очерки разных авторов о Кубе, ее культуре, строе, например, очерк советского писателя Даниила Гранина, побывавшего на Кубе³⁷; или статья “Мануэль Доменеч – герой Кубы”³⁸. Внимание ребят привлекалось не только прямыми статьями о Кубе, но и косвенными напоминаниями, в игровой форме. Об этом свидетельствует задание ребятам в рубрике под названием “Клуб юных корреспондентов”, где был задан вопрос советским школьникам: «Ребята! Знает ли кто-нибудь из вас, что в СССР есть остров Куба? Отыщите его на карте и напишите, в каком море он находится. А заодно постарайтесь найти на территории нашей страны два населенных пункта, имеющих такое же название»³⁹. Надо сказать, что и города с таким названием и остров были найдены юными читателями: в Азербайджане и Дагестанской АССР, а остров Куба – в море Лаптевых (севернее дельты реки Лены).

Что касается журнала “Пионер”, то в нем мы нашли всего одну статью о Кубе – “У нас на Кубе”⁴⁰. В этой статье были напечатаны рисунки и короткие рассказы кубинских школьников о своей стране. Больше никаких упоминаний о Кубе в номерах журнала за этот год не было.

Помимо описания событий, косвенно касающихся Карибского кризиса, в журналах мы нашли статьи о других странах, как социалистических, так и капиталистических. Страны социалистического лагеря, естественно, описывались чаще всего положительно, а капиталистические страны – крайне негативно.

Часто в статьях можно встретить информацию о борьбе народов за равноправие в капиталистических странах, например, в статье “Суд за океаном” обличалось несправедливое судопроизводство по отношению к неграм в США⁴¹. Была приведена фотография,

³⁶ Яхонтова М. Братья с далекой Кубы // Костер. 1962. № 1.

³⁷ Гранин Д. На Кубе: отрывки из путевых очерков // Костер. 1962. № 4.

³⁸ Пинкевич А. Мануэль Доменеч – герой Кубы // Костер. 1962. № 9.

³⁹ Мы ищем Кубу // Костер. 1962. № 1.

⁴⁰ У нас на Кубе: рассказы и рисунки кубинских детей // Пионер. 1962. № 1.

⁴¹ Стремглав Я. Суд за океаном // Костер. 1962. № 2.

на которой изображен жестоко избитый негр, пытавшийся отстаивать свои права. Схожие проблемы несправедливости “богатого белого” населения поднимаются в заметках “Колониста портрет рядовой”, в которых прослеживается история угнетения коренного населения колоний, начиная с Великих географических открытий и до наших дней. Перечисляются основные колониальные державы, и сами заметки заканчиваются цитатой из доклада Н.С. Хрущёва на XXII съезде КПСС: «На обломках колониальных империй возникли 42 суверенных государства»⁴². Никаких комментариев этим заметкам и цитате их автором дано не было. Видимо, юному читателю предоставлялось право сделать вывод самому.

Нередко по контексту статьи видно, что борьбу негров за равноправие приравнивают к борьбе коммунистов за равноправие в капиталистических странах (например, статьи “Битва за Эрика” в рубрике “Они борются за коммунизм”⁴³ и “Борьба за право на труд”⁴⁴). В этих статьях описываются притеснения рабочего класса, “произвол работодателей”, ущемление социальных прав трудящихся. Несмотря на то, что эти издания рассчитаны на детей, здесь поднимаются отнюдь не детские проблемы. В каждой статье обязательно присутствует описание тяжкой участи детей в таких семьях, которая сравнивается со “счастливым детством” советских детей. Встречаются также статьи об экономических проблемах капиталистических стран, и о том, как они касаются рабочего класса (конечно, в сравнении с советской системой). Примером может служить описание системы налогообложения в США и в других странах. К этой статье прилагались карикатуры на “буржуев”, несущих мешки с деньгами – налогами честных граждан – к себе домой. В конце статьи было приписано: «У нас в Советском Союзе налоги тоже пока существуют, но снижаются с каждым годом. Вот куда тратит эти деньги государство (на рисунке показаны университет, дом, музей, плотина...). А в ближайшем будущем, к 1965 г., налоги в нашей стране исчезнут совсем»⁴⁵. Интересно, что автор статьи не указан ни в оглавлении, ни в самой статье, а также нет ссылки на источник этой информации. Информацию об экономике других стран мы находим в статьях журнала “Пионер” (например, “С вами говорит Испания”⁴⁶ и “Перед вами Япония”⁴⁷), в которых

⁴² Квятковский И. Колониста портрет рядовой // Костер. 1962. № 6.

⁴³ Яхонтова М. Битва за Эрика // Костер. 1962. № 3.

⁴⁴ Агаянц Н. Борьба за право на труд // Пионер. 1962. № 2.

⁴⁵ Жалование Тома Смита // Костер. 1962. № 4.

⁴⁶ Близненкова В. С вами говорит Испания // Пионер. 1962. № 11.

обсуждаются те же проблемы, что и в статьях журнала “Костер”, рассмотренных выше. Первая статья относится к рубрике “Очерки и статьи о жизни за рубежом”, а вторая – “Окно в мир”.

Иногда появляются явно обличительные статьи, направленные против западного мира. Примером служит статья без указания автора “Кто рисует стрелы”⁴⁸, к которой прилагается карта. Здесь говорится о том, что карта была «перепечатана из пионерского журнала “Ракета” (ГДР)». На ней обозначены черными стрелками направления основных ударов, разработанных «штабом НАТО – военным союзом империалистов». Это карта нападения на социалистическую Германию. Приводятся даже имена некоторых западно-германских генералов (Хойзингер, Каммхубер, Штраус и др.). Ссылки на источник, из которого детский немецкий журнал получил подобную информацию, не приводится.

Таким образом, мы видим, что внешняя политика играет большую роль в рассматриваемых периодических изданиях. Но большинство статей по данному вопросу мы находим в журнале “Костер”. Статьи такого рода активно разбавлялись художественной и развлекательной литературой, чтобы дать юным читателям возможность отдохнуть перед тем, как вновь погрузиться в чтение серьезных, требующих осмысления статей, направленных на их патриотическое воспитание. При этом, даже не читая статьи, читатель может представить себе ее содержание, чему способствует иллюстративный материал, как правило, эту статью сопровождающий.

Роль художественной литературы

Прежде всего, необходимо разделить весь массив художественной литературы на переводные произведения и работы отечественных авторов. Сразу отметим, что отечественных произведений мы встречаем гораздо больше, чем переводных.

Произведения отечественных авторов можно, в свою очередь, разделить на произведения популярных советских писателей и публикации школьников. Само количество материала огромно. Сюда можно отнести все: и рассказы, и повести (порой очень длинные и растянутые на несколько номеров), и стихи. Часто подборка произведений зависела от времени, в которое издавался журнал. Большинство художественных произведений в журналах за 1945 г. посвящено войне и подвигам на фронтах, например:

⁴⁷ Жуков Ю. Перед вами Япония // Пионер. 1962. № 12.

⁴⁸ Кто рисует стрелы // Костер. 1962. № 8.

“Собака полковника” И. Всеволожского⁴⁹; “Олешки – заполярные танки” И. Рахтанова⁵⁰; “Повесть о мальчиках военного времени” того же автора⁵¹; “Три времени победы” Л. Кассиля⁵²; “Повесть о будущем офицере” Ю. Неймана⁵³; “Как на фронте” Е. Катерли⁵⁴; “Как русские ходили на Берлин” В. Николаева⁵⁵; “О большевистской закалке” А. Волкова⁵⁶.

Стихи также несут на себе отпечаток пропаганды, как это видно на примере стихотворения “Алеша стесняется” Э. Островской⁵⁷ или “Растеряха” С. Маршака⁵⁸.

Что касается зарубежных авторов, то и тут нам предоставлен богатый материал. Мы находим как произведения авторов из социалистического лагеря, так и знаменитых зарубежных писателей. Разумеется, многие из этих произведений посвящены тяжелой жизни ребят в капиталистических странах. Мы встречаем много переводов с самых разных языков, особенно в журнале “Костер”. Если подсчитать, сколько произведений – стихов, рассказов и сказок – было напечатано в “Костре” за 1962 г., то видно, что переводов с языков стран, входящих в социалистический лагерь, а также с языков народов СССР, было больше. В основном это были переводы сказок и стихов: “Пер выполняет задание” Х. Вульфа – повесть датского писателя-коммуниста⁵⁹, “Глупый крокодил” – пенджабская сказка⁶⁰ или “Робин Гуд и лесники”, “Смелый шотландец” – перевод английских стихотворений⁶¹. А из переводных произведений авторов стран соцлагеря и СССР можно отметить такие, как “Лиса и колдун” (польская народная сказка)⁶², “Якут-

⁴⁹ Пионер. 1945. № 1–2.

⁵⁰ Там же. № 3.

⁵¹ Там же. № 4.

⁵² Там же. № 6.

⁵³ Там же. № 7.

⁵⁴ Костер. 1945. № 8.

⁵⁵ Там же. № 10.

⁵⁶ Там же. № 11.

⁵⁷ Пионер. 1962. № 9.

⁵⁸ Костер. 1962. № 8.

⁵⁹ Вульф Х. Пер выполняет задание // Костер. 1962. № 7.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Робин Гуд и лесники. Молодой Уотерс. Смелый шотландец / Пер. с англ. Игн. Ивановского // Костер. 1962. № 12.

⁶² Там же.

ские сказки”⁶³, “Грузинский чай”, перевод чешского стихотворения⁶⁴.

Художественные произведения были призваны не только нести смысловую нагрузку, но и развлекать публицистические статьи, давать читателю возможность отдохнуть. Поэтому они и чередовались.

Наконец, хотелось бы отметить те рубрики, которые носили, если так можно выразиться, нейтральный характер. В журналах они часто соседствовали с художественными произведениями. В отличие от рубрики “Клуб юных корреспондентов”, имевшей яркую педагогическую направленность, и рубрики “Они борются за коммунизм!”, рассказывавшей о мужественной борьбе за «правое дело Коммунистической партии», существовали и рубрики, носившие общепознавательный характер. В журнале “Костер” велись рубрики “Охота с фотоаппаратом” (советы, рассказы фотографа-профессионала и натуралиста о дикой природе), “Сатира и юмор”, “Мы летим в Антарктиду” (заметки о разных странах, народах и континентах), заметки о спорте и интервью с советскими спортсменами, рубрика “Что? Где? Когда? Почему?”, разные загадки и задания. В журнале “Пионер” велись такие рубрики, как “Наука и техника”, “Спорт”, “Почему и отчего”, «Мастерская “золотые руки”», “Отовсюду и обо всем”, “Юмор” и другие. Помимо познавательных рубрик в обоих журналах печатались статьи о художниках и писателях, советских и зарубежных, об искусстве и многом другом, например: “Неукротимый Диккенс: К 150-летию со дня рождения” Т. Литвинова⁶⁵, “Тайна художника Ге” Р. Канделаки⁶⁶, “Франсиско Хосе де Гойя и Лусиентес” В. Герасимова⁶⁷. Также печатались статьи на юбилеи советских писателей, например С.Я. Маршака и К.И. Чуковского.

Роль иллюстративного материала

В заключение нашего исследования хотелось бы сказать несколько слов о роли иллюстративного материала. Помимо карикатур и рисунков, сопровождавших обличительные статьи, почти в каждом номере журнала “Костер” за 1962 г. велась рубрика под названием “За сто шагов узнавай врагов!” Рисунки печатались на

⁶³ Данилов И. Якутские сказки // Костер. 1962. № 11.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Литвинов Т. Неукротимый Диккенс // Пионер. 1962. № 2.

⁶⁶ Канделаки Р. Тайна художника Ге // Пионер. 1962. № 6.

⁶⁷ Герасимов В. Франсиско Хосе де Гойя и Лусиентес // Пионер. 1962. № 8.

последней обложке номера и принадлежали в основном двум художникам – Ю. Данилову и В. Гальбе. В качестве примера можно привести два таких рисунка. На одном из них изображено, как «западногерманскую молодежь готовят к захватническим войнам», а под рисунком подписано: «Из такого головастика вырастает жаба-свастика»⁶⁸. На другом изображен тощий старик, стоящий на коленях и держащий Библию перед глазами мальчика. Подпись гласила: «Эй, старик, не засти свет! Не обманешь – бога нет!»⁶⁹

Весьма распространенным являлся жанр фотоочерка. Так, в журнале “Пионер” за 1945 г. мы находим достаточно большое количество таких очерков. Вот наиболее интересные из них: “В Югославии”, фото-очерк подполковника В.С. Ешурина⁷⁰ (в нем рассказывается о вступлении советских войск на территорию Югославии во время Второй мировой войны, о том, как тепло их приняли югославские солдаты); “В Чехословакии. Рисунки военного художника Л. Голованова”⁷¹ (здесь повествуется о жизни в Чехословакии во время войны); “Наш город – Москва”⁷² (рассказ о красотах города Москвы в виде фотографий); “Парк Победы”⁷³. В четвертом номере журнала “Пионер” за 1945 г. мы можем найти рубрику “Отечественная война в рисунках ребят”, где отображено детское восприятие действительности.

Роль иллюстраций в детских журналах весьма высока. Иллюстрации не только облегчали восприятие текста статей, но и служили наглядным методом ведения пропаганды. При помощи карикатур, фотоочерков, просто картин юные читатели могли увидеть и прелести жизни в Советском Союзе, и недостатки капиталистического мира, и отрицательные черты в жизни своего собственного общества. И если текст быстро забывался, то у картинки было больше шансов укрепиться в памяти читателя, чего и добивалась советская пропаганда.

* * *

Итак, мы рассмотрели подшивки журналов “Пионер” и “Костер” за 1945 и 1962 гг. Мы выяснили, что пропаганда начинала работать уже на уровне структуры печатного издания. Стало очевидно, что журнал “Костер” был более ориентирован на художествен-

⁶⁸ Костер. 1962. № 2.

⁶⁹ Там же. № 4.

⁷⁰ Пионер. 1945. № 3.

⁷¹ Там же. № 9.

⁷² Там же. № 12.

⁷³ Костер. 1945. № 10.

ную литературу, нежели журнал “Пионер”, который, наоборот, печатал больше общеобразовательного материала, нацеленного на воспитание детей школьного возраста.

Как внешняя, так и внутренняя политика находили отражение на страницах детских журналов. В статьях описываются значимые, ключевые, моменты внешней и внутренней политики не только СССР, но и других социалистических и капиталистических стран.

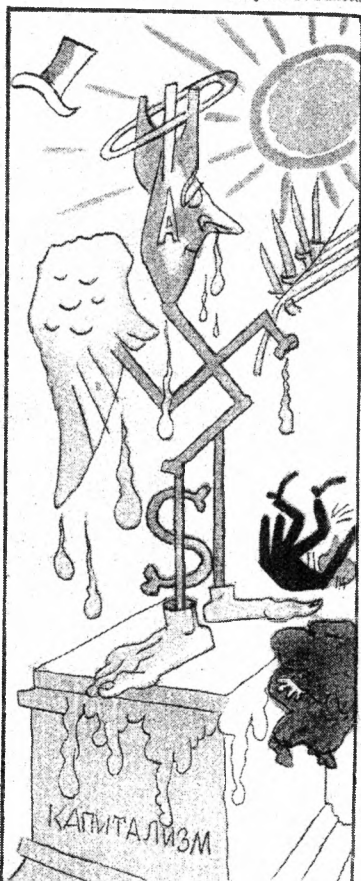
Весьма велика роль иллюстративного материала (обложек, рисунков, иногда фотографий, карикатур). Даже если ребенок не прочитает “обличительной” статьи, он обязательно увидит иллюстрации к ней, которые отражают суть текста. Порой картинки в детских журналах несли основную смысловую нагрузку.

Структура журналов, чередование в них художественных произведений (которые чаще всего принадлежали отечественным авторам и были нацелены на патриотическое воспитание) и статей пропагандистской направленности с юмористическими материалами (они помогали на время ослабить напряжение и в то же время способствовали удержанию внимания читателя) позволяли формировать детское сознание, не допускать проникновения в него “еретических идей”. Из номера в номер читатель видел обложки с иллюстрациями из “светлой” жизни пионеров, потом читал произведения о них и статьи о том, как хороша наша страна и как плох буржуазно-капиталистический Запад. Конечно, основная пропагандистская нагрузка ложилась именно на содержание журнала, но и его структура несомненно позволяла советской пропаганде удачно манипулировать умами юных граждан.

Приложение. Факсимиле некоторых страниц
“Костра” и “Пионера”

26 К.

Рисунки В. Галуби

РАЗБЕРИСЬ, ПОСМОТРИ:

что снаружи,

что внутри.

Костер. 1962. № 3. 4-я обложка.

КОЛОНИАЛИСТА ПОРТРЕТ РОДОВОЙ

И. Елатовский

Рисунки В. Тракина

ТАК ОНИ НАЧИНАЛИ

1532 год, Перу.

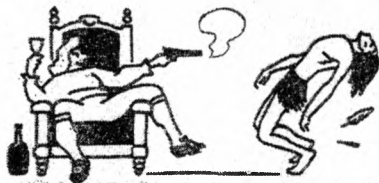
Писарро, главарь захватчиков-испанцев, обманом взял в плен вождя инков Атауальпу и потребовал огромного выкупа. Пленник возвал к подданным. Со всех концов Перу в дом, где томился вождь, стали сносить золото. Когда до назначенной суммы осталось совсем немного, Атауальпу казнили.

1566 год, Мехико.

Святой отец прибыл вовремя. Под юбкой замника уже складывался хворост для костра.

— Покаяйся, сын мой, прими христианскую веру, я тебя не сожгу, а... повеслю!

...Только один служитель бога, Диего де Ланда, повелел набиваям и пыткам, убил и искалечил 6330 «нехристей-туземцев».

1774 год, Баваля.

Англичанин Грейтхауз был метким стрелком. Для забавы он расстреливал всю семью вождя индейцев «Мертвый индеец — хорошей индеец», — говорила Грейтхауз.

3 «Костер» № 6

Костер. 1962. № 6. С. 17.

1816 год, Африка.

Бриг шаграло. Мускулистые руки рулевого цепко держали штурвал. Широко расставив ноги в желтых ботфортах, доблестный капитан словно зрится к палубе. Над головой его трепетали плавуса, а под ногами, в трюме, глухо перекатывались кадки и наручники.

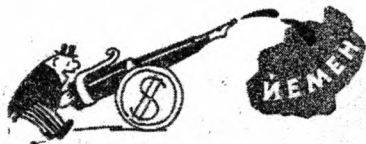
Около пятидесяти миллионов негров было вывезено из Африки за два века работорговли. На каждого доставленного в Америку раба приходилось пять убитых или искалеченных в пути.

ТАК ОНИ ПРОДОЛЖАЛИ

Кто здесь настоящий хозяин? Тот, кто на троне, или те, кто почтительно склонились перед ним?

Вокруг племени Савуфоро (около Каргого — Берег Слоновой кости) было приказано ежегодно поставлять для империции — то есть отдавать в рабство — шесть с половиной тысяч слепленников.

И он исправно выполнял приказ.

Господни Антоанно Бесс не стрелял из винтовки, не размахивал кнутом и никому не давал пинков. Он — купец, коммерсант. В своих руках он держал лишь авторучку — и поработил целое государство.

Весь Йемен был вынужден втридорога покупать у него базиси и промышленные товары. Зато кожаное сырье и кофе господни Бесс скупал у йеменцев за гроши.

Не зря получил он прозвище «Король Красного моря».

В португальской колонии Мозамбик только два процента местного населения — «асимиладос», «полноценные граждане». Остальные девяносто восемь процентов не имеют права даже выйти вечером на улицу.

Чтобы стать «асимиладос», нужно выправить кучу документов и позать прощение в полицию. А полиция — откажет. Предлог всегда найдется!

Во французской колонии Берег Слоновой кости от порта Обиджам до города Науса прокладывали авто-страду.

— Господин инженер, почему вдоль автострады предусмотрен низкий барьер? Ее разрыски тропические ливни!

— Не стоит тратить лишние деньги. Африканцев много. Ремонт дороги будет стоять недорого.

«Нобизать негров до крови запрещено. Однако есть выход: бейте их через мокрую простыню! Сивакоа — сколько угодно, в кровь — аичи!

Если африканцы не спешат встать перед белым, пусть белый наступит ему на пальцы босой ноги кабюком. Следов не остается, а эффект поразителен!»

О подобных «научных экспериментах» плантаторов в Кении сообщает журнал «Нью стейтсмен вид иешин».

Управляющий алмазными копями «Ангола раймонд компания» богат. Крупный бриллиант сверкает в его галстуже.

Двадцать тысячек своих рабочих управляющий платит как раз столько, чтобы не умереть с голоду. А они все-таки умирают, неблагодарные. — ведь из заработка им еще нужно платить налоги...

— Кто сказал, что африканцы живут плохо? — удивился сотрудник министерства колоний. — Вот фотография!

На западном берегу Черного материка, когда там еще хозяйничали французы, в районе города Дакар была построена единственная в Африке «показательная деревня». В ней жила две-три сотни африканцев. Остальным двадцатью трем миллионам оставалось о такой деревне только мечтать.

Даа друзья-собутельники из джмола Чомбе.
 Не зещите правого дьла, не воиски славы и дже не
 погоня за приключеннями привели их в Африку. Дол-
 лары, америкавские доллары. Те доллары, на которые
 благоденстауют сам Чомбе и его «легисм».
 Вот тава подовки и убийк Патриса Лумумбу. На та-
 ких и стремится удержаться колониальцем.

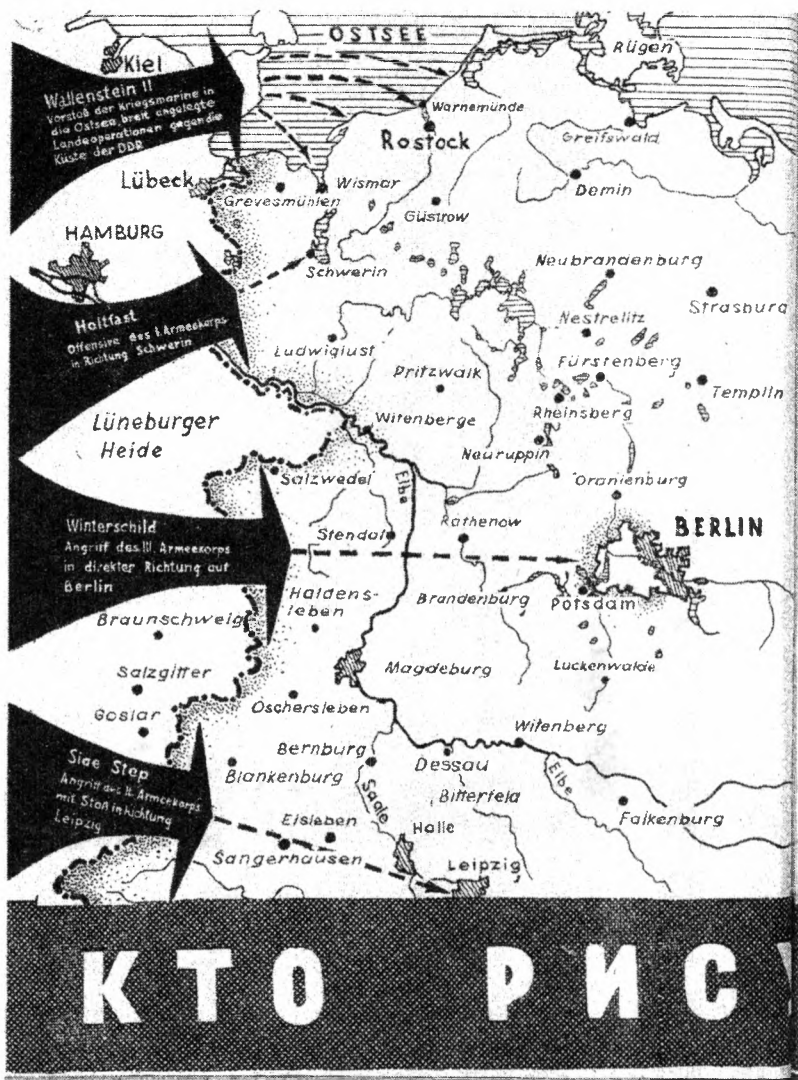
ТАК ОНИ ЗАКАНЧИВАЮТ В НАШИ ДНИ

«НА ОБЛОМКАХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ
 ВОЗНИКЛИ СОРОК ДВА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВА».

(Н. С. Хрущев, доклад на XXII съезде КПСС)

Костер. 1962. № 6. С. 21.

Костер. 1962. № 8. С. 34.

Смотрите, читатели.

Эту карту мы перепечатали из пионерского журнала «Ракета» (Германская Демократическая Республика).

Черные стрелы — направления главных ударов. Перед вами — очередной план нападения на Социалистическую Германию.

Кто разрабатывает планы?

Штаб НАТО — военного союза империалистов. 233 немецких офицера в штабе. 18 генералов. Среди них:

ХОЙЗЕНГЕР. Тщательно разрабатывал когда-то операции по захвату Англии и Франции, Советского Союза и Югославии. Четко подписал 31 августа 1942 года телеграмму: «Сто заложников, арестованных на станции Славное, — уничтожить». А в марте 1963 года создал план «Дело II» — «Воссоединение Германии путем военного присоединения среднегерманских районов». Может быть, за это он и награжден высшим американским орденом «За заслуги»?

ФЕРЧ. За деятельность подчиненной ему армейской группы «Курляндия» фюрер лично вручил ему «железный крест». Бывший адъютант Паулюса генерал Адамс вспоминает: «еще в русском плену Ферч размечал по карте СССР удары, которые его войска нанесут в будущую войну».

КАММХУБЕР. Был ближайшим советником Гитлера по авиации. Ныне командует западногерманскими военно-воздушными силами.

ШТРАУС. При Гитлере был всего лишь обер-лейтенантом. Зато сейчас устно в печати призывает «рыскнуть в берлинском конфликте», то есть развязать новую мировую войну. Масштабы аполии гитлеровские.

Дух фюрера витает над Западной Германией.

Министр продовольствия ФРГ Вернер в августе 1961 года, произнося речь, оговорился: «...отдадим голоса нашему испытанному федеральному канцлеру Адольфу Гитлеру». Он хотел сказать — Аденауэру.

Не случайна его оговорка.

И не случайно Западную Германию поддерживают империалисты Соединенных Штатов. Империалисты привыкли загребать жар чужими руками. Им выгодно иметь во главе дивизий и армий «специалистов со стажем».

По всем этим «специалистам» плакала в свое время веревка в Нюрнберге. Все они избежали заслуженной кары, спрятались от нее за стенами роскошных тюрем, большие похожих на санатории.

А срок настал — и они на свободе. И уже не мемуары пишут, а докладные записки, в которых требуют оснастить войска бундесвера атомным оружием, и сочиняют проекты новых маршей на восток.

Но страны социализма сильны и едины. Они готовы защитить мир.

Е Т С Т Р Е Л Ы

Накануне забастовки горняки собрались на митинг. Коммунист Элио Фиррани призвал всех рабочих к борьбе.

БОРЬБА ЗА ПРАВО НА ТРУД

Н. Агалиц

Короткое свидание с семьей, и шахтер снова спустится под землю к товарищам.

Вильрю... Попробуйте отыскать этот французский городок на географической карте! Вряд ли вам это удастся: очень уж он невелик.

Городок раскинулся в ложнине. Вокруг него невысокие горы, недра которых содержат железную руду. День и ночь дымят трубы двух металлургических заводов, выплавляющих из этой руды чугун и сталь. Копоть толстым слоем покрывает черепичные крыши домиков, где живут рабочие, чахлые, низенькие деревца на улицах.

Пятнадцать тысяч жителей в Вильрю. Большинство взрослых работает на заводах, добывает руду в шахтах.

Трудна и опасна работа горняков. Хозяин думает только о том, чтобы побольше прибылей загрести в свой карман, и не хочет тратить деньги на замену старого, изношенного оборудования. Поэтому так часты на шахтах несчастные случаи. Много горя видел городок Вильрю. Лишь за последние восемь лет во время обвалов погибло триста сорок пять ра-

бочих. А сколько людей получили тяжелые увечья! У десятилетнего Раймона Бове отец лишился ноги, у маленькой Жанетты Ренке брату отбило глыбой три пальца на правой руке. Среди горняков Вильрю почти нет таких, кто не пострадал бы на шахте.

Но даже и эта опасная и трудная работа дорога шахтерам. Ведь работа — это хлеб для детей, работа — это возможность научить их читать и писать. Каждый раз, когда горняк отправляется в шахту, он крепко целует дочь или сына. Ради них он идет под землю. И долго не гаснет свет в домиках Вильрю: близкие ждут возвращения шахтера...

Несколько месяцев назад капиталисты Франции решили закрыть свои шахты и рудники под предлогом, что они якобы «истощены» и «бесполезны». На самом деле это не так. Правительство генерала де Голля заискивает перед западногерманскими монополиями, производящими сталь и уголь, и предоставляет им свою страну для выгодного сбыта продукции.

11

Генерал де Голль, конечно, не собирается обидеть «своих» капиталистов. Владельцы закрытых шахт получают от правительства огромные деньги. Пострадают только трудящиеся. И те, которым придется платить эти деньги в виде новых налогов, и еще больше те, которых выгонят с работы...

Тревожная новость пришла и в городок Вильрю. Хозяин шахты «Обрив» объявил о своем намерении уволить часть рабочих.

— Подыщите себе другое место! Шахта приносит одни убытки. — сказал он. — 1-го ноября двадцать восемь человек получат расчет.

Горняки собрались на митинг. Коммунист Элио Фиорани, высокий, словно вылитый из бронзы шахтер, который работал в «Обрив» с 1943 года, сказал:

— Ребята! Мы не можем допустить, чтобы выгнали наших товарищей! Вы же знаете: сначала двадцать восемь человек, потом — все! А что будет с нашими детьми? С нашими сестрами, женами и стариками?

— Боритесь! Бастовать! — единодушно заявили шахтеры.

Рано утром, когда мелкий осенний дождь стучал в сонные стекла домов, а холодный ветер гулял по улицам горняка порывающую листву,

В вагонетках не вуда, а продовольствие. Рабочие других предприятия помогали забастовщикам.

Чтобы сэкономить время, развлекались играми.

Вот так они и спали — на сыром, холодном камне, подстелив сдула и даже не снимая шахтерских касок.

Тень свастики

Перед американским сенатом в Вашингтоне предстал молодой субъект с гупой физиономией бандита. Спущалось не обычное дело.

Отвечая сенаторам, субъект заявил, что государственный сапратег Рак и несколько других членов американского правительства вовлечены якобы в тайныйговор и хотят продать Соединенные Штаты... коммунистам.

Это был нелепый блуд, но на субъекта не надели сирителачую рубашку. Напротив, почтенные сенаторы слушали его целый час дня. Дев дней он излагалочень коласкую нерешительность правительства. Он требовал не больше, не меньше, как мировой войны и ядерных взрывов. Однако его не посадили в тюрьму даже за хулиганство, когда он тут же, в зале, гонба с кулаком на журналистов. Его слова встречали с восторгом, его называли «великим американцем».

В сенат он явился в сопровождении молодчиков со свастикой на рукавах. Кто же он такой? Уокер, отставной генерал-майор, кандидат в американские гитлеры.

Его фашистская партия носит название общество Джона Бэрча. Такая «общество» и «группа» в Америке сотни. В то время как Коммунистическую партию США жестоко преследует закон, бирнисты и им подобные сколачивают штурмовые отряды, забивают подвалы оружием. У них покровители в госдепартаменте, полиции, среди миллионеров и фермачины. Только бирнисты завербовали в свой лагерь сто тысяч разного сорта чиновников и капиталовладельцев. В фашистском комитете негире бывших президента Объединения промышленности США, керолы нефти, стали, оружие.

Что толкает этих всемирных в обмане умаров Страх. Они трусятса за своим капиталом, явде, как колесо истории неулондо поворачивает в сторону мира и социализма.

Не только в Америке поднимают голову фашисты. Наследники Гитлера оста и во Франции, Англии, Италии — почти во всех капиталистических странах. Вот они на снимках, вот их черные дела — посмотрите!..

И. Петрова

Автомат и дубинка — это все, что они обещают чероуду. Вы видите, как в швейцарском городе Верне полиция разгоняет демонстрацию христиан. По приказу чиновников-миллионеров не мирных людей пуцены слезоточивые газы.

Эти Игилые голдвареры называют себя цветом американской нации. Они рауца к власти, чтобы задушить народы в газовых камерах...

...А пока они у себя на родине подмигают Фэрри и цепляются «белых граждан от негров. Движение зари вымывали в Лопларрилле нагиринского Юношу Маке Паркера. Это его свестра, невеста и родственники на похоронках.

Народы говорят войне: «НЕТ!»

Мир — это жизнь, счастье детей, надежда на будущее. Для нас мир — это помеченный, который мы строим. Придет время, и мир на земле будет таким же призрачным, как воздух. Но сейчас еще есть брати мира, поднимаются войны. Они бредят оружием, страшиной которого не было — ядерным, угрожая жизни всего человечества. Поэтому защита мира сегодня — самое главное для честных людей.

Важнейшее событие наших дней — Московский Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Как никогда избавиться от войны! Этот вопрос волнует все народы земного шара.

Вверху — изображения зик, который стал международным. Он символизирует протест против ядерного оружия.

1. Демонстрации и походы за мир и разоружение прошли почти во всех городах Канады. На снимке: демонстранты у здания парламента в Оттаве.

2. Пикеты баррикад за мир у призывного пункта в Нью-Йорке. Жители города протестуют против ядерного оружия.

3. Несколько тысяч демонстрантов у здания американского посольства, чтобы передать президенту США Коннеди требование прекратить испытания атомных бомб.

Пионер. 1962. № 7. С. 42.

Е.В. Суровцева

**“Письма вождю” как источник
по истории русской литературы: Обращения совет-
ских писателей во властные структуры
(1917–1953 гг.)**

Советская эпоха в истории России отмечена необыкновенным развитием особого эпистолярного жанра – письма руководителям советского государства, или, если использовать терминологию А.И. Солженицына “письма вождю”¹. Этот жанр существенно отличается от других образцов эпистолярной литературы² – дружеских посланий, писем критикам и оппонентам, дидактических посланий и т.п. В зависимости от личности и положения адресата и тех задач, которые призвано решить послание, последнее может обладать чертами других эпистолярных форм: ему может быть присущ, например, тон проповеди или суховатость профессионального разговора. Однако в первую очередь его отличают следующие черты.

Во-первых, это определенная напряженность, вызванная объективной иерархичностью отношений адресанта и адресата, ведь письмо отправлялось не просто вышестоящему лицу, но лицу, обладающему верховной властью, ограниченной только властью И.В. Сталина. Кроме того, свой отпечаток накладывало то, что адресат и адресант могли быть не очень хорошо знакомы или не знакомы вовсе (картина несколько меняется, если адресант и адресат были знакомы и даже регулярно общались – см., например, письма М.А. Шолохова и А.Н. Толстого И.В. Сталину). Эта напряженность может быть дополнительно мотивирована страхом перед всесильным тираном (видимо, играло роль и опасение за свою частную

¹ “Письмо вождям Советского Союза” написано А.И. Солженицыным в 1973 г. и в 1974 г. впервые опубликовано издательством “УМСА-Press”.

² Под этим термином принято разуметь «переписку, изначально задуманную или позднее осмысленную как художественная или публицистическая, предполагающую широкий круг читателей. Такая переписка легко теряет двусторонний характер и превращается в серию писем к адресату, условному или номинальному» (Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М., 1987. С. 517).

судьбу – автор письма мог бояться ухудшения положения и т.п.); желанием сохранить достоинство, в особенности если послание содержит просьбу или оправдание, и многими другими факторами. Ситуация изменяется, если автор находится в принципиальной идейной оппозиции или если ему (по разным причинам) “нечего больше терять” – тогда послание высокопоставленному лицу звучит как обвинительная речь, как памфлет, как проклятие (письма А.М. Курбского Ивану Грозному, Ф.Ф. Раскольникова И.В. Сталину).

Во-вторых, “высоте” адресата соответствует “высота” темы: в письмах такого рода, как правило, ведется разговор о важнейших философских, политических, идеологических, творческих проблемах, и даже если это письмо содержит лишь жалобу (просьбу), то и она чрезвычайно актуальна для автора, связана с решением его частной человеческой и творческой судьбы, поэтому во многих случаях изложение ее сопряжено с развернутой декларацией идейных и/или творческих позиций адресанта.

В-третьих, часто “письма вождю” мыслятся их авторами как открытые, предназначенные не только адресату (а иногда и не столько ему), но и широкому кругу читателей-современников и даже будущим согражданам, которые смогут объективно оценить эпоху, деяния вождя и роль инакомыслящих (открытое письмо Ф.Ф. Раскольникова И.В. Сталину, письма А.А. Богданова и В.Г. Короленко, предназначенные для публикации, хотя и не опубликованные, и др.). Такая же внутренняя установка (менее явно) присуща, на наш взгляд, и многим письмам, изначально не предназначавшимся к опубликованию (например, письма М.А. Булгакова, Е.И. Замятина и др.). С этим связана подчеркнутая логическая выстроенность таких текстов, активное использование в них риторических приемов, соблюдение определенной композиции.

В-четвертых, теме соответствует язык и стиль: в текстах нередко используется философская и общественно-политическая лексика, реже – профессиональная терминология; им присуща точность выражений и смысловых акцентов, образность, известный лаконизм. В зависимости от общей установки автора письма (например, обращение к официальному лицу у Е.И. Замятина, мольба о понимании и помощи у М.М. Зощенко и т.д.) в нем преобладает официальная лексика или, напротив, разговорные элементы (особо отметим письма-памфлеты А.Т. Аверченко, где по законам жанра используется и фамильярно-просторечная лексика).

Таким образом, “письмо вождю”, являясь жанром эпистолярным, имеет нередко, помимо этого, черты публицистического вы-

ступления, официального документа (например, заявления, ходатайства), юридической речи (с обвинительной или защитной функцией). Вместе с тем, в текстах такого рода, неизменно сохраняется известная иерархичность, они строятся и формируются таким образом, чтобы убедить, донести важные для автора мысли, в первую очередь – именно ему, адресату с особым статусом. Поэтому “письма вождям” существенно отличаются не только от текстов интимной переписки, но и от эпистолярных образцов дидактического направления, в которых адресат, как правило, размыт, условен или является коллективным.

В России этот жанр имеет определенную историю бытования. Можно вспомнить, например, слезницы на монаршьё имя. Более близкий нашей теме тип писем – письма во власть русских литераторов. Один из наиболее известных примеров – письма князя А.М. Курбского Ивану Грозному (XVI в.). В эпоху царствования Екатерины II русский просветитель и журналист Н.И. Новиков, главный редактор ряда сатирических журналов (“Трутень”, “Пустомеля”, “Живописец”, “Кошелек”), вступил в публичную полемику с журналом “Всякая всячина”, где под псевдонимом помещались материалы, написанные самой императрицей. Большой интерес представляют письма А.С. Пушкина Александру I (1825 г.) и Николаю I (1826 г.), а также высокопоставленным лицам из императорского окружения (К.В. Нессельроде, А.Х. Бенкендорфу и др.). В 1843 и 1845 гг. Ф.И. Тютчев направлял письма Николаю I с размышлениями об исторических судьбах России. В 1859 г. Ф.М. Достоевский пишет просительное письмо Александру II из Твери, где он жил после каторги. Иного плана – два письма Достоевского 1870-х годов, адресованные цесаревичу Александру Александровичу (будущему Александру III), которые являются более или менее развернутыми сопроводительными текстами к высылаемым царственной особе сочинениям писателя: роману “Бесы” (письмо 1873 г.) и “Дневнику писателя” (письмо 1876 г.). Известны также многочисленные обращения Л.Н. Толстого к царям и царским министрам. В этом же контексте следует упомянуть оправдательные обращения А. Грина к царю и министру внутренних дел (оба 1910 г.).

В советское время письма “наверх” превратились в чрезвычайно распространенное явление, в том числе – в среде литераторов и деятелей культуры. Если попытаться классифицировать поток этих писем, то получится следующая картина. Большую часть посланий, направленных “наверх”, составляли рапорты, приветствия, телеграммы, поздравления. Другой поток – анонимные письма,

доносы. Третий – миллионы жалоб³. Письма “маленького человека” – как государственным деятелям, так и в газеты – уже привлекали внимание историков. Существуют издания таких писем. Им посвящена специальная литература⁴.

В мощном потоке “писем вождю” особую историческую, культурную, эстетическую ценность представляют те, что написаны представителями творческой интеллигенции, в том числе писателями, которые были вынуждены обращаться к власти в силу сложившихся обстоятельств. Среди таких текстов есть написанные в эмиграции (А.Т. Аверченко, Ф.Ф. Раскольников), в тюрьме (А.А. Богданов), на грани нищеты и в условиях ожесточенной травли (М.А. Булгаков, Е.И. Замятин).

Одной из “дальних”, но фундаментальных причин возникновения обширного круга писем представителей творческой интеллигенции “вождям” является политика партии и правительства Советской России и СССР в области искусства: огосударствление, идеологическая унификация, репрессии по отношению к инакомыслящим. Основные положения этой политики были достаточно жестко декларированы уже в первых документах большевистского

³ «В пору сталинского террора всеобщий страх и незащищенность породили слепую веру в чудо, веру в спасительную силу писем на высочайшее имя. ...На адрес “Кремль. Сталину” были отправлены десятки миллионов жалоб. Родственники невинно осужденных, жертвы чисток, высланные, снятые с работы, исключенные из партии, лишенные пенсии, права голоса, доброго имени – все, кто так или иначе попали под колесо сталинской государственной машины, многократно писали родному, дорогому, любимому товарищу Сталину» (*Поповский М.П.* Дело академика Вавилова. М., 1991. С. 217–218).

⁴ Хотя рассмотрение этого материала не входит в непосредственные задачи данной работы, назовем несколько важнейших изданий по этой теме. Часть писем “маленького человека” была опубликована еще в советское время (например: Письма трудящихся к В.И. Ленину. 1917–1924 гт. Сб. / Предисл. Н.С. Гудковой. М., 1960). Из постсоветских изданий (а таковых, видимо, большинство) отметим: Письма во власть, 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998 (библиографию, включающую в себя как публикации писем, так и исследования, посвященные им или использующие их как исторический источник, см. на с. 637–643); Письма во власть. 1928–1938. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин и др. М., 2002 (библиографию см. на с. 498–507).

правительства⁵, государственное руководство литературой определяет всю советскую эпоху, однако в период с 1917 по 1953 г. оно развилось до гипертрофированных форм и являлось особенно жестким.

Особого внимания заслуживает вопрос о взаимоотношениях художника и власти. Эта проблема изучалась литературоведами в основном в биографическом аспекте, т.е. в контексте описания жизни и творчества конкретного писателя. Условия для более общих и даже обобщающих исследований созданы выходом в свет нескольких сборников документов (в их число входят и “письма вождю”)⁶.

Предметом научного интереса автора данной статьи стали письма русских писателей руководителям партии и правительства, написанные в 1917–1953 гг. Цель автора – попытаться структурировать этот богатый материал и сделать предварительные выводы относительно того, какие сведения по истории русской культуры он нам предоставляет. В настоящей работе не рассматриваются всякого рода служебные записки и официальные документы, исходившие от писателей, занимавших ответственные посты в Союзе писателей или других советских органах (например, А.В. Луначарского как наркома – В.И. Ленину и т.п.), здравицы, рапорты о достижениях, поздравления. В работе изучаются собственно образцы

⁵ В число этих документов входят, например, “Декрет о печати” (9 ноября / 27 октября 1917 г.), письмо ЦК РКП (б) “О пролеткультах” (1 декабря 1920 г.), постановление ЦК ВКП(б) “О политике партии в области художественной литературы” (18 июня 1925 г.).

⁶ См., например: В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917–1927. М., 1992; “Литературный фронт”. История политической цензуры. 1932–1946 гг.: Сб. док-тов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994; “Счастье литературы”. Государство и писатели, 1925–1938: Док-ты / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997; История политической цензуры: Док-ты и комментарии / Отв. ред. и рук. творческого коллектива Г.М. Горячева. М., 1997; Идеологические комиссии КПСС, 1958–1964: Док-ты / Сост. Е.С. Афанасьева и др. М., 1998. (Культура и власть от Сталина до Горбачева: Док-ты); Аппарат ЦК и культура, 1953–1957: Док-ты / Сост. Е.С. Афанасьевой и др. М., 2001. (Культура и власть от Сталина до Горбачева: Док-ты); Власть и художественная интеллигенция: Док-ты ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А.Н. Артизов и О.В. Наумов. М., 2002; Цензура в Советском Союзе. Док-ты / Сост. А.В. Блюм; Коммент. В.Г. Воловникова. М., 2004. (Культура и власть от Сталина до Горбачева); Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М., 2005; и др.

эпистолярного жанра, а также те бумаги официального свойства (например, заявления на имя ответственных лиц), которые тематически и стилистически выходят за рамки официального канона, больше напоминая творческую декларацию или оправдательную речь (например, заявление А.А. Богданова на имя Ф.Э. Дзержинского). Ввиду невозможности создания картины на всем материале мы не рассматривали письма, созданные в постсталинскую эпоху, а также обширную переписку М. Горького с советскими руководителями. Не рассматривали мы и аналогичные по жанру письма других представителей русской интеллигенции: ученых, политиков, деятелей религии (как православной, так и мусульманской и буддистской) и мн. др., – заслуживающие самостоятельного изучения. Кроме того, проанализировать весь имеющийся в нашем распоряжении корпус писем, относящихся к 1917–1953 гг., оказалось невозможным. Поэтому мы постарались выделить наиболее характерные, по нашему мнению, тексты, рассмотрев их как источник по истории культуры и в частности литературы и как литературный факт, и проиллюстрировать свою концепцию на отдельных примерах. В статье речь пойдет о письмах “наверх”, написанных А.Т. Аверченко, А.А. Богдановым, М.А. Булгаковым, Е.И. Замятиным, М.М. Зощенко, Я.Л. Ларри, В.Г. Короленко, Б.Л. Пастернаком, А.П. Платоновым, Ф.Ф. Раскольниковым, А.Н. Толстым, М.А. Шолоховым, А.А. Фадеевым – всего около 40 писем⁷.

При знакомстве с материалом становится очевидной его жанровая неоднородность. Содержание и пафос писем писателей “вождю” позволяют выделить (мы, впрочем, понимаем условность такой классификации) несколько групп текстов в зависимости от общей установки автора, его отношения к теме разговора и адресату, широты привлечения жизненного и литературного материала и степени эмоциональности его изложения, прямой или опосредованной связи текста с обстоятельствами частной и творческой жизни адресанта. На наш взгляд, можно говорить о жанровых разновидностях “писем вождю”, среди которых наиболее отчетливо выделяются: письмо-инвектива, письмо-декларация, письмо-памфлет, письмо-жалоба / просьба / оправдание, письмо-дифирамб / письмо с выражением радости / “отчет о проделанной работе”, письмо-донос, письмо-сатира.

⁷ Стремясь к наиболее полному охвату материала и к наибольшей аргументированности наших суждений, мы позволим себе хотя бы в сносках в качестве дополнения перечислять “письма вождю”, которые мы не смогли подробно проанализировать в нашей статье.

Письмо-инвектива⁸ содержит обвинения и даже вызов властям (открытое письмо Ф.Ф. Раскольникова И.В. Сталину) или более сдержанную по тону, но решительную критику существенных сторон деятельности властных органов и лиц (письма В.Г. Короленко). Авторы таких писем не затрагивают обстоятельств собственной частной жизни, во всяком случае, не сосредоточены на них. Их позиция – принципиальное инакомыслие (изначальное, как, например, у В.Г. Короленко, не принимавшего “максимализма” большевиков и их методов борьбы, или выработавшееся постепенно, как у Ф.Ф. Раскольникова).

Обращаясь к циклу из 6 писем выдающегося прозаика, публициста, общественного деятеля, редактора-издателя журнала “Русское богатство” (1904–1918 гг.) и “беспартийного социалиста” (как он сам себя называл) В.Г. Короленко к наркому просвещения А.В. Луначарскому (1920 г.)⁹, мы, с одной стороны, получаем одно из свидетельств усилий большевистского правительства привлечь на свою сторону лояльных деятелей культуры (каковым, безусловно, считался “политически неблагонадежный” при старом режиме, прошедший тюрьмы и ссылки Короленко), а с другой – можем судить о позиции писателя в последний период его творчества (1917–1921 гг.). Как известно, Короленко никогда не относил себя к революционерам, хотя до конца жизни поддерживал с ними тесные отношения. Главным он считал мирную проповедь культуры, укрепление законности, повышение правового самосознания личности, уничтожение остатков крепостничества во всех его проявлениях. Не принявший Октябрьскую революцию, он выступал против «опыта введения социализма посредством подавления свободы». Можно сказать, что это основная тема писем. Инициатором этой (так и оставшейся односторонней) переписки был В.И. Ленин¹⁰. 7 июня 1920 г. состоялась встреча Короленко и Луначарско-

⁸ Писем этого типа не так уж много, и нам удалось в рамках статьи рассмотреть все письма-инвективы, написанные в сталинскую эпоху.

⁹ В.Г. Короленко – А.В. Луначарскому, 19 июня, 11 июля, 4 августа, 19 августа, конец августа – сентябрь, 22 сентября 1920 г. // *Незретов И.И.* В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества, 1917–1921. М., 1990. С. 232–268.

¹⁰ По воспоминаниям Р.Д. Бонч-Бруевича, Ленин сетовал на то, что Короленко, этот выдающийся человек и писатель, «не понимает дух нашей революции. ...Надо просить А.В. Луначарского вступить с ним в переписку: ему удобней всего, как Комиссару народного просвещения и к тому же писателю. Пусть попытается, как он это отлично умеет, все по-

го, после которой писатель начал работать над циклом писем в ответ на обещание наркома опубликовать их переписку. Луначарский письма не опубликовал, не ответил на них и не подтвердил их получение. По всей видимости, письма показали, что писатель, с точки зрения властей, “безнадежен”.

Письма-инвективы появлялись и в последующие десятилетия, правда, создавались они в более трагических личных обстоятельствах. Открытое письмо Сталину Ф.Ф. Раскольникова (1939 г.)¹¹, написано из эмиграции человеком, до определенного момента верно служившим режиму, человеком, лишенным иллюзий относительно происходившего в стране. Основываясь на фактах, Раскольников обвиняет Сталина в том, что именно он является истинным “врагом народа”, “вредителем”, организатором голода и террора, истребляющим лучших людей с целью обеспечить безопасность режим личной власти; адресант пророчит ему суд истории и советского народа. При всей эмоциональности и гневной патетике письма, оно очень четко и последовательно выстроено.

Другой тип писем, который мы условно назвали **письмом-декларацией**¹², содержит в достаточно развернутом виде разъяснение позиций автора по важнейшим мировоззренческим и творческим вопросам. Появление этой группы текстов несколько иначе мотивировано, нежели появление писем-инвектив: это ответы на публичную критику, вызвавшую авторский протест. Поэтому содержанием таких писем является изложение политических взглядов или творческого кредо самого автора письма с целью разъяснить свою позицию в глазах властей и читающей публики. Эти письма нередко содержат и критику действий властного органа или лица, но эта критика более сдержанная, не исключаящая, а иногда и направленная на поиски приемлемого компромисса с режимом (например, письма А.А. Богданова А.В. Луначарскому, Н.И. Бухарину, Е.М. Ярославскому); в некоторых случаях письма эти имеют целью

подробней рассказать Владимиру Галактионовичу... Может быть, перестанет осуждать и поможет нам в деле утверждения советского строя на местах» (В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 507–508).

¹¹ Ф.Ф. Раскольников – И.В. Сталину, 17 августа 1939 г. // Осмыслим культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 609–611.

¹² Своеобразный “урок царям” содержится в письме И.Г. Эренбурга И.В. Сталину (И.Г. Эренбург – И.В. Сталину, 13 сентября 1934 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 718–719). Это письмо писателя, дающего рекомендации властям, признанным им и признающим его без критики их.

отклонить навет, привлечь внимание к судьбе адресанта (например, письмо М.А. Булгакова Правительству СССР).

К категории писем-деклараций относятся некоторые письма А.А. Богданова, видного революционного деятеля, разошедшегося в 1910 г. с большевиками, ученого, автора романов “Красная звезда” и “Инженер Мэнни”. Одно из писем адресовано А.В. Луначарскому (1917 г.)¹³, с которым автора связывали дружеские отношения, и является развернутым ответом на письмо наркома, содержащее приглашение возглавить один из отделов Комиссии по народному образованию – Отдела пролетарской культуры. Свой отказ Богданов обосновывает не только материальными соображениями, но и, в первую очередь, глубокими идейными расхождениями с бывшими соратниками, не отказываясь, однако, работать на благо страны. Поводом для второго, открытого письма (Н.И. Бухарину из Лондона, 1921 г.)¹⁴ послужило знакомство со статьей Бухарина “К Съезду Пролеткультов” (Правда, 22 ноября 1921 г.), где содержится критика позиции и взглядов Богданова, ошибочно сближаемого с меньшевиками, а сам он объявляется “банкротом”. Тон и язык письма существенно отличаются от живого текста, адресованного Луначарскому, и его дружеского тона. Письмо Бухарину суховато и почти официально. Богданов педантично указывает оппоненту на допущенные ошибки в трактовке его партийного прошлого и отношения к пролетарской культуре. Письмо Бухарину Богданов отослал в “Правду”, сопроводив его запиской с просьбой опубликовать¹⁵. Более резкое по тону – открытое письмо Е.М. Ярославскому (1921 г.)¹⁶, также отосланное в “Правду” и тоже не опубликованное этой газетой¹⁷. Оно явилось реакцией на два разгромных выступления Е.М. Ярославского в “Правде” (13 ноября и 19 декабря 1923 г.) с критикой так называемой “богдановщины”. Богданов делает ставку на открытую полемику, и потому выстраивает текст письма аналогично посланию Бухарину: пункт за пунктом он отвергает предъявленные ему об-

¹³ А.А. Богданов – А.В. Луначарскому, 19 ноября / 2 декабря 1917 г. // *Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет.* М., 1990. С. 352–355.

¹⁴ А.А. Богданов – Н.И. Бухарину, 10 декабря 1921 г. // *Письма вождям: Русская интеллигенция и советская власть / Сост. Е.Б. Скороспелова, Е.В. Суровцева.* М.: Русская энциклопедия (в печати).

¹⁵ А.А. Богданов – в редакцию “Правды”, 17 декабря 1921 г. // Там же.

¹⁶ А.А. Богданов – Н.И. Бухарину, 10 декабря 1921 г. // Там же.

¹⁷ Письмо отправлено в редакцию “Правды” с сопроводительным текстом, в котором содержалась просьба опубликовать письмо Е.М. Ярославскому – А.А. Богданов. В редакцию “Правды”, 19 декабря 1923 г. // Там же.

винения в оппортунизме, в связях с группой “Рабочая Правда” (без его ведома, в вульгаризированном виде использовавшей его тезисы), показывает, что автор статей знает о его теории только понаслышке¹⁸.

Богданов превращает в декларацию своих научных и политических воззрений даже заявление на имя начальника ГПУ Ф.Э. Дзержинского (1923 г.)¹⁹ в связи с необоснованными обвинениями и арестом. Богданов оскорблен тем, что его, старого работника, который в самый разгар борьбы сознательно отошел от нее, посчитав более дальновидным развитие культуры и науки, – его теперь обвиняют в “мелкой подпольной работе”. Богданов говорит о задачах, которые стояли и стоят перед ним как ученым, озабоченным развитием советского государства и мирового социалистического движения; затем он решительно отвергает собственно обвинения в связях с “Рабочей Правдой”, цитирующей его в своих программных документах и воззваниях; наконец, он просит Дзержинского допросить его лично.

Еще один яркий образец письма-декларации (мировоззренческой и творческой) принадлежит перу М.А. Булгакова²⁰. Точнее, этот текст объединяет в себе тип письма-просьбы (жалобы) и тип письма-декларации. Речь идет о развернутом обращении Булгакова к Правительству СССР (1930 г.), в котором, кроме констатации своего тяжелейшего материального, физического и морального состояния и настоятельной просьбы о выезде, дается литературный и политический портрет автора, доказывается невозможность существования Булгакова как писателя в СССР. Текст письма разбит на 11 неравных частей, структурированных как логически, так и эмоционально. В конце писатель формулирует свою основную просьбу: «Я прошу Правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР...» Он рассматривает ситуацию отказа – в этом случае он просит командировать его (все его собственные попытки получить работу успеха не имели) на работу в театр на любую должность²¹. Ответом на это письмо стал звонок Сталина 18 апреля 1930 г., внушивший писателю большие надежды, но реально имевший лишь одно позитивное последствие: Бул-

¹⁸ А.А. Богданов – Е.М. Ярославскому, 19 декабря 1923 г. // Там же.

¹⁹ А.А. Богданов – Ф.Э. Дзержинскому, 27 сентября 1923 г. // Там же.

²⁰ М.А. Булгаков – Правительству СССР, 28 марта 1930 г. // *Булгаков М.А. Собр. соч.* в 5 т. М., 1990. Т. 5. С. 443–450.

²¹ Там же. С. 449.

гаков был принят на службу в Художественный театр. Его произведения по-прежнему не печатались.

Письмо-памфлет – жанр редкий. Традиционная для памфлета экспрессия (в данном случае ирония и сарказм), легкость и краткость (почти лозунговость) слога, открытая тенденциозность близки дарованию сатирика. Среди писем анализируемого периода наиболее яркий (если не единственный) пример²² – письма-памфлеты А.Т. Аверченко (1918, 1920 гг.)²³, созданные им в эмиграции, на имя В.И. Ленина, где опальный сатирик выражает ироническое сочувствие вождю пролетариата, лишенному, вследствие занятости реализацией великих идей, простых человеческих радостей. Письма написаны живым разговорным языком с элементами просторечий и новояза революционной эпохи. Им свойственна непринужденная, почти задушевная (в первом) и фамильярная (во втором) интонация, за которой едва прячется насмешка, язвительная критика новых властей и “новой” России. Письма-памфлеты Аверченко производят эффект пощечины подобно текстам инвективного характера. Немалую роль в этом играет мастерство сатирика, сумевшего облечь обвинительные тезисы в форму дружеской болтовни. И Бог, и большая литература, и нормальные человеческие радости, и он сам, писатель Аверченко, отторгнуты в его восприятии Советской Россией – отсюда и трагизм, угадывающийся за насмешливыми строчками, и ностальгические нотки по той родине, что навсегда ушла в прошлое.

Письмо-жалоба / просьба / оправдание – наиболее распространенный жанр среди анализируемых текстов, в особенности в 1930-е годы, что связано с усилившимися со стороны властей и официальной критики гонениями на представителей советской интеллигенции, в том числе писателей, в чьей творческой или жизненной позиции читался хотя бы намек на инакомыслие. Это период, на который пришелся пик политических репрессий, затронувших или даже уничтоживших физически многих писателей. Такие письма обращены, как правило, к высшей инстанции, Сталину, или его ближайшим соратникам; в них рисуется картина беспощадной и унижительной травли, приводящей художника на

²² Однако, на наш взгляд, черты памфлета свойственны и письмам В.В. Маяковского А.В. Луначарскому (В.В. Маяковский – А.В. Луначарскому, 21 ноября 1918 г., конец ноября – начало декабря 1920 г. // *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. в 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 14–15, 17–20).

²³ А.Т. Аверченко – В.И. Ленину, весна 1918 г., 1920 г. // *Столица.* 1990. № 1. С. 20–21.

грань нищеты и душевной болезни, лишаящей его возможности доводить свой труд до читателя в СССР; выражается надежда на восстановление справедливости, нередко содержится просьба о выезде за пределы страны.

Обычно этот эпистолярный материал рассматривается литературоведами в двух аспектах: бытовом – как свидетельство невыносимой личной и творческой жизни того или иного писателя, и политическом – как факт “заигрывания” художника с властью, приведшего к постыдным компромиссам. Этическая оценка поиска этих компромиссов обычно однозначно негативная: «Странными и стыдными могут нам сейчас показаться попытки таких людей, как Мандельштам, Пастернак, Платонов, Булгаков, наладить диалог, взаимопонимание с всезнающей, мудрой, меценатствующей тиранической властью, которая тоже – надо отдать должное – вела встречный поиск, нуждалась в этом диалоге. Только с большого временного отстояния видно, что ничего, кроме предательства по отношению к искусству, и смерти – гражданской, творческой, физической – не могло быть на этих столь страстно, тщательно втискиваемых стыках»²⁴. Однако, по справедливому замечанию другого исследователя, при таком внеисторическом подходе остается без внимания целый комплекс «существенных проблем..., связанных с осмыслением мировоззренческих и психологических противоречий, исторических заблуждений, иллюзий... ценностных ориентаций, присущих художественной интеллигенции» этого периода²⁵. Надо учитывать, что сама интеллигенция была очень разнородна, ведь между теми, кто порвал с Россией из-за идейной несовместимости с большевистской властью, и теми, кто искренне верил в идеи социализма и старался самоотверженно им служить, было много людей сомневающихся и мятущихся. Именно они вместо восхваления власти или суровой критики ее искали разные варианты компромиссных взаимоотношений с ней, ибо атмосфера общественной и политической жизни страны тех лет была таковой, что уйти от политики, от истории, игнорировать власть, особенно писателю и “борцу идеологического фронта”, каковым он с неизбежностью воспринимался, было совершенно невозможно. Поэтому задача исследователя, как нам кажется, – бережно и непредвзя-

²⁴ Гангус А.М. Что ты сделал с братом твоим? // Театр. 1989. № 6. С. 94.

²⁵ Вахитова Т.М. Письма М. Булгакова Правительству как литературный факт // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1995. Кн. 3. С. 5.

то отнестись к обширному материалу на эту тему, часть которого мы выбрали для анализа.

В некоторых письмах анализируемого типа звучат оправдательные интонации (М.М. Зощенко), которые могут парадоксально переплетаться с иронией (А.П. Платонов) и даже с доносом (А.А. Фадеев) или разворачиваться до творческой декларации (М.М. Булгаков, Е.И. Замятин)²⁶.

²⁶ Письма этого типа создавали и другие литераторы: Д. Бедный – И.В. Сталину, 8 декабря 1930 г. (И.В. Сталин – Д. Бедному, 12 декабря 1930 г.) // *Власть и художественная интеллигенция...* С. 132–133, 134–137; Д. Бедный – в Секретариат ЦК ВКП(б), 22 апреля 1932 г. // “Счастье литературы”... С. 117–118; А.С. Грин – в правление Всесоюзного Союза Советских писателей и управляющему делами Союза Григоровичу, 26 августа 1931 г.; управляющему делами Союза Григоровичу, 11 апреля 1932 г. // *Воспоминания об Александре Грине...* С. 560–561, 564–565 (к сожалению, в доступных нам источниках инициалы Григоровича выяснить не удалось); И. Приблудный – Акулову, 3 октября 1931 г.; Фельдману, октябрь 1931 г. // *Растерзанные тени. Избранные страницы “дел” 20–30-х годов ВЧК–ОГПУ–НКВД, заведенных на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов Сергея Есенина / Сост. Ст. Куняев, С. Куняев, М., 1995. С. 237–238* (к сожалению, в доступном нам источнике не указаны инициалы Акулова и Фельдмана); Б.А. Пильняк – И.В. Сталину, 4 января 1931 г. (И.В. Сталин – Б.А. Пильняку, 7 января 1931 г.), в ЦК ВКП(б), май 1934 г. // *Власть и художественная интеллигенция...* С. 139–141; И.Э. Бабель – Л.М. Кагановичу, 27 июня 1932 г. // *Власть и художественная интеллигенция...* С. 180, И.Э. Бабель – Л.П. Берия, сентябрь 1939 г.; в Прокуратуру СССР, 5 ноября 1939 г.; в Прокуратуру СССР, 21 ноября 1939 г.; в Прокуратуру СССР, 2 января 1940 г.; в Военную коллегия Верховного Суда, 21 января 1940 г. – текст писем приводится в: *Шенталинский В.О. «Прошу меня выслушать...» (Последние дни Бабеля) // Возвращение / Сост. Е.И. Осетров, О.А. Салынский. М., 1989. Вып. 1. С. 437, 438, 439, 440; М.С. Шагинян – Г.К. Орджоникидзе, 20 февраля 1936 г. и 3 марта 1936 г. // “Литературный фронт”... С. 211, 212–213 (Г.К. Орджоникидзе – М.С. Шагинян, 20 февраля 1936 г. // Там же. С. 212); Ф.И. Панфёров – И.В. Сталину, 22 февраля 1934 г., 10 апреля 1937 г., 4 ноября 1937 г., 19 ноября 1937 г. // *Большая цензура...* С. 310–312, 462, 482–486, 490–491; И.Л. Сельвинский – В.М. Молотову, 30 ноября 1937 г. // “Счастье литературы”... С. 264–265; М.П. Герасимов – Н.И. Ежову, 18 июня 1937 г. // *Растерзанные тени...* С. 430–431; С.А. Клычков – Н.И. Ежову, 14 августа 1937 г. (два письма, датированные одним числом) // *Растерзанные тени...* С. 341–345, 346; В.Ф. Наседкин – Н.И. Ежову, 1937 г. // *Растерзанные тени...* С. 379–381; П.В. Орешин – Н.И. Ежову, 15 ноября 1937 г. и 4 декабря 1937 г. // *Растерзанные тени...* С. 406–408, 408–410; Н.Н. Асеев – А.А. Жданову, 9*

Сначала обратимся к письмам во власть М.М. Зощенко, которые относятся к 1940-м годам. Первое письмо И.В. Сталину (1943 г.)²⁷ было написано в тот момент, когда после появления первой половины повести “Перед восходом солнца”, завершённой в 1943 г., в журнале “Октябрь” у писателя возникли трудности с продолжением ее публикации. В своем письме Зощенко настаивает на том, что в произведении нет ничего антисоветского, что несправедливо «оценивать работу по первой ее половине». Письмо очень интимно. Создается впечатление, будто писатель беседует со Сталиным как с человеком, а не как с вождем. В письме лексически подчеркивается иерархичность отношений вождя и писателя: «беру на себя смелость просить Вас». Но подпись совсем неофициальная: «Сердечно желаю Вам здоровья». Ответа на свое письмо Зощенко не получил. В декабре 1943 г. в прессе появились разгромные отклики на повесть. Ее публикация была прекращена.

В 1944 г. Зощенко пишет оправдательное письмо в ЦК партии на имя секретаря ЦК А.С. Щербакова²⁸. Простым, почти разговорным языком, без риторических украшений, Зощенко просит позволить ему работать для советского народа, обещает заглавить свою вину. Возможность печататься Зощенко получает только в конце 1944 г.

Перепечатка (без ведома автора) в журнале “Звезда” рассказа для детей “Приключения обезьяны” в 1946 г. послужила одним из поводов к началу кампании против М.М. Зощенко и А.А. Ахматовой. В августе появилось печально знаменитое постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», а также доклад А.А. Жданова на ту же тему²⁹. Основную мысль второго письма Сталину (1946 г.)³⁰ можно сформулировать словами самого писателя: «Я никогда не был антисоветским человеком». Зощенко признает, что «делал иной раз ошибки», но признать себя низким человеком он никак не может. В том же году Зощенко и Ахматову исключили из Союза советских писателей.

октября 1940 г.; В.М. Молотову, 2 декабря 1943 г. // “Литературный фронт”... С. 55–57, 87–88; И.Г. Эренбург – И.В. Сталину, 15 апреля 1945 г. // “Литературный фронт”... С. 156–157.

²⁷ М.М. Зощенко – И.В. Сталину, 25 ноября 1943 г. // Дружба народов. 1988. № 3. С. 169.

²⁸ М.М. Зощенко – А.С. Щербакову, 8 января 1944 г. // “Литературный фронт”... С. 105–106.

²⁹ См.: Доклад т. Жданова о журналах “Звезда” и “Ленинград” // За высокую идейность советского искусства. М., 1946. С. 25–27, 28–29.

³⁰ М.М. Зощенко – И.В. Сталину, 26 августа 1946 г. // Дружба народов. 1988. № 3. С. 173–174.

В том же 1946 г. было написано письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову³¹. Зошенко приводит доказательства того, что его работа приносит «пользу и радость советскому читателю», пытается убедить адресата, что никогда «никаких злых намерений не имел».

А.П. Платонов впервые подвергся критике в 1929 г., когда на страницах журнала “Октябрь” был опубликован его рассказ “Усомнившийся Макар”. Сам Сталин дал отрицательную характеристику произведению, после чего последовала целая серия разгромных статей. В 1931 г. в журнале “Красная новь” была напечатана платоновская повесть “Впрок”. Повесть эта привела вояжу в ярость. Дело в том, что действие происходило сразу после публикации сталинской статьи “Головокружение от успехов” в “Правде” (2 марта 1930 г.) и Иосиф Виссарионович увидел в повести не только продолжение “сомнений” Макара в отношении политики коллективизации, но и полемику со своей статьей. Фадеев, бывший в то время редактором “Красной нови”, видимо, движимый желанием оправдаться перед властью, сразу после вспышки сталинского гнева напечатал на страницах журнала статью “Об одной кулацкой хронике”, в которой назвал Платонова «кулацким агентом», а его повесть – «контрреволюционной по содержанию»³². После ударов критики Платонов пишет два варианта покаянного письма в “Литературную газету” и в “Правду”. Письмо формально обращено А.М. Горькому, исполнявшему роль представителя высшей инстанции³³. В нем звучат покаянные интонации, слова оправдания, обещания искупить свои ошибки будущей работой. Вместе с тем, прав В.Я. Лакшин, отметивший, что Платонов «написал ироническое письмо, в котором известил “инстанции”, что делает из этой истории свой вывод: просит назначить редактором журнала его, Андрея Платонова. Ведь “Впрок” читало, написал он, шестнадцать редакторов и корректоров да еще политцензор, и никто ничего дурного в повести не приметил, иначе бы она не вышла в свет. Так что если он плохой писатель и написал неудачную повесть, то уж редактором он мог бы быть не хуже тех товарищей»³⁴.

³¹ М.М. Зошенко – А.А. Жданову, 10 октября 1946 г. // “Литературный фронт”... С. 252–259.

³² Фадеев А.А. Об одной кулацкой хронике // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии / Сб. сост. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубина. М., 1994. С. 276.

³³ А.П. Платонов – А.М. Горькому, март 1931 г. // Андрей Платонов... С. 279–280.

³⁴ Лакшин В.Я. Открытая дверь: Воспоминания, портреты. М., 1989. С. 76–77.

До конца жизни Платонов имел репутацию неугодного писателя. Очень редко он получал возможность публиковать свои произведения.

В декабре 1941 г. А.А. Фадеев пишет письмо, адресованное И.В. Сталину, А.А. Андрееву, А.С. Щербакову³⁵. Главная цель этого письма – оправдаться, снять с себя обвинение, предъявленное Фадееву писателями в октябре 1941 г., в том, что Фадеев не справился с возложенным на него заданием эвакуировать литераторов из Москвы и “самовольно” оставил столицу. Фадеев по пунктам излагает аргументы в пользу своей невиновности. Однако “ябеднические” нотки, сближающее это письмо с доносом, все же прорываются («Кирпотин моих распоряжений не выполнил и уехал один...» и т.п.)³⁶.

Обратимся теперь к письмам М.А. Булгакова. Два из них предшествуют анализовавшемуся выше письму к Правительству СССР, два других, адресованные лично Сталину, написаны позже. К 1926 г. Булгаков уже был автором “Белой гвардии” и “московских” повестей, он активно работал для театра. Во второй половине 1920-х началась травля писателя в печати, а уже к концу сезона 1928/29 г. его пьесы оказались выброшенными из текущего репертуара. В конце 1920-х у писателя был произведен обыск, изъяты все рукописи. В 1929 г. писатель В.Н. Билль-Белоцерковский обратился к Сталину с вопросом, как могла появиться и даже быть поставлена пьеса “Дни Турбиных”, в которой явно ощутимо сочувствие белым. Сталин ответил ему письмом, известным под названием “Ответ Билль-Белоцерковскому”, где очень внятно разъясняется позиция вождя, неоднократно посещавшего спектакль по этой пьесе во МХАТе, и дается установка на то, как нужно относиться к другим пьесам Булгакова и вообще к “непролетарской” литературе³⁷. Письмо это лишь утвердило репутацию Булгакова как антисоветского писателя. Травля продолжалась. В том же 1929 г. Булгаков пишет письмо И.В. Сталину, М.И. Калинину,

³⁵ А.А. Фадеев – И.В. Сталину, А.А. Андрееву, А.С. Щербакову, 13 декабря 1941 г. // Там же. С. 68–71.

³⁶ Такое же сочетание оправдания и доноса мы видим в письмах Ф.И. Панфёрова (Ф.И. Панфёров – А.Н. Поскрёбышеву, 10 февраля 1932 г. // Большая цензура... С. 233–235) и Б.А. Пильняка (Б.А. Пильняк – А.И. Микояну, 25 мая 1936 г. // “Литературный фронт”... С. 15–16).

³⁷ Сталин И.В. Ответ Билль-Белоцерковскому, 2 февраля 1929 г. // Сталин И.В. Соч. в 13 т. М., 1953. Т. 11. С. 326–329.

А.И. Свидерскому, А.М. Горькому³⁸ о своем трудном положении с просьбой о выезде из СССР. Булгаков перечисляет все свои злоключения – обыск, запрещение произведений и многое другое. И результат – надломленные силы, невозможность печататься и ставиться в СССР. Писатель просит изгнать (не отпустить!) его за пределы страны вместе с женой Любовью Евгеньевной. Ответа на письмо не последовало. В этом же году Булгаков пишет письмо секретарю ЦИК А.С. Енукидзе³⁹ с просьбой походатайствовать о выезде за границу. Этот короткий текст, внешне соблюдающий приметы канцелярского стиля, – крик души, всплеск эмоций. Следующим было письмо Правительству СССР (1930 г.) и после этого – звонок Сталина писателю. Помня об этом разговоре, но так и не дождавшись приглашения для встречи, Булгаков опять напоминает о себе и пишет письмо лично Сталину (1931 г.)⁴⁰. Просьба писателя все та же: выезд за границу. Булгаков определяет причины своей болезни: «многолетняя затравленность, а затем молчание». Но эмигрировать он не собирается, напротив, он высказывает мысль, прямо противоположную той, которая поставлена в центр текста письма к Правительству СССР: «Мне нужно видеть свет и, увидев его, вернуться»⁴¹. Он докладывает Сталину о том, что ему удалось сделать за год, но далее констатирует физический и душевный надрыв. В этом письме нашла свое отражение заветная мечта Булгакова – мечта о встрече с вождем. Оставленное без ответа письмо это все же вызвало некоторую реакцию со стороны власти: были разрешены к постановке пьесы “Мертвые души” и “Мольер”, возобновлены на сцене МХАТа “Дни Турбиных”. Вновь письмо Сталину написано Булгаковым в 1934 г.⁴² Оно совершенно иного рода: писатель рассказывает Сталину трагикомическую историю, связанную с его попыткой выехать на гастроли за границу с трупом МХАТа. Он излагает ситуацию со всеми подробностями, большое внимание уделяет и описанию своего эмоционального состояния. Первая часть письма напоминает небольшой фельетон о

³⁸ М.А. Булгаков – И.В. Сталину, А.И. Свидерскому, М.И. Калинину, А.М. Горькому, начало июня 1929 г. // *Булгаков М.А. Собр. соч.* В 5 т. М., 1990. Т. 5. С. 431–433.

³⁹ М.А. Булгаков – А.С. Енукидзе, 3 сентября 1929 г. // Там же. С. 434–435.

⁴⁰ М.А. Булгаков – И.В. Сталину, 30 мая 1931 г. // Там же. С. 454–457.

⁴¹ Там же. С. 456.

⁴² М.А. Булгаков – И.В. Сталину, 10 июня 1934 г. // Там же. С. 508–511.

работе совслужащих. Вторая часть содержит фразу о нанесенной обиде и просьбу о заступничестве (реакции не имевшей).

Е.И. Замятин, несмотря на свое революционное прошлое, всегда был “неудобным” писателем, еретиком. Свидетельства тому – его роман-антиутопия “Мы” (1921 г.), статья 1921 г. “Я боюсь”, в которой он писал: «Главное в том, что настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, еретики, отшельники, мечтатели, бунтари, скептики»⁴³. Широкая кампания против Замятина началась после публикации осенью 1929 г. без ведома автора в пражском журнале “Воля России” сокращенного варианта романа “Мы”.

Обреченный на творческое молчание, Замятин в 1931 г. обратился с письмом на имя Сталина с просьбой выпустить его за границу⁴⁴. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что на Западе на него будут смотреть «как на большевика», но другого выхода он не видел. Он понимал, что в Советской России он не сможет творить, т.к. привык «писать по совести, а не по команде», а за границей будет «в состоянии писать и печататься – хотя бы даже и не по-русски»⁴⁵. Письмо Замятина обдуманно, лаконично, логично. Сама просьба изложена после описания истории гонений. Писателю не изменяет в этом эпистолярном документе свойственная ему ирония и самоирония – это проявляется на уровне игры слов, обнажения абсурдности некоторых критических статей и действий литературных чиновников. Советское правительство не без посредничества Горького удовлетворило просьбу Замятина о выезде.

Несколько выделяются в рамках данной группы письма М.А. Булгакова и М.А. Шолохова, адресованные И.В. Сталину⁴⁶.

В 1938 г. М.М. Булгаков пишет И.В. Сталину⁴⁷ в последний раз, пытаясь подействовать облегчению судьбы драматурга Н.Р. Эрд-

⁴³ Замятин Е.И. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и коммент. А.Ю. Галушкина. М., 1999. С. 52.

⁴⁴ Е.И. Замятин – И.В. Сталину, июнь 1931 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 153–157.

⁴⁵ Там же. С. 156.

⁴⁶ К этим письмам примыкает письмо А.А. Ахматовой и письмо, подписанное Н.С. Тихоновым, И.Г. Эренбургом и С.Я. Маршаком (А.А. Ахматова – И.В. Сталину, 24 апреля 1950 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 662; Н.С. Тихонов, И.Г. Эренбург, С.Я. Маршак – Л.П. Берия, 22 марта 1945 г. // Там же. С. 534).

⁴⁷ М.А. Булгаков – И.В. Сталину, 4 февраля 1938 г. // Булгаков М.А. Собр. соч. в 5 т. М., 1990. Т. 5. С.559.

мана, сосланного в Енисейск за «сатирические басни», возмущившие власти. В письме говорится о процветании искусств при вожде, и на этом помпезном фоне Михаил Афанасьевич живописует превратную судьбу талантливого, безвинно страдающего драматурга. Булгаков просит, чтобы Эрдману позволили вернуться в Москву и «беспрепятственно трудиться в литературе».

Случай М.А. Шолохова – один из редких случаев продолжительного (1930–1950-е годы) эпистолярного и личного общения писателя с вождем⁴⁸. Общественный темперамент казака и заинтересованность в судьбах земляков мотивировали целый ряд письменных обращений Шолохова лично к Сталину и в ЦК партии. Другой причиной стали трудности с публикацией и переизданием романов “Тихий Дон” и “Поднятая целина”, а в подтексте – кампания политической травли автора со стороны рапповской критики и запущенный почти одновременно (конец 1920-х годов) слух о плагиате. Эти последние обстоятельства послужили поводом для конфиденциальной встречи Шолохова со Сталиным, устроенной Горьким 28 декабря 1931 г., однако в их переписке преобладают иные мотивы. Со своей стороны власть в случае с Шолоховым пошла на открытый диалог с писателем, всегда подчеркивавшим свою лояльность ей, состоявшим в компартии и приобретшим в 1930-е годы мировую известность как автор эпопеи о Гражданской войне. Кроме того, власть возлагала на Шолохова надежды, связанные с созданием столь же высокохудожественного и вместе с тем идеологически правильного произведения о партии и вожде. Определенные, но недостаточные, по мнению властей, шаги на этом пути были сделаны писателем в “Поднятой целине”. Итак, с начала 1930-х годов начинаются личные встречи Шолохова со Сталиным и их переписка, одна часть которой относится именно к этому периоду, другая же касается репрессий 1937–1938 гг.

Два первых письма Шолохова Сталину посвящены хозяйственным проблемам юга России, в частности Вёшенского района. В первом письме (1931 г.)⁴⁹ Шолохов пишет: «В колхозах целого ря-

⁴⁸ В журнале регистрации Сталина в Кремле зафиксировано 12 встреч Шолохова с вождем. Еще о двух (незафиксированных) вспоминал сам писатель. В изданной в 1997 г. переписке Шолохова со Сталиным значится 8 писем и 7 коротких записок, адресованных писателем вождю, 2 телеграммы и одно ответное письмо (Писатель и вождь: Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным, 1931–1950 годы: Сб. док-тов из личного архива И.В. Сталина / Сост. Ю.И. Мурин. М., 1997).

⁴⁹ М.А. Шолохов – И.В. Сталину, 16 января 1931 г. // Писатель и вождь... С. 22–26.

да районов Северо-Кавказского края создается столь угрожающее положение, что я считаю необходимым обратиться прямо к Вам». Писатель указывает на то, что в колхозах от бескормицы начался массовый падеж скота. Это письмо – крик души патриота своей земли и страны. В следующем письме Сталину (1932 г.)⁵⁰ Шолохов хочет обратить внимание вождя на то, что «во время сева колхозниками расхищается огромное количество семенного зерна», и это «хищение... носит массовый характер, а зачастую – организованный...» Шолохов высказывает конкретные практические предложения относительно того, как бороться с воровством (тут же упоминается «указ 7/8»). Глубокая осведомленность писателя в хозяйственных вопросах сообщает его письмам черты делового документа (хозяйственно-экономического отчета, аналитической записки) – с той существенной разницей, что письма Шолохова очень эмоциональны, каждая цифра в них увязана с индивидуальными судьбами земляков писателя. Шолохов не допускает обличительных интонаций в адрес верховной власти, просит у Сталина помощи.

Чудовищным бесчинствам местных властей, оправдываемым директивами сверху, посвящено третье письмо Шолохова Сталину (1933 г.)⁵¹. Это длинное отчаянное послание о беззакониях, творящихся в Вёшках, где начался голод по вине краевого руководства, в том числе секретаря Северо-Кавказского обкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева и особого уполномоченного Г.Ф. Овчинникова. Сталин ответил Шолохову телеграммой (1933 г.)⁵², в которой благодарит писателя за сообщение, просит назвать точную цифру – размер необходимой помощи. В тот же день Шолохов отвечает вождю⁵³. Он называет размер продовольственной помощи, которая необходима Вёшенскому и Верхне-Донскому районам, пишет о трудностях с севом, о своей телеграмме в «Правду», напечатанной 23 марта 1933 г. под заголовком «Результат непродуманной работы» вместе с примечанием от редакции. Шолохов указывает на ряд вопросов, которые требуют скорейшего разрешения, но за которые районные организации не берутся.

Поводом для более поздних писем вождю послужили репрессии, коснувшиеся шолоховских земляков, от которых следственные органы пытались добиться компрометирующих показаний на

⁵⁰ М.А. Шолохов – И.В. Сталину, 29 октября 1932 г. // Там же. С. 26–28.

⁵¹ М.А. Шолохов – И.В. Сталину, 4 марта 1933 г. // Там же. С. 28–58.

⁵² И.В. Сталин – М.А. Шолохову, 16 апреля 1933 г. // Там же. С. 58.

⁵³ М.А. Шолохов – И.В. Сталину, 16 апреля 1933 г. // Там же. С. 59–67.

самого писателя. Так, в ноябре 1936 г. органами НКВД был арестован член бюро Вёшенского райкома ВПК (б) П. Красюков, а в июне 1937 г. – секретарь того же райкома П. Луговой и председатель Вёшенского райисполкома А. Логачев. Шолохов начинает борьбу за них, пытается добиться встречи со Сталиным, решается на своеобразный политический протест, отказавшись от поездки в июле в составе делегации на 2-й Международный антифашистский конгресс писателей в Испании. Власти отреагировали на дерзкое своеволие писателя достаточно мягко, и в результате контактов с вождем Шолохову удалось добиться освобождения земляков. Однако эта история имела продолжение: освобожденные поведали Михаилу Александровичу о преступных методах следствия по выбиванию нужных сведений. В 1938 г. писатель излагает эти факты в большом письме вождю⁵⁴, где выражает свое категорическое несогласие с формулировкой решения об освобождении земляков. Писатель настаивает на том, что истинные враги – не пресловутые белогвардейцы, а те “коммунисты”, которые сидят в обкоме. Шолохов обстоятельно рассказывает о противостоянии вёшенских коммунистов с Шеболдаевым и его окружением, о нежелании крайкома исправить последствия перегибов 1932–1933 гг. С подачи Шеболдаева на Шолохова началась травля – его обвиняли в том, что он “кулацкий писатель”, что он причастен к замышлявшемуся покушению на Сталина и что он похитил у троцкиста Еланкина роман “Тихий Дон”. Шолохов пишет о том, что Луговой, Логачева и Красюкова посадили, придравшись к какому-то пустяку; подробно описывает пытки, которым их подвергли, заставляя оговорить себя и других. Речь идет о притеснениях, которые приходилось терпеть членам его семьи. Но «даже страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия не сломили веры в партию, в Вас у подлинных большевиков, которые, будучи замучены сами, кричали здравицы партии и ее вождю»⁵⁵. Стоит обратить внимание на сочетание в этом и многих других письмах и выступлениях Шолохова дерзости и официоза.

Среди писем Шолохова Сталину есть и такие, в которых ему, как многим его коллегам по перу, приходится вступаться за собственные произведения. В случае с Шолоховым в качестве недоброжелательного оппонента выступил однажды сам Сталин⁵⁶. Письмо

⁵⁴ М.А. Шолохов – И.В. Сталину, 16 февраля 1938 г. // Там же. С. 76–106.

⁵⁵ Там же. С. 106.

⁵⁶ В 1949 г. Сталин поместил в свое Собрание сочинений письмо Феликсу Кону, деятелю польского, российского и международного револю-

Шолохова Сталину (1950 г.)⁵⁷ – отчаянная попытка заступиться за свое детище. Михаил Александрович просит объяснить ему суть допущенных им ошибок и обещает учесть указания вождя при переработке романа для дальнейших изданий. Однако ответа Сталина не последовало.

К **письмам-дифирамбам**⁵⁸ относится письмо Б.Л. Пастернака И.В. Сталину (1936)⁵⁹.

Сталин на рубеже 1924–1925 гг. в беседе с Маяковским, Есениным и Пастернаком выразил желание увидеть перевод стихов грузинских поэтов на русский язык. Впрочем, еще при жизни Маяковского выяснилось, что этот невинный “социальный заказ” имел далеко идущие планы. Л.Г. Горнунг вспоминает, что поэмы Маяковского “Хорошо!” и “Владимир Ильич Ленин” «очень понравились наверху», и прозвучала уверенность, что такие же талантливые поэмы будут написаны и о современном вожде. Когда Маяковский покончил с собой, Пастернаку было сделано предложение «взять на себя эту роль» «придворного поэта». Борис Леонидович «пришел от этого в ужас и умолял не рассчитывать на него»⁶⁰. Таким образом, разговор о переводах грузинской поэзии был своеобразным зондированием, преследовавшим одну цель – создать “карманную” поэзию. Однако спустя некоторое время после встречи с вождем поэт все-таки взялся за переводы, и в марте 1936 г. послал

ционного движения. В этом письме, датированном 9 июля 1929 г. (!), содержится оценка брошюры Е.Н. Микулиной “Соревнование масс” и звучит фраза: «Разве ценность брошюры определяется отдельными частями, а не ее общим направлением? Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем “Тихом Доне” ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтёлкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что “Тихий Дон” – никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?» (*Сталин И.В.* Соч. в 13 т. М., 1949. Т. 12. С. 112).

⁵⁷ М.А. Шолохов – И.В. Сталину, 3 января 1950 г. // Писатель и вождь... С. 140.

⁵⁸ В статье не рассмотрен подтип письма-дифирамба – письмо с выражением радости. Впрочем, на настоящий момент нам удалось отыскать только одно письмо этого типа: Письмо группы поэтов секретарям ЦК ВКП(б), между 23 апреля и 7 мая 1932 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 173–174.

⁵⁹ Б.Л. Пастернак – И.В. Сталину, март 1936 г. // *Шнейберг Л.Я., Кондаков И.В.* От Горького до Солженицына. Пособие для поступающих в вузы. М., 1995. С. 203.

⁶⁰ *Горнунг Л.Г.* Встреча за встречей: Дневниковые записи // Литературное обозрение. 1990. № 5. С. 107.

Сталину книгу своих переводов “Грузинские лирики” (М., 1935). В сборник был включен ряд стихотворений, в традиции восточной панегирической поэзии воспевавших вождя. Поэт сопроводил сборник письмом. Письмо это очень интимно, его отличает чувство собственного достоинства, поражает последовательно проводимой в нем мыслью об органическом единстве «поэта и вождя» как двух разных, может быть, даже полярных начал мироздания: всемогущества вождя – и жизненной уединенности поэта. Как справедливо замечает В.С. Баевский, «обращает на себя внимание дважды выраженное ощущение мистической связи, соединяющей поэта и вождя»⁶¹.

Уместным будет рассмотреть здесь одно из писем М.А. Шолохова (1939 г.)⁶², которое он посылает Сталину из Вёшенской, приурочив его ко дню рождения вождя и окончанию “Тихого Дона”. Это послание отличается от всех прочих текстов Шолохова своей задушевностью. Писатель хочет выпить коньяку, подаренного самим вождем, в день его рождения и пожелать Иосифу Виссарионовичу здоровья и долголетия. Шолохов сообщает также о том, что решил послать Сталину свою статью, сомневаясь, напечатает ли ее “Правда”. В ней вспоминается, как Сталин спас от голода колхозников Азово-Черноморского края, за что колхозники бесконечно благодарны вождю⁶³. В статье по сравнению с письмом усиливается славословие в адрес вождя, здесь есть все основные устойчивые панегирические конструкции. Однако при внимательном прочтении этого шолоховского послания вождю мы обнаружим уже отмечавшийся сплав официоза и “ереси” в пределах одного текста. Именно поэтому у писателя возникли сомнения в возможности публикации этой статьи. Уже в первой строке статьи видим зачин к опасной дискуссии со Сталиным: «В 1933 году... под видом борьбы с саботажем... весь хлеб, в том числе выданный авансом, был изъят... начался голод»⁶⁴. Это ответ на слова Сталина в его письме Шолохову от 6 мая 1933 г., где вождь отчитывает вёшенца за политическую неразборчивость и объективизм: «Я поблагодарил Вас за письма ... Но это не значит, что я во всем согласен с Вами... Хлеборобы Вашего района (и не только Вашего рай-

⁶¹ Баевский В.С. Пастернак-лирик: Основы поэтической системы. Смоленск, 1993. С. 225.

⁶² М.А. Шолохов – И.В. Сталину, 11 декабря 1939 г. // Писатель и вождь... С. 127–129.

⁶³ Писатель вождь... С. 151–153.

⁶⁴ Там же. С. 151.

она) проводили “итальянку” (саботаж)... по сути, вели тихую войну с советской властью»⁶⁵. И это не единственная крамола в письме. Шолохов рискнул прервать замалчивание организованного из Кремля преступления – насильственного вывоза зерна, приведшего к голоду. Кроме того, объектом авторской критики становятся те, кто истово раскручивал маховик культовой машины: «Некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно... оценивать великого человека, не злоупотребляя эпитетами»⁶⁶. Статья все же была опубликована – в газете “Правда” (1939. 23 декабря). Может быть, Сталин рассудил, что о его разногласиях с писателем никто не знает, намек на “эпитеты” могут и не понять, а не обидеться на крамольную статью – это возможность склонить на свою сторону непокорного литератора.

Интересно отметить, что зачастую вождь должен был играть роль третейского судьи и первого читателя⁶⁷. И тогда благодарные писатели обращались к Сталину с «отчетами о проделанной работе» или с благодарственными письмами. В роли высшего цензора выступает Сталин в отношении, например, А.Н. Толстого⁶⁸.

Личность А.Н. Толстого полна противоречий. Писатель бывал чрезвычайно взыскателен к себе, переделывая произведения по многу раз, далеко не всегда в лучшую сторону. Он уничтожал или предавал полному забвению страницы, по каким-то причинам не

⁶⁵ И.В. Сталин – М.А. Шолохову, 6 мая 1933 г. // Писатель и вождь... С. 68–69.

⁶⁶ Писатель и вождь... С. 152

⁶⁷ В.М. Киришин направлял И.В. Сталину свои произведения “на проверку”, сопровождая их письмами (В.М. Киришин – И.В. Сталину, 21 июня 1930 г. (?), 9 октября 1932 г., 3 декабря 1933 г. // Большая цензура... С. 188–189, 258, 302–303).

⁶⁸ Аналогичный случай у А.Е. Корнейчука [А.Е. Корнейчук – И.В. Сталину, 3 сентября 1942 г. (И.В. Сталин – А.Е. Корнейчуку, 1 сентября 1942 г.) // Власть и художественная интеллигенция... С. 479–480] и Ф.И. Панфёрова (Ф.И. Панфёров – И.В. Сталину, 6 апреля 1949 г. // Большая цензура... С. 596). Иного рода “отчеты о проделанной работе” создали М.Е. Кольцов [(М.Е. Кольцов – [в Союз советских писателей], 23 мая 1935 г. // “Счастье литературы”... С. 189–193), Вс.В. Вишневский (Вс.В. Вишневский – В.П. Ставскому, 20 ноября 1937 г. // Там же. С. 256–263) и тот же Ф.И. Панфёров (Ф.И. Панфёров – И.В. Сталину, не позднее 26 февраля 1946 г., 9 марта 1951 г. // Большая цензура... С. 566–567, 637)], чьи письма были написаны не в связи с их художественным творчеством, а в связи с их общественной деятельностью.

удовлетворявшие его, и в то же время создал большое количество однодневок, сочинений заведомо крайне слабых, например, дилогию “Иван Грозный”, весьма конъюнктурную, рисующую противостояние многострадального прогрессивного царя и бояр-ретроградов и изменников. Дилогия была заказана в 1938 г. Комитетом по делам искусств, начата – в первые дни Великой Отечественной войны. Первая часть дилогии – “Орел и орлица” – была негативно оценена А.С. Щербаковым. Толстой направил Сталину вторую часть дилогии, “Трудные годы”, и сопроводил ее письмом (1943 г.)⁶⁹. Он дает весьма высокую оценку личности Грозного (любимого исторического персонажа Сталина!). Писатель просит вождя ознакомиться с “Трудными годами”, ссылаясь на то, что Щербаков не дает ему никакого ответа относительно пьесы, и она лежит без движения, тогда как Малый театр хочет ее поставить. После получения письма Сталин ознакомился с пьесами. Об этих произведениях состоялась беседа вождя с писателем⁷⁰ – явно не без последствий для их “доработки”. В следующем письме вождю (1943 г.)⁷¹ Толстой отчитывается в проделанной работе: «Я переработал обе пьесы» – и перечисляет все сделанные им изменения. Вместе с письмом он посылает Сталину исправленный вариант обеих пьес, отметив красным карандашом все наиболее важные переделки. Автор рьяно выполняет данный ему “социальный заказ”. Через некоторое время после этого письма Толстой пишет Сталину еще одно письмо (1943 г.)⁷² вместе с очередной переработкой пьесы “Орел и орлица”. Автор решил конкретнее обрисовать линию Курбского и феодалов и заострить линию абсолютизма Грозного. Он говорит, что изменил пьесу в лучшую сторону, однако разрешения на постановку все еще нет, и писатель просит вождя это разрешение дать. Создается впечатление, будто писатель переделывает пьесы для того, чтобы угодить вождю. Третье письмо, как и второе, немного напоминает отчет о проделанной работе. Пьесу “Орел и орлица (Иван Грозный)” Малый театр поставил в октябре 1944 г.

⁶⁹ А.Н. Толстой – И.В. Сталину, 2 июня 1943 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 486–487.

⁷⁰ Воспоминания об А.Н. Толстом. М., 1982. С. 44.

⁷¹ А.Н. Толстой – И.В. Сталину, 16 октября 1943 г // Власть и художественная интеллигенция... С. 500.

⁷² А.Н. Толстой – И.В. Сталину, 26 ноября 1943 г. // Там же. С. 501.

Письмо-донос представлено только одним ярким именем – именем А.А. Фадеева⁷³. Эти письма близки жанру служебных записок, написанных официальным лицом. В 1939 г. Фадеев вместе с писателем П.А.Павленко пишет короткое письмо секретарю ВКП(б) А.А. Андрееву⁷⁴ о том, что в списки для награждения включены некоторые крупные писатели, политическое лицо которых внушает сомнение (И.Э. Бабель, Б.Л. Пастернак, Ю.К. Олеша, И.Г. Эренбург). В 1941 г. Фадеевым написано письмо И.В. Сталину, А.А. Жданову, А.С. Щербакову. Это своего рода эпистолярный донос, поводом для которого послужила «политически небезынтересная статья Вересаева» под названием «Об авторах и редакторах», в которой автор критикует произвол редакторов, исправляющих по своему вкусу произведения писателей. Фадеев признает, что «факты редакторского произвола действительно часты», однако усматривает желание Вересаева опорочить редакторов как советских работников и делает намек на политическую неблагонадежность Вересаева и двух других критиков⁷⁵.

Письмо Я.Л. Ларри И.В. Сталину⁷⁶ резко отличается от всего корпуса «писем вождю». Наверное, не будет преувеличением сказать, что это явление, не имеющее аналогов (по крайней мере таковые нами еще не обнаружены). Его можно обозначить как **письмо-сатира**. Автор его выражает желание писать только для Сталина, т.к. ни у одного великого человека еще не было собственного писателя. Ларри намеренно принижает себя – говорит об отсутствии литературных способностей. Он посылает Сталину свое сочинение. Речь идет о семи главах социально-фантастической повести «Небесный гость». Сюжет повести – экспедиция на Землю космического корабля марсиан. В беседах с землянами гости выясняют истинное положение советского общества, недостатки которого и бедность населения автор обуславливает деятельностью партийно-государственного аппарата. Если не быть знакомым с текстом повести, то может создаться впечатление, что перед нами письмо дифирамбического типа. Сомнение в этом может за-

⁷³ Письмо-донос принадлежит также В.П. Ставскому (В.П. Ставский – И.В. Сталину, 16 сентября 1937 г. // Писатель и вождь... С. 69–73).

⁷⁴ А.А. Фадеев, П.А. Павленко – А.А. Андрееву, не позднее 26 июля 1939 г. // «Литературный фронт»... С. 38.

⁷⁵ А.А. Фадеев – И.В. Сталину, А.А. Жданову, А.С. Щербакову, 7 мая 1941 // Там же. С. 64–66.

⁷⁶ Я.Л. Ларри – И.В. Сталину, декабрь 1940 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 468.

родить нежелание автора письма называть свое имя – он подписывается грузинским словом “Кулиджары”. Автор письма умело играет на несоответствии внешних языковых средств и идейного замысла, содержания. Благодаря этому создается сатирический текст. Письмо и повесть Ларри были переправлены в НКВД, и вскоре автора вычислили. В 1941 г. Ларри был арестован по обвинению в сочинении «повести контрреволюционного содержания» и осужден к десяти годам заключения в концлагере с последующим поражением в правах сроком на пять лет.

Диалог художника и власти – тема неисчерпаемая в российском контексте на протяжении всей истории существования русской литературы. Мудрая меценатствующая власть пыталась приблизить к себе “властителя дум”, сделать максимально лояльным, превратить по возможности в своего летописца и даже одописца, нередко терпела “уроки царям”, преподносимые великими писателями и мыслителями, слава и авторитет которых порой, действительно, «возносились выше... Александрийского столпа». В то же время российское самодержавие пыталось наладить диалог с литераторами; тоталитарный советский режим старался не допустить вообще никакого инакомыслия, в особенности публичного, и поэтому многие писатели, решившиеся выразить недоверие власти и критику в ее адрес, равно как и те, что просто не вписались в рамки официального соцреалистического канона, – подвергались опале, гонениям и репрессиям вплоть до физического уничтожения. Эпистолярный аспект темы позволяет выявить эту напряженность взаимоотношений художника и власти в наиболее прямых, не опосредованных художественной обработкой формах, в «химически чистом виде», по словам Замятина⁷⁷.

Анализ широкого круга писем деятелей культуры и искусства советским и партийным чиновникам высокого уровня, относящихся к 1920–1950-м годам, дает богатый материал для изучения проблем развития искусства в тоталитарную эпоху. Мы постарались выявить некоторые жанровые разновидности “письма вождю”, позволяющие представить очень сложную картину взаимоотношений творческой интеллигенции и власти в Советской России / СССР в 1920–1950-е годы. От активного неприятия – до мистического сближения, от обличительных интонаций – до самооправдания и заискивания – таков содержательный и эмоциональный спектр этих текстов. Мы стремились оценить их не только как социокультурное явление, но и как литературный факт своего времени, вы-

⁷⁷ Замятин Е.И. Я боюсь... С. 60.

званный к жизни определенными обстоятельствами и отражающий состояние души, образ мыслей, черты творческой манеры и стиля адресанта-литератора.

Анализ писем, представленный в данной статье, является по большей части литературоведческим и стилистическим. Однако на его основании можно сделать некоторые обобщающие выводы об этом материале как об источнике по истории русской культуры (и не только культуры).

Обращают на себя внимание разница в количестве обсуждавшихся проблем и сам тон их обсуждения в текстах 1920-х, с одной стороны, и 1930–1950-х годов – с другой. Если в первых речь идет не только о конкретной ситуации, послужившей поводом для написания письма, но и о проблемах политических, теоретических, в широком смысле мировоззренческих и авторы их, как правило, рассчитывают на диалог, полемику на равных с адресатом, то в последних смысловое ядро составляет жалоба, просьба, нередко оправдание писателя в ответ на жесткую критику, бесчинства цензуры, гонения; даже при задушевности тона в них ощущается напряжение, вызванное иерархичностью отношений. Диалог на равных с властью, еще допустимый в 1920-е годы, совершенно исключен в сталинскую эпоху. “Вождь” в 1930–1950-е воспринимался не как собеседник и оппонент, пусть даже и высокопоставленный, а как высший судья, высший цензор, наконец, как «*ultimum refugium*⁷⁸ общественной жизни 30–40-х годов»⁷⁹. Хотя в некоторых случаях “вождь” вступал в диалог с писателем, направлял ответные письма⁸⁰, делал телефонные звонки⁸¹, иногда даже удаивал личной встречи⁸², все же это было не сотрудничество, а, скорее, общение с учителем, которому следовало беспрекословно подчиняться.

⁷⁸ Последнее средство (*лат.*).

⁷⁹ Поповский М.П. Дело академика Вавилова... С. 218.

⁸⁰ И.В. Сталин отвечал на письма – например, Д. Бедному (12 декабря 1930 г.), Б.А. Пильняку (7 января 1931 г.), М.А. Шолохову (16 апреля, 22 апреля, 5 мая 1933 г.), А.Е. Корнейчуку (28 декабря 1940 г., 1 сентября 1942 г.); Г.К. Орджоникидзе направил ответное письмо М.С. Шагинян (20 февраля 1936 г.).

⁸¹ И.В. Сталин звонил по телефону М.А. Булгакову (18 апреля 1930 г.) и Б.Л. Пастернаку (20-е числа июня 1934 г., 1936 г.).

⁸² И.В. Сталин встречался с Д. Бедным, Ф.И. Панфёровым, М.А. Шолоховым, А.Е. Корнейчуком, А.Н. Толстым.

М.И. Смирнов
Воспоминания Г.Ф. Харьковцова
как исторический источник

В данной работе исследуются воспоминания участника Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Георгия Фёдоровича Харьковцова. Георгий Фёдорович родился в 1912 г. в станице Косогоры Краснодарского края и умер в 2002 г., оставив после себя труд в виде воспоминаний о годах своей жизни. Родившись на Кубани, Г.Ф. Харьковцов прожил там до начала войны. В первые дни войны Г.Ф. был призван на фронт. На войне он пережил многое. Батарея, в которой он был лейтенантом, после первых тяжелых боев была разбита и взята в окружение немецкими войсками. С этого момента Г.Ф. начал борьбу за выживание на оккупированной территории. Он дважды попадал в плен и дважды сумел бежать, был тяжело ранен в одной из стычек с немецкими патрулями, но выжил. После войны, из-за полученных ранений и начавшихся в связи с этим проблем со здоровьем, он был вынужден перебраться в Абхазию. Там Г.Ф. прожил вплоть до 1990-х годов и был вынужден снова уехать с обжитого места – на этот раз по причине начавшегося грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг.

Новым местом жительства Г.Ф. стала Казань, куда он переехал жить к своему сыну и где продолжил работу по созданию своих воспоминаний. Работа над рукописью началась еще в Абхазии и велась на протяжении нескольких лет. По словам родственников, вскоре после переезда Г.Ф. прекратил работу над воспоминаниями. Читать же воспоминания до смерти их автора никому не довелось. Возможно, все-таки Георгий Фёдорович собирался продолжить работу, но либо по состоянию здоровья, либо по каким-то другим причинам не смог этого сделать. Пролить свет на этот вопрос могли бы дневниковые записи и черновики, но они, к сожалению, были утеряны в спешке переезда из охваченной войной Абхазии. Так что наследникам остался текст рукописи воспоминаний в чистовом варианте и несколько черновых записей. Уже после окончания войны в Абхазии сын Г.Ф. возвращался несколько раз на прежнее место, но найти дневники или хоть какие-то записи не удалось.

Ко мне рукопись воспоминаний попала в том виде, в каком ее, по сути, оставил автор. Она никогда не публиковалась и не изуча-

лась. Но сами по себе воспоминания Георгия Фёдоровича достойны публикации, ведь даже годы, прожитые автором (1912–2002), заслуживают внимания и уважения. У сына мемуариста есть серьезное намерение и все основания опубликовать труд своего отца.

Цель этой статьи – источниковедческое исследование мемуаров Г.Ф. Дать описание рукописи воспоминаний, осветив процесс работы автора над воспоминаниями и время создания воспоминаний, – такова первая группа задач, поставленных в данной работе. Анализ содержания текста воспоминаний с целью выявить задачи, которые ставил перед собой Г.Ф., создавая свои мемуары, осветить степень объективности изложения, выявить структуру текста, круг интересов и дать характеристику самому источнику и информации, содержащейся в нем, – такой представляется вторая группа задач при исследовании воспоминаний Г.Ф. В заключение я попытаюсь сделать выводы о ценности воспоминаний Г.Ф. Харьковцова как исторического источника¹.

Состояние, в котором находится рукопись воспоминаний Г.Ф., можно назвать превосходным. Рукопись отлично сохранилась, несмотря на все перипетии судьбы автора воспоминаний. При всем желании нельзя найти ни одной поврежденной или испорченной страницы.

К своим воспоминаниям, по словам родственников, автор относился очень серьезно. Несмотря на преклонный возраст, Георгий Федорович много работал над написанием своих воспоминаний. Описывая Г.Ф., его родственники, прежде всего – сын, особенно отмечают трудолюбие и целеустремленность, отличавшие его. Он был очень погружен в себя во время работы и, даже когда прерывался, думал о работе над воспоминаниями. По словам родственников, они поначалу пытались его расспрашивать о воспоминаниях, но Г.Ф. неохотно заговаривал на эту тему, хотя иногда вдруг сам начинал рассказывать о прошлом. Видно было, что он заново переживает то, о чем повествует в своем труде, и потому родные вскоре отступили в своем стремлении узнать больше.

Тем не менее, Г.Ф. не делал какой-либо тайны из своего труда и хотел, чтобы его родные ознакомились с ним, с его прошлым, а рассказать ему было что. Просто он, как и любой другой мемуа-

¹ Схожее по духу и целям исследование мемуарного источника см.: Михайлов А.А. Воспоминания Н.Л. Смирновой (1907-1984): Знакомство с новым мемуарным источником // ИИ. 2004. Вып. 2. С. 49–69; Он же. Воспоминания Н.Л. Смирновой: От рукописи к публикации // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 423–442.

рист, хотел, чтобы воспоминания прочитали тогда, когда они будут полностью завершены, верно поняли то, что он хотел донести.

Воспоминания Г.Ф. Харьковцова – это довольно объемистый труд, размещившийся в двух тетрадах (книгах для записи). Об этих книгах для записи можно сказать только то, что они были произведены на Чеховском полиграфическом комбинате; дата изготовления на них не указана. Твердый переплет книг способствовал лучшей сохранности воспоминаний. Формат книг – 20,5 x 12,5 см.

Ни нумерации страниц, на разлиновки изначально в книгах не было. Они состоят просто из чистых листов. Мемуарист сам наносил разлиновку и устанавливал границы текста. Лишь небольшая часть страниц в конце второй книги воспоминаний осталась неразлинованной. Все это лишний раз свидетельствует о том, какой титанический труд был вложен в создание воспоминаний. Этому утверждению есть и материальные подтверждения. Так, в одну из книг вложен листок более плотной бумаги, который применялся автором для разлиновки страниц, т.е. служил трафаретом. Этот листок был разлинован, но не полностью. Разлиновка была нанесена только по краям на расстоянии 1 см от одного края в центр и на расстоянии 0,5 см с другого края таким образом, что большая часть листа осталась чистой. Автор подкладывал трафарет под страницы, после чего при помощи линейки или другого плоского предмета разлиновывал их, а на разметки по краям он ориентировался для соблюдения симметрии и расстояния между строками. Различие в длине разметок по краям объясняется тем, что при разлиновке один край трафарета всегда смотрел влево, вылезая из под листа больше, чем тот край, что вылезал вправо. Все это дает возможность представить себе, если так можно выразиться, техническую сторону процесса создания Г.Ф. Харьковцовым своих воспоминаний.

Помимо самого текста и уже описанного трафарета, мне в руки попали отдельные листочки и обрывки бумаги, так же, как и трафарет, вложенные между страниц основного текста. На этих листках и обрывках можно найти разные варианты написания как отдельных высказываний и предложений, так и целых абзацев и страниц текста. Они, в свою очередь, при грамотном подходе к их изучению, могут дать представление уже не только о подготовке и технической стороне создания мемуаров, но и непосредственно о процессе создания текста воспоминаний. Ведь эти листки, представляя собой черновые записи, являются следами работы автора. Всего таких листочков и обрывков сохранилось восемь.

Интересен один пример, не в меньшей степени, чем трафарет, характеризующий работу автора над созданием своих мемуаров. Дело в том, что часть черновых записей написана на листках в клетку, а часть – на листках, абсолютно идентичных листам книг для записи, в которых написан чистовой вариант мемуаров. Эти листки такого же размера и так же разлинованы, как и листы из книг. Можно было бы предположить, что при написании мемуаров автор, помимо двух книг для записи, использовал и другие подобные книги, и черновые листы могли быть вырваны из любой из них.

Но сопоставление ряда фактов указывает на то, что эти листы были вырваны автором в процессе работы над мемуарами из книг, в которых велась чистовая запись. Прежде всего, на это указывают мелкие фрагменты бумаги, обычно остающиеся на месте вырывания листа из книги и обнаруженные в данном случае. За утверждение, что эти листы с черновыми записями были вырваны, говорит и то, что текст на листках во всех случаях логично продолжает повествование и даже совпадает с вариантом текста, что написан в мемуарах, расходясь только в деталях. Да и простой пересчет страниц в двух книгах выявил различие в количестве листов. В первой книге листов насчитывается 138, а во второй – 151. Разница ясно показывает, что листы выдирались из тех книг и, видимо, не только из первой, хотя найденные черновые варианты текста относятся только к первой книге.

В одном случае прерванное слово продолжается на листе, содержащем черновой вариант текста. Предложение «Проснувшиеся женщины голосят не зная за что братся, перепуганные, невыспавшиеся дети ревут»² прерывается на слове «братся», причем текст на другом листе начинается со слога «ся». С этого слога предложение продолжается как в чистовом, так и в черновом варианте текста.

Основываясь на этих свидетельствах работы автора мемуаров над созданием текста, можно смело сделать вывод, что даже при написании чистового варианта происходило редактирование текста мемуаров, его корректировка.

Другой вопрос состоит в том, с какой целью автор корректировал свой текст. Конечно, работа Г.Ф. отличалась скрупулезностью до такой степени, что в тексте невозможно найти буквально ни одной помарки, и листы могли вырываться для соблюдения чистоты.

² Предложение передано с сохранением авторской орфографии и пунктуации, и в дальнейшем я буду придерживаться этого принципа, несмотря на повсеместно встречающиеся ошибки.

Однако перед нами, безусловно, редактирование текста, т.к. видны различия чернового и чистового вариантов. Правда, изменения не носят принципиального характера. Так, например, Г.Ф. перечеркнул крест на крест почти целую страницу текста, после чего, по-видимому, вырвал лист и написал другой вариант текста, но при этом различия между чистовым и черновым вариантом невелики. Но, возможно, это нам кажется, что они не столь существенны, а для автора воспоминаний они имели куда большее значение. Вот как выглядят черновой и чистовой варианты текста.

Черновой текст

Но Николай не отступал, и спросил его – А кто это мы? и кто тебе уполномочил отвечать за всех? И не ты обойдешься без комсомола, а комсомол обойдется без тебя. Такими как ты комсомол не нуждается. Комсомолу нужны честные, добросовестные и трудолюбивые ребята. Вот ты Костя, очень гордишься своим знатным происхождением. А знаешь ли ты, почему твои действительные родители отдали тебе чужим людям? Не потому ли, что у них нечим было тебя прокормить, а ты теперь топчешь их в грязь своими грязными ногами в лакированных сапогах. Костя снова кинулся с кулаками на Николая. Он конечно не ожидал от него такого.

Чистовой текст

Но Николай не отступал, и спросил его – А кто это мы? Кто тебе уполномочил отвечать за других? и не ты, а без тебя комсомол обойдется. Такими как ты комсомол не нуждается, ему нужны, честные, преданные и трудолюбивые ребята. А ты Костя уж очень гордишься своим знатным происхождением, а знаешь ли ты Костя не спросил ли ты у своих знатных приемных родителей, почему твои действительные родители отдали тебя чужим людям? Не потому ли, что у них уже отняли все средства существования и превратили их в рабов, те же знатные Возжовы. И ты теперь топчешь своих создателей своими грязными ногами в лакированных сапогах. Костя снова рванулся с кулаками к Николаю. Он не ожидал от него такого.

Таким образом, смысл в двух вариантах текста не различается, разве что чистовой вариант немного больше. Следует предположить, что, внося изменения, на первый взгляд столь незначительные, автор стремился к большей достоверности и точности передачи ситуации и разговора, очень важных, судя по всему, для повествователя. С другой стороны, мы видим здесь и явное стремление сделать текст более литературным.

За то, что Г.Ф. стремился к большей точности рассказа, может говорить и другой пример. Среди небольшого числа черновых записей, попавших ко мне в руки вместе с воспоминаниями, есть тетрадный листок с текстом, полностью совпадающим с чистовым текстом воспоминаний, но часть этого текста написана шариковой

ручкой, а часть – карандашом. Карандашный текст вписан между строк бисерным почерком, а в чистовом варианте соответствующие поправки уже внесены. Эти карандашные приписки также не вносят серьезных изменений в повествование, но помогают, по-видимому, более точно передать мысли и переживания рассказчика. Так, Г.Ф. пишет: «С первых дней колхозной жизни уже восстановленный в комсомоле Николай с большим желанием и активностью включился в работу в новой жизни», – и добавляет карандашом: «в надежде хоть теперь он перестанет работать на других и перестанет ежедневно думать о куске хлеба». Или пишет: «какую б ему работу не поручали делал он все с присущей ему прележностью и окуратностью», – добавляя карандашом: «но и теперь жизнь его не стала лучше и за свой прележный и безупречный труд он как и все остальные колхозники совсем не получал никакого вознаграждения и еще сильнее голодал, был раздет и разут».

Возможно, были и другие причины, заставлявшие мемуариста вырывать страницы и вносить изменения в текст, но, к сожалению, черновых записей, не говоря уже о дневниковых, которые могли бы дать больше материала для изучения этого вопроса, не сохранилось.

Работая над мемуарами, автор основывался, как уже было сказано, на дневниковых записях. Об этом сообщают родственники мемуариста. Но тут родственники, вероятно, не совсем точны. Скорее всего, это были не дневниковые записи в строгом смысле этого слова, а, скорее, разрозненные заметки и записи. Из текста мемуаров очевидно, что вести систематически дневник у автора воспоминаний не было никакой возможности.

Эти записи, скорее всего, создавались уже после описываемых в тексте воспоминаний событий, и Г.Ф. таким образом пытался сохранить свои мысли, имея в виду написание в будущем мемуаров. За это утверждение говорит и описываемый автором факт, что писать и читать он научился в довольно зрелом возрасте и просто не мог фиксировать многое из того, о чем повествует.

Датировать эти заметки не представляется возможным, ведь сами они не сохранились. Однако кое-какие догадки все же высказать можно. Г.Ф., рассказывая о годах и событиях времен Великой Отечественной войны, делает небольшое отступление: «Прошло уже несколько лет, после Великой Отечественной войны, и случай снова свел меня на несколько часов с Егором Харитонцевым в одном вагоне скорого поезда». Если Г.Ф. вел какие-либо записи, он не мог не зафиксировать эту встречу в них. Ведь он повстречал человека, с которым многое пришлось пережить в годы войны. А поскольку встреча эта состоялась через несколько лет и была зафик-

сирована и воспроизведена спустя многие годы в тексте мемуаров, можно с большой осторожностью и оговорками предположить, что дневниковые записи, а вернее – заметки с размышлениями и воспоминаниями о минувших годах, велись уже в 1950-е годы. А может быть, ведение записей сразу после упомянутой встречи, которая не могла не вызвать к жизни множество воспоминаний и переживаний, которые были еще свежи.

Часть текста, повествующая о событиях в годы войны, буквально изобилует датами, описаниями мест и четкой хронологией происшествий: «После много часового не равного боя накануне 15-го сентября 1941 года мы вырвались из плотного полукольца через узкую греблю меж болотами и всю ночь поспешно отступали к небольшому огневому рубежу в небольшом лесочке близ деревни...» А часть, посвященная годам юности автора и событиям коллективизации, похвастаться тем же не может. Наоборот, автор не раз, описывая какое-либо событие тех лет, просит прощения, что не может дать точной даты: «И вот однажды в один весенний день точную дату которого я к сожалению сказать не могу к тем самым соседям приехали с хутора гости на паре сытых коней...» Таким образом, стремление к датировке событий у автора налицо, однако даты по большей части встречаются в повествовании о Великой Отечественной войне, а не о более ранних событиях.

По словам родственников, работа над созданием воспоминаний началась в первой половине 1980-х и закончилась в начале 1990-х годов. Есть неопровержимые свидетельства о времени создания мемуаров. Сохранилось несколько листков из отрывных календарей, которые служили, по-видимому, закладками при создании чистового текста воспоминаний. Всего таких листков пять. Первый – за 15 декабря 1986 г., второй – за 26 декабря 1986 г., третий – за 7 января 1987 г., четвертый – за 27 января 1987 г. и пятый – за 23 февраля 1987 г.

Эти листки располагались двумя группами среди страниц текста. Листки за декабрь 1986 г. располагались в середине первой книги воспоминаний, а листки за 1987 г. – в начале второй книги воспоминаний. Родственники утверждают, что, хотя они и ознакомились с воспоминаниями, они сохранили все, как оставил автор труда. В таком случае можно предположить, что вторая часть текста в первой книге была написана в декабре 1986 г., а начало текста во второй книге – в начале 1987 г. Следовательно, период с конца 1986 по начало 1987 г. был наиболее плодотворным в деле создания воспоминаний, а вернее – написания чистового варианта текста. А если вспомнить слова родственников о том, что автор прекратил работу над воспоминаниями почти сразу после переезда

в Казань в начале 90-х, можно сделать заключение, что Г.Ф. работал над своим трудом с большими перерывами на протяжении 7–8 лет. Соответственно, чистовой вариант текста писался не меньше пяти лет.

Скорее всего, чистовой вариант текста создавался не одновременно, а кусками. Иначе говоря, написание чистового варианта текста велось не сразу после подготовки и обработки материала для изложения, а попеременно с процессом подготовки. Автор, подготовив часть текста и, затем, написав его чистовой вариант, переходил к работе над очередной частью текста. Процесс работы, таким образом, носил довольно дробный характер и прерывался на большие промежутки времени. Да и сам текст, и это в дальнейшем будет показано, носит дробный характер и может быть разделен на несколько достаточно автономных частей.

На вопрос о том, говорил ли Г.Ф. что-нибудь о цели написания своих мемуаров, его родственники ничего конкретного сказать не смогли. Они лишь еще раз повторили, что он не очень много говорил о своем труде, но и не делал из него тайны, иногда рассказывая истории из своей жизни, которые обнаружились и в тексте воспоминаний.

Сам же мемуарист во введении к своему труду довольно четко обозначил цель, ради которой он создавал свои воспоминания:

В большей части Литературных произведений как дореволюционных так и современных, в качестве героев изображаются: либо богатые а потому и знатные люди, либо высокопоставленные личности занимающие высокое положение в обществе. Или выдвинутые зачастую надуманные авторами образцы, значительно приукрашены, подделаны, приспособлены подражению обществу и манерам того времени в которое помещает их автор. Повиствуются и действительные подвиги настоящих героев но герои и сами и героические подвиги тоже бывают разными. Много (разовых) героев, которые совершают действительно геройский подвиг один раз в жизни. Бывают герои созданные народом. И герои по заданию по плану.

Мне же хочется показать лицо справедливости, без преувеличения и прикраски, без припособления и подрождений. Обыкновенную жизнь человека труженика самых низких слоёв общества, ни чем не знатного занимающую те не значительную часть общества, которую занимают большинство трудового люда на котором держится вся тяжесть бремени любого общества, со всеми его выдающимися и знатными личностями.

Человека обыкновенного, с мягким отзивчевым сердцем, возвышенной душой и твёрдым характером. Который всегда делает всё так как надо делать в данный момент жизни.

Автор еще несколько раз на протяжении повествования говорит, что целью его рассказа является стремление «показать жизнь обыкновенного человека». Делает он это, рассказывая о своей жизни.

Главная особенность воспоминаний Г.Ф. Харьковцова состоит в том, что повествование ведется не от первого лица. В тексте ни разу не используется местоимение “я”, кроме тех моментов, где автор передает прямую речь из своих разговоров с другими людьми или чьи-то еще рассказы. Автор ведет повествование от третьего лица. Получается, что он как бы смотрит на себя со стороны. И даже свое имя он заменил на вымышленное: “Николай”.

При этом, видимо, мемуарист не мог сначала выбрать, под каким именем он будет рассказывать о себе. В рукописи есть явное указание на то, что имя было выбрано только в процессе написания чистового варианта текста. Г.Ф. на восьмой странице в первой книге, где он впервые называет себя именем “Николай”, оставил поначалу промежуток между слов. Спустя какое-то время чернилами другого цвета и почерком с меньшим наклоном мемуарист вписал имя: “Николай”. Этим именем он и называет себя на протяжении всего последующего повествования.

Естественно, возникает вопрос, почему автор избрал столь необычную форму ведения повествования. Возможно, автору просто удобнее было вести повествование таким образом, но куда вероятнее, что такая манера была избрана не случайно. Какие цели автор преследовал, избирая этот литературный прием? Автор имел за спиной всего несколько классов школьного образования, что ясно видно из его рассказа о детских годах жизни. Это отразилось во множестве орфографических и пунктуационных ошибок в тексте. Мемуарист явно не был знатоком литературных приемов, но не был и глупым человеком. Наоборот, судя по тексту, он был человеком одаренным и талантливым, т.к., в отличие от многих ровесников, стремился к знаниям и занимался самообразованием, когда получалось достать учебник или книгу. Автор, по-видимому, где-то встречал такой способ повествования и решил избрать его для своих мемуаров – за те плюсы, которые он дает, хотя мог он избрать такую форму изложения и вполне интуитивно.

Когда читаешь воспоминания Г.Ф. Харьковцова, складывается ощущение, что ты как будто со стороны смотришь на описываемые события, оставаясь сторонним наблюдателем, сохраняющим беспристрастность. И не встаешь поневоле на сторону рассказчика, как это часто бывает, когда повествование ведется от первого лица. Безусловно, в этом есть заслуга избранной формы изложения. Можно с большой вероятностью сказать, что, провозгласив

целью своего труда «описание жизни обыкновенного труженика», Г.Ф. стремился при помощи такого способа повествования вызвать у читателя описанные ощущения. Наверняка он и сам таким образом стремился к озвученному им «описанию без преувеличения и прикраски». Абстрагируясь от личностных моментов, которые влияют на объективность изложения и про которые он не раз говорит на страницах своего труда, автор стремится к этой самой объективности. Другой вопрос – насколько у него это получилось. Остается только жалеть, что нет другого источника, с которым можно было бы сравнить изучаемые воспоминания, и что не сохранилось черновых и дневниковых записей, которые могли бы пролить больше света на вопрос об объективности мемуаров Г.Ф.

Стремление автора воспоминаний к объективности проявляется и других моментах. Особенно оно видно на примере оценок, которые мемуарист дает людям и событиям времен Великой Отечественной войны. В описании людей и оценках событий тех лет не встречается никакой злобы, осуждения или критики. Автор в своем труде очень подробно останавливается на событиях первых нескольких недель войны. При этом нет ни одной злобной оценки, нет поисков виноватого в том, что случилось в первые недели войны. Даже в те моменты, когда повествование о событиях прерывается рассказом о чувствах и мыслях, можно встретить только общие оценки происходившего:

Войны между различными государствами были всегда, но это войны были совсем иного характера, и в основном экономические. А эта война, продолжал он, совсем иного характера. Это борьба двух политических партий за гегемонию в мире. Это самая жестокая и беспощадная борьба, какой ещё не знало человечество. Такая политическая война не будет считаться, ни с какими жертвами и разрушениями, даже жертвами женщин и детей. Она не может закончиться каким-либо миром, она закончиться только полным разгромом и уничтожением одной из этих партий.

А капиталистические страны и в первую очередь Америка и Англия будут играть роль огромных весов. Будут стараться путём умеренной помощи поддерживать на сколько это будет возможно сторону терпящую поражение чтобы сделать войну более длительной. Тем самым сохранить и укрепить своё благополучие и диктовать свою волю. И вот именно засчёт уравнивания воюющих сторон война может оказаться длительной которая потребует миллионы человеческих жизней на фронтах и в тылах воюющих стран, во время войны. А поскольку война политическая то ещё и после войны. Но я ещё раз говорю, что только высказываю своё предположение, а как и сколько будет длиться эта война покажет будущее.

Этот монолог автор выдает за разговор, состоявшийся у него в начале войны с несколькими сослуживцами накануне отправки на фронт (эти слова произносит в разговоре сам мемуарист). Но, как уже было сказано, мемуары и даже самые первые записи, на которые Г.Ф. мог опираться при создании своего труда, писались уже после войны. Поэтому неудивительна та взвешенная оценка, которую автор выдает за свои слова в разговоре с сослуживцами. У автора было достаточно времени обдумать и внести в повествование столь взвешенный анализ причин и хода войны.

Очень наглядно стремление автора к объективности проявляется в части текста, рассказывающей о годах его юности и детства. Эта часть описывает общество родной станицы Косогоры, его устои. С самого начала повествования автор пишет про жителей своей родной станицы, деля их на два сословия:

Казаки. Это основоположники станиц на северном Кавказе приехавшие в далёкие времена из разных краёв росии и украины, как добровольные охотники к служению в вольном казачьем звании. Они пользовались большими земельными наделами на каждого родившегося ребёнка мужского пола, осуществляли власть в станице, торговали этой землёй, пользовались многими правами и привелегией царских властей и были его опорой, были полными хозяевами станиц.

Иногородние. Это всё граждане наехавшие позже из разных областей росии, бежавшие от гнёта помещиков и осевшие в станицах. Они покупали у казаков крохотные клочки земли и лес для постройки жилья и других хозяйственных помещений. Они либо ежегодно покупали землю под посевы пшеницы и другие необходимые культуры, либо занимались каким небудь ремеслом, пасли станичный скот, или просто батрачили у богатых казаков. Они не принимали участие в осуществлении власти, и вообще не пользовались ни какими гражданскими правами.

И не раз в ходе повествования на примере своей жизни автор демонстрирует, насколько нелегко жилось беднякам. Не перестает мемуарист и критиковать традиционные устои:

Крепко держались укоренившиеся традиции, диктующиеся зажиточным миром, где главную роль в обществе играл не сам человек, а его имущественное положение. Не достоинство, ум и даже красота человека, а количество быков в его дворе имело значение. Это общество, где осуждались и подвергались осмеянию девушки, водившие дружбу, а тем более любовь с парнем из бедной семьи, хоть он красив и умён и трудолюбив, но он беден у него нет ни быков ни лошадей. Лучше уж урод и глуп, но зато богат.

Подтверждает он это примером из собственной жизни:

С хутора Николай вернулся уже шестнадцати летним юношей. И когда он, как и мечтал, вышел на свою косогорскую улицу в новой жетке с красной сатиновой подкладкой в новых высоких сапогах, в брюках серого сукна, в синей сатиновой рубашке подпояс с наборами, и новой дишового каракуля кубанки с красным верхом, уверенный в своём равенстве со всеми сверстниками. Но скоро он убедился, что ребята из зажиточных дворов не торопились заводить с ним дружбу, а разборчивые девченки по прежнему стали хихикать в рукова и демонстративно сторонились его.

Все повествование о годах детства и юности сводится к описанию тяжелой жизни:

Лутшие годы Николаевой юности, как и детство прошли в безрадостной бедности. В постоянной нужде и горести. Постоянно не доставало одежды и обуви, а часто и куска чёрного хлеба. Много ему пришлось в юности работать по чужим людям, вынести незаслуженные обиды, горичи и обман.

Но, несмотря на все описываемые несправедливости, автор сохраняет объективность. Он без злорадства описывает начало коллективизации и раскулачивание богатых казаков. Описывая годы коллективизации, он не раз указывает на недостатки и несправедливость, происходившую в это время. Вот как он пишет о раскулачивании:

Очень часто от групп активистов по раскулачиванию и высылке страдали далеко небогатые люди которые как не старались доказать что это ошибка ничего уже поделатъ не могли.

Но особенно ярк описываемый автором случай из его собственной жизни:

Это было уже весной, в последний этап раскулачивания и высылки, его включили в одну группу активистов по раскулачиванию и высылке. Николай не знал кого именно они идут выселять, но когда подошли к дому, и руководитель группы активист Денисенко сказал вот здесь будем выселять, Николай вдруг заявил – В этот дом и двор я войти не могу. Активисты удивлённо переглянулись а возглавлявший группу Денисенко спросил почему. Этого я вам объяснить не могу отвегил Николай повернулся и ушол.

Через несколько дней в воскресенье в комитете комсомола с участием косогорской первичной организации обсуждали вопрос о его недостойном поведении при выполнении важного политического поручения. Николая называли подкулачником и их пособником... И только один Иван Дубов, безсменный член комитета хорошо чуть ли не с детства знал Николая, часто им приходилось вместе работать у кулаков, и ходить в лес на заработки, всё ещё был против. Он не мог всё ещё поверить, что Николай без веской причины, мог отказаться выполнить

данное ему поручение. Он ещё раз сочувственно спросил его – Но была же Николай какая-то причина? Пусть даже не дающая права на оправдание. А причина именно такая конечно была. Но кто его может понять. Ещё в начале зимы, когда ещё не выслали Тимошиных и его тёзка с которым Николай продолжал дружить, однажды потащил его на одну вечеринку по поводу женитьбы его двоюродного брата, на другой конец станицы на выгонскую улицу. Там он познакомился с одной кареглазой, тихой девушкой из не богатой семьи. И меж ними завязалась дружба а может и скрытая любовь. Николай и сам ещё этого не знал. Они продолжали по субботам и воскресеньям встречаться до последнего вечера, а на рассвете он с группой активистов пришёл к её воротам, чтобы раскулачить и выслать эту добрую девушку. А вот этого он сделать не мог.

Говорит он откровенно и о недостатках коллективизации:

В предгорных станицах северного Кавказа с самого начала первой колхозной весны работа в колхозах на полях шла очень плохо, не организованно, всюду была неразбериха и неполадки, не было определенного единого настроения. И не потому, что все люди разучились делать то, что веками делали ещё их прадеды, или все сразу сделались нерадивыми лодырями и сознательно готовили себе голодную смерть. Нет. Скорее всего потому, что не было заранее выработано определенной единой структуры методического ведения такого сложного и разнообразного сельского хозяйства. Многие опытные хлеборобы знающие, что один весенний день год кормит предвидя котострофу и не избежный голод покинули станицу. Покинули свои дома, скудное хозяйство и родные с детства места, и отправились в города и другие промыслы.

С этого и началась массовая миграция сельских тружеников из деревни и станиц в города и рабочие поселки. Земля сиротела и поросла бурьяном. Уже после двух лет миграции населения станицы уменьшилось сразу на 1/3 а после голодной весны 1933 года население станиц сократилось ещё на столько-же, а значит на столько же сократилось и производство хлеба. В опустевших садах и огородах заросших бурьяном и кустарником, расплодились волки, беспощадно безнаказанно уничтожали остатки скота и птицы.

Эти примеры наглядно показывают стремление автора к объективности. Ведь он, несмотря на испытанные им в юном возрасте обиды и несправедливость, не скатился к злорадному описанию раскулачивания зажиточных казаков, а показал как недостатки устоев и нравов казачьих станиц Северного Кавказа, так и недостатки и плачевные итоги коллективизации и раскулачивания.

Но, говоря о мемуарах, следует помнить, что, несмотря на все стремление к объективности и достоверности, историческую действительность мемуарист характеризует избирательно, а нередко и

тенденциозно. В случае с мемуарами Г.Ф. Харьковцова мы, конечно, тоже не можем говорить об абсолютной объективности и достоверности изложения. Но стремление к объективности налицо, и обвинить автора воспоминаний в намеренном искажении прошлого мы тоже не можем. Есть все основания верить автору, что задача показать жизнь обыкновенного человека – его основная задача и за этим словами не скрывается никаких других целей.

Теперь о структуре воспоминаний. Автор разделил текст на две части, оставив между ними десяток чистых листов, но не дал этим частям никаких заголовков. Эти две части удобно назвать “главами”. Первая глава посвящена годам детства и юности автора, и поэтому эту главу я в дальнейшем буду называть “Годы детства и юности”. Вторая глава рассказывает о событиях времен Великой Отечественной войны, и именовать ее можно “Годы войны”. Главы не равны по объему. Глава “Годы войны” занимает $\frac{3}{4}$ текста воспоминаний, но никак не разбита автором на части, хотя деление напрашивается само собой. Таким образом, в первой тетради воспоминаний – и детство, и начало войны, а продолжение войны – во второй тетради. Кроме того, из первой главы можно выделить своего рода введение к воспоминаниям, где не излагается событийный материал, но говорится о той цели, которую перед собой ставил автор, создавая свой труд.

В каждой из двух глав можно выделить более мелкие фрагменты, которые я буду называть “разделами”. Это деление мемуаристом не предусматривалось, однако вытекает из содержания текста. В первой главе (“Годы детства и юношества”) выделяются два таких раздела. Первый рассказывает об учебе автора в сельской школе, а второй посвящен коллективизации. Соответственно, назовем их “Школа” и “Коллективизация”. Хотя автор начинает повествование со своего рождения, рассказ про раннее детство занимает очень мало места и, скорее, является составной частью раздела “Школа”. Вот характерный фрагмент первого раздела, рассказывающий о том, как Г.Ф. узнал, что такое школа, зачем туда ходят, как он учился и чем это все закончилось:

...он увидел в руках голубоглазой девочки, которая не успела взять у него фигурку лошади книжку и тихо спросил – А что это у тебе? Книга. Удивлённо ответила голубоглазая девочка. Покажи не смело попросил он. Девочка с опаской посмотрела на измазанные глиной руки, раскрыла книгу, и пока другие ребята рассматривали Николаевы изделия показала ему несколько картинок. Но тут учительница поблагодарив его за интересные игрушки, и добрым и повелительным голосом позвала ребят идти дальше. Девочка закрыла книгу и они все дальше побежали на косогор, туда где на самом верху стояла косогора стояла

дубовая роща. А он стоял приложил козырьком испачканную руку над головой, смотрел им вслед, в ушах у него все еще звинели слова, какие у мальчика грязные руки, а что это у тебе? А поздно вечером когда в хате все уже спали он еще лежал с открытыми глазами и думал, неужели бывают такие лягушки с королевскими шапками на голове? И зачем им шапки в болоте и воде? Завтра же пойду на бездонное озеро в поповой балке, там очень много всяких лягушек, притаюсь там гденибудь за кустами и буду сидеть весь день может и у лягушек есть свои короли? А волк совсем и не страшный, он очень похож на титорова палкана, только наверное очень сильный, потому, что на нем сразу двое, мальчик и девочка катаются как я на своем тумане. А почему же вчера Афонькина Настя сказала, что ихнего теленка в заповедной балке волки съели. Наверное и волки бывают разные, одни добрые как Нюркина бабушка, а другие злые как дед Лазарь. А можеть они очень-очень голодные. Об этом наверно все знает только та голубоглазая девочка у которой есть такая книжка. Долго еще он так лежал и думал пока не одолел его крепкий сон. С этого дня ему стали уже не интересны даже самые удачно вылепленные им животные и птицы. Все, что еще вчера казалось ему самым лучшим для его детских забав теперь казалось не интересным и ненужным. Он почти совсем перестал лепить новые игрушки, и старыми играл реже и менее увлеченно.

Теперь все его детское воображение были прикованы к таинственной школе в которой он еще никогда не был и не мог понять ее настоящего значения.

Второй раздел посвящен коллективизации. Автор рисует яркие картины того, как она проходила, описывает чувства людей, которые он наблюдал в то время:

Самыми короткими и драматическими моментами у истоков первых дней коллективизации были: первый, раскулачивание и высылка зажиточных людей. Подчас и совсем не богатых тружеников мела не известно за что попавших в списки кулаков. И второй период: обобществление рабочего скота.

Но вот приходять во двор ночью или на рассвете, четыре, пять человек, в большинстве знакомые люди иногда даже соседи, разгонять взбунтовавшихся собак, одни идут в конюшню сами без спроса и ведома хозяина, выводить лошадей или быков, запрягают в повозку кладут в нее немного соломы. Другие идут в дом, будят хозяев и приказывают собираться в дорогу. Одеть на себя, что сможешь, взять немного продуктов на несколько дней и всей семей покинуть дом навсегда. Проснувшиеся женщины голосяты, не зная, за что братья, перепуганные, невыспавшие дети режут. Пожилые люди становятся под образа творять молитвы. Пришедшие поторапливают их дескать время не ждёт. Одни хозяева молча не торопливо одеваются, как будто им всё известно, что надо делать куда и зачем надо ехать. Другие протестуют, за что по какому праву, собираются неизвестно кому жаловаться, сопротивляются. А третьи матерятся угрожают еще вернуться и отом-

стить, женщины надевают на себя понесколько одежд и становятся непомерно толстыми и неуклюжими неповоротливыми. Пришедшие активисты приказывают всем покинуть дом в котором они родились, выросли а иные и доживают свой век, усаживают всех в запряжённую повозку.

На улице идёт снег или лютует мороз.

Но особенно живыми выглядят картины обобществления рабочего скота:

А один молодой парень, Филька Храпов сын пожелых родителей, которые два года назад продали старых быков и корову. И купили для своего последнего еще не женатого сына пару годовалых стригунов за которыми он не отступно ухаживал эти два года и любил их пожалуй не менее своей собственной жизни. И вот теперь настал день когда надо было свести их со двора, и вдруг повернул вниз к речки и во весь дух погнал своих трёхлеток по грязной дороге к лесу что-то крича во все горл, стоя размахивал свистящим кнутом над своей головой и только через час он вернулся в бригадный двор на взмыленных, молодых и горячих лошадях с низко опущенной и виноватой головой. И когда его спросили – зачем он это сделал? Он только пожал плечами и сказал – не знаю, мне просто вдруг захотелось насладиться быстрой ездой. Хотя он никогда раньше этого не делал, только один раз на свадьбе и один раз на крещенье. И сделал он это не по злобе или ради какой-то прихоти, а из любви и внезапной бессознательной горичи ему захотелось на прощанье насладится бегом своих дорогих ему питомцев. Потом он не менее часа растерал своих любимцев пучком сухого сена, отбёр их рукавом пиджака, отвёл в конюшню и поставил в ряд с другими чужими теперь уже ставшими колхозными лошадьми. Прислоняясь к стенке он стал сворачивать сигарку продолжая смотреть как они принохиваются к соседним собратьям рассматривая незнакомое помещение.

Животные чуя присутствие своего хозяина повернули к нему свои морды и он в их доверчивых и всегда покорных глазах прочел немой вопрос – зачем ты нас сюда привел? Ведь нам и дома было хорошо. И он не выдержал этого вопросительного взгляда. Выбежал их конюшни с раскрытым кесетом в руках и побежал со двора. И больше туда уже не приходил. И скоро уехал из станицы кудато в город и стал рабочим.

Вторая глава “Годы войны” – по размеру больше первой. Она может быть разделена на пять разделов.

Г.Ф. Харьковцов, как следует из повествования, был в самом начале войны призван в ряды вооруженных сил и участвовал в сражениях первых недель Великой Отечественной. Соответственно, первый раздел можно назвать “Первые дни войны”. Рассказ в нем сводится к описанию поспешного отступления советских войск:

Николай как и все мобилизованные в первый день начала войны прибыл к месту своего назначения рано утром двадцать третьего июля и постучался в ворота опустевшего городка артиллерийского полка, и в сопровождении дежурного сержанта вошел в кабинет маленького домика стоявшего рядом с опустевшими казармами... На линию действующих огневых позиций мы прибыли поздно вечером двенадцатого июля, когда было уже совсем темно. А утром следующего дня я в первый раз, на собственной шкуре испытал губительную стихию паники, которая свирепствовала в первый год войны, и безцельно унесла сотни тысяч ни в чем ни повинных человеческих жизней.

С рассвета возобновилась сильная артиллерийская и миномётная стрельба противника, усилилась пулемётная и ружейная стрельба, которая интенсивно нарастала и приближалась к нам. Снаряды летели над нашими головами и взрывались уже где-то позади нас. Наши батареи молчали. Мы продолжали лежать не зная, что нам делать. И тут совершенно случайно, на нас наткнулся спешивший куда-то, какой-то младший сержант, в старой, грязной и потрепанной шенели. Увидев нас и строго спросил у лежавшего слева от меня связиста – А вы почему здесь лежите? маскируетесь? – Нам ещё вчера с вечера лейтенант Бирман приказал здесь лежать – охранять батарею. Да ты лучше спроси вот у лейтенанта, я поднялся.

– Какие батареи? тов лейтенант. Минут через пятнадцать здесь уже будут немцы. Сейчас остатки нашей пехоты быстро отступают, а ваши батареи еще ночью снялись и ушли наверное на новые рубежи. Так что догоняйте свои батареи или присоединяйтесь к отступающим нашего второго батальона пока сами целы. Мы бросились к батарее, но ее действительно на прежнем месте не было.

Вторым разделом (“Прорыв”) можно признать рассказ об окружении и прорыве из немецкого окружения:

Здесь за железной дорогой на большом чистом поле скошенной пшеницы, собрались все остатки подразделений. Голодная пехота без боеприпасов артиллерия без снарядов, и машины без горючего и водителей. Все эти остатки разбитых подразделений уже нельзя было назвать какими либо боевыми единицами. Нами теперь уже ни кто не командовал, и ни кто не знал где находилось наше командование. Мы тогда ещё не знали и того, что немцы были уже под Москвой в Смоленски. Мы были обречены брошены, перестали существовать, и списаны статистикой, как пропавшие без вести.

Теперь каждый за себя были в ответе и каждый в отдельности на свой риск по своему ставил на карту свою судьбу и самую жизнь. Стихийно, не известно по чьей инициативе, создавались добровольные группы, и вырабатывались решения, прорываться через линию противника отдельными группами. Одни решали прорываться на юг в лес от куда обстреливала нас артиллерия, другие на восток где виднелся хуторок, трети решали обойти деревню с востока и двинутся на север. Но все одинаково не знали где находится наша армия.

Самым большим по размеру является третий раздел, который повествует о странствиях Г.Ф. в 1941–1942 гг. по Украине на восток с целью догнать фронт. Много пришлось пережить в это время автору воспоминаний. Он дважды попадал в плен и дважды бежал: «Много таких обездоленных скитальцев ни кому не нужных скитальцев собралось в юго-восточной части степной части Украины». Этот раздел текста воспоминаний можно именовать “Скитание”.

Четвертый раздел, который можно назвать “Штрафбат”, охватывает 1943 и 1944 годы, когда Г.Ф. снова воевал в рядах вооруженных сил в составе взвода штрафников. Этот раздел примечателен тем, что рассказ идет как бы от лица друга Г.Ф. Харьковцова Егора Харитонцева:

Николая я встретил осенью 1943 года в крымской степи за большим Сивашом.

После двух тяжёлых боев из двух рот осталось только шесть человек была полностью разбита и минометная батарея, поставленная на старой огневой позиции хорошо пристреленной противником.

Через несколько дней после этих боев я по какому то делу пришел на КП второго батальона и увидел там пожелого солдата сидевшего на брусвере штабной траншеи, которого раньше я здесь не видел. В нем показалось мне, что то знакомое, как будто я давно уже видел гдето эти задумчивые глаза под широкими бровями.

При моем приближении, он делая вид, что не заметил меня спустился в траншею. Меня удивило такое не дисциплинированное поведение солдата в штабе такого строго командира как маер Маслов. С тоже сделал вид, что ничего не видел. Решил, что он может и стал солдатом только в эту войну, а когда я вышел из блндажа комбата в сопровождении начальника штаба Баранова и направился к своей батарее, то заметил, что пожелой солдат снова появился на брусвере траншеи и посмотрел мне вслед. Я спросил капитана Баранова – что это за пожелой солдат у вас на КП? Раньше я его не видел. – А это из прибывшего пополнения, да он и не пожилой 12-го года рождения. Он был командиром взвода в той минометной батарее которая полностью была разбита во время последних боев, оставшихся в жевых несколько человек, временно присоединили к нашему батальону, вот я и оставил его на КП связным вместо выбившего Крупинова. А почему ты спрашиваешь о нем? – Да так, просто мне показалось, что я гдето его уже видел. А как его фамилия? – Да что с тобой? Ты же не представитель особого отдела, чтоб интересоваться анкетой каждого нового. Ну Тихоступ его фамилия. Ну и что? Тихоступ? Переспросил я поварачиваясь, и чуть было не пошел назад. – Да так, ничего, просто знакомая фамилия... Я вышел из блиндажа, солдат деловито козырнул, коротко и четко доложил. – Нач. штаба капитан Баранов велел передать вам, что разведка с боем на сегодня отменяется. При тусклом мареве утренней зари трудно было разглядеть его лицо но я все равно узнал его. Это был Николай.

Последний раздел, который можно назвать “Таня”, повествует о судьбе автора после ранения. Главным сюжетом здесь является любовь к девушке, с которой он познакомился накануне войны и которую потерял, т.к. был призван на фронт:

Весь остаток этого дня он был как во сне. О том, что она любит меня, он и думать не мог, поэтому весь день его мучил неразрешимый вопрос. Почему именно он, а не кто небудь другой из его товарищей? Которые были уже гораздо опытнее и интересней, и уже добивавшиеся ее взаимности но безуспешно. А его, так безцеремонно отвергнутого её близкой подругой? И не ослышался ли он? Но ведь она же прямо сказала, что будет ждать его на лавочке. И эти последние четыре слова, сказанные убегающей Таней, и ее зовущие доверчивые глаза, не давали ему покоя, а данное им слово хотя уже и самому себе он изменить не мог. И когда наступил вечер он ничего не сказал товарищам, отправился на малознакомую подгорную улицу к заветной лавочки.

Малооблачная ночь, в тот вечер, для него наступал не выносим медленно, не полная волшебница луна поднялась над восточным горизонтом только когда Николай подошел к подгорной малознакомой улице. На фоне еще не угасшей вечерней зари он увидел у заветной лавочки одиноко стоявшую маленькую женскую фигурку. Это была она – Таня на обещанном месте, и ждала его, потом она сначала медленно но с приближением ускоряя шаг пошла ему на встречу.

Коротким оказалось счастье. Николай очень полюбил ее, осенью они собирались пожениться, она очень хотела этого, но началась война. За эти годы он полюбил ее еще больше, но война перечеркнула его счастье. Зачем он ей теперь, молодой красивой девушки, такой вот обрубков?

Вот так заканчивает Г.Ф. свое повествование, подводя неутешительный итог событиям войны, столь сильно изменившей его жизнь и жизнь множества других людей.

Итак, вырисовывается довольно четкая структура воспоминаний Г.Ф. Харьковцова:

Введение

Глава “Годы детства и юношества”

Раздел “Школа”

Раздел “Коллективизация”

Глава “Годы войны”

Раздел “Первые дни войны”

Раздел “Прорыв”

Раздел “Скитание”

Раздел “Штрафбат”

Раздел “Таня”

Выявление структуры текста облегчает исследование воспоминаний. На основе описанной структуры можно более четко пред-

ставить себе круг интересов автора, дать характеристику самим воспоминаниям, причислив их либо к той, либо к другой категории. С источником, структуру которого мы себе представляем, просто легче работать.

С.С. Минц в своей работе говорит о двух категориях мемуаров – преимущественно событийных и таких, где в центре находится внутренний мир мемуариста³. Мемуары Г.Ф. Харьковцова относятся к категории преимущественно событийных. Автор в основном рассказывает о событиях, редко прерываясь на отступления, в которых дает оценочные суждения или описывает свои переживания по поводу какого-либо события. В тех же случаях, где он это все-таки делает, рассказ о переживаниях не занимает много места, довольно быстро переходя опять в изложение тех или иных происшествий или действий. Автор предпочитает обычно обходиться без вводных и заключительных пассажей и, заканчивая описание одного события, резко переходит к рассказу о другом, иногда даже никак не связанном с предыдущим. Лишь в первой главе, в разделе “Школа”, и во второй главе, в заключительном разделе “Таня”, автор очень много пишет о своих чувствах и переживаниях. Но в целом изложение материала в воспоминаниях Г.Ф. Харьковцова носит событийный характер. Поэтому они преимущественно могут быть использованы как источник информации о событиях, причем источник в достаточной степени объективный.

Всю информацию, содержащуюся в тексте воспоминаний Г.Ф., можно разделить условно на две составляющие: факты исторического значения и картины нравов казачьих станиц Северного Кавказа. Фактами исторического значения насыщено большинство разделов в обеих главах воспоминаний Г.Ф. Харьковцова. Особенно много их в первой главе, в разделе “Коллективизация”, и во второй главе, в разделе “Первые дни войны”. В разделе “Коллективизация” мы видим яркие картины и детальные описания процесса раскулачивания и обобществления рабочего скота, того, как это происходило в жизни. Например, автор пишет:

В назначенное мартовское утро первым привел свою вороную одноглазую кобыленку с огромной гривой на правом боку глухой бедняк, сосед богатого Тимошина Яков Горелов. Он степенно въехал в раскрытые ворота на ветхой повозке наполненной перезрелым сеном и двумя мешками набитыми половой. Распряг кобыленку, окуротно повесил в сарае старенькую несчетно раз сшитую сбрую, которая потом

³ Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998. С. 54.

так никому и непонадобилас как его кобыленка, которую он еще раз старательно отер рукавом своего излатаного пиджака и поставил ее в конюшню рядом с добрыми, упитанными лошадьми отобранных у высланных кулаков.

А два брата Иван и Александр обедневшие сыны покойного богатого казака Деулина привели на бригадный двор вдвоем только одного рослого криворогого быка а второго быка они за несколько дней до обобществления зарезали якобы упавшего и сломавшего ногу, поэтому пришлось его прирезать на мясо. Вскоре эта легенда была разоблачена их малолетней сестрой но наказать их всеровно не могли потому оба быка тогда еще были их собственностью.

Историческая информация мемуаров довольно ценна, ведь автор был не просто сторонним наблюдателем, но и непосредственным участником описываемых им событий:

Это было уже весной в последний этап раскулачивания и высылки, Николая включили в одну группу активистов по раскулачиванию и высылке...

В разделе “Первые дни войны” представлены картины того, что происходило в рядах вооруженных сил СССР. В первую очередь, это описание отступления советской армии:

После многочасового не равного боя накануне 15-го сентября 1941 года мы вырвались из плотного полукольца через узкую греблю меж болотами и всю ночь отступали к новому намеченному огневому рубежу в небольшом лесочке близь деревни. Но не успели мы еще снятся с передков как немцы снова начали обстреливать нас из артиллерии. Мы уже знали, что несколько батальонов пехоты и часть обоза были отрезаны и окружены в районе той деревни откуда мы только вчера отступили...

Из текста воспоминаний можно почерпнуть немало информации о жизни, нравах и быте казацких станиц Северного Кавказа первой половины XX в. И в этом отношении воспоминания представляют собой не менее ценный источник. Автор, родившийся в 1912 г. на Северном Кавказе и проживший там до начала Великой Отечественной войны, описывает общество казачьих станиц, давая колоритные описания жизни, традиций, нравов и конкретных людей:

Бедность вплотную окружала и подступала к судьбе Николая. Все реже он стал общаться со сверстниками, становился замкнутым под час даже грубым и злым. Завидывал, призерал и ненавидел сверстников из зажиточных семей, которые в праздничные дни шеголяли в нарядной одежде. Девченки, тихонько хихикади смотря на его убогий наряд, сторонились его, даже те которые в детстве вместе с ним играли в уличной пыли. Только одна Саня, подружка детских лет иногда

делилась с ним своими обидами и затаенными мечтами. И то когда их ни кто не видел. А в кругу особенно зажиточных подруг и она держалась подальше от него...

В целом, основываясь на результатах проведенной работы, можно сказать, что воспоминания Г.Ф. Харьковцова являются ценным и достойным всяческого внимания историческим источником среди корпуса мемуарных источников, посвященных коллективизации и Великой Отечественной войне.

Список принятых сокращений

- АВИИУ – Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2, 3.
- АССР – Автономная советская социалистическая республика
- БСЭ – Большая советская энциклопедия.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (комсомол)
- ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
- ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ВЧК лб – Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности
- ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов
- ГДР – Германская Демократическая Республика
- ГПУ – Государственное политическое управление
- ГУГН – Государственный университет гуманитарных наук
- ЕС 1997 – *Ефремов С.О.* Щоденники, 1923–1929. Київ, 1997.
- ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН
- ИДВТД – История Древнего Востока: Тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2002.
- ИИ – Источниковедческие исследования. М.
- ИФ ГУГН – Исторический факультет ГУГН
- КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
- КС 1928 – Еще пятьсот анекдотов немецких, английских, французских, еврейских и советских / Сост. и ред. С. Карачевцев. Рига: «Ориент», 1928.
- МГУ – Московский государственный университет
- Металогик – *Иоанн Солсберийский*. Металогик / Пер. И.П. Стрельниковой // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 350–353.
- Мидлсекс 1592 – О самом злобном деянии некоей негодной ведьмы, о подобном которому никто не слышал в Англии уже много лет. Рассказывается об одном человеке, Ричарде Берте, слуге мастера Эдлинга, из Вудхолла, приход Пиннер, графство

- Мидлсекс, что в миле за Харроу. 1592 // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.). М., 1996. С. 51–58.
- МХАТ – Московский художественный академический театр
- НАТО – Организация Североатлантического договора (North Atlantic Treaty Organization)
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- НЭП – Новая экономическая политика
- ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
- ОН 1997 – *Окунев Н.П.* Дневник москвича, 1917–1924. М., 1997. Т. 1: 1917–1920.
- РАН – Российская академия наук
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- СА 1925 – Современный советский анекдот // Воля России. 1925. № 2. С. 50–62.
- СМИ – Средства массовой информации
- СН 1991 – *Соколова Н.В.* Краткий курс: материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // Огонек. 1991. № 1. С. 29–31.
- СНК – Совет народных комиссаров
- СП – Союз писателей
- ССП – Союз советских писателей
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- США – Соединенные Штаты Америки
- ТЭФ 1927 – *Тэффи.* Трагический завтрак // Иллюстрированная Россия. Париж, 1927. № 11–14.
- ЦК – Центральный комитет
- EHR – The English Historical Review. L.
- Metalogicus – *Ioannis Saresberiensis* Metalogicus. II. 10 // *Patrologia cursus completus. Series latina. Parisiis, 1875. T. 199.*
- PL – *Patrologia cursus completus. Series latina. Parisiis.*

Сведения об авторах

- Александр Константинович ГЛАДКОВ** – аспирант ИВИ РАН. Работает над диссертацией по теме: “Социально-политические взгляды Иоанна Солсберийского” (научный руководитель – д.и.н., проф. О.Ф. Кудрявцев). Область научных интересов: политическая мысль средневековой Западной Европы, античное наследие в культуре XII в.
- Юлия Федоровна ИГИНА** – аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета. Работает над диссертацией по теме “Ведовство и его восприятие в английском обществе в конце XVI – первой половине XVII в.” (науч. рук. – д.и.н., проф. С.Е. Федоров).
- Надежда Вячеславовна КОВАЛЕНКО** – аспирантка ИФ ГУГН. Работает над диссертацией по теме: “Правый уклон в ВКП(б) (на материале советских газет)” (науч. рук. – д.и.н. А.Ю. Бахтурина).
- Анна Александровна КРАСОВА** – аспирантка ИВИ РАН. Работает над диссертацией по теме “Страны Юго-Восточной Малой Азии в VIII–III вв. до н.э.: Этнополитическая история: Опыт реконструкции” (науч. рук. – к.и.н. А.А. Немировский).
- Екатерина Павловна МАКАРОВА** – аспирантка ИФ ГУГН. Работает над диссертацией по теме “Организация идеологической пропаганды среди населения Москвы (1918–1930 гг.)” (науч. рук. – д.и.н. А.Ю. Бахтурина).
- Михаил Анатольевич МЕЛЬНИЧЕНКО** – аспирант ИФ ГУГН. Работает над диссертацией по теме “Советская власть в общественном мнении 1918–1953 гг. (на материале политических анекдотов)” (науч. рук. – д.и.н. А.Ю. Бахтурина).
- Мария Владимировна РОМАШОВА** – канд. ист. наук [тема диссертации: “Советское детство в 1945 – середине 1950-х годов: Государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области)”, 2006 г., науч. рук. – д.и.н. Г.А. Янковская], ассистент кафедры новейшей истории России Пермского государственного университета.
- Михаил Иванович СМИРНОВ** – аспирант ИФ ГУГН. Тема дипломной работы: “Воспоминания Г.Ф. Харьковцова как исторический источник” (2005 г., науч. рук. – к.и.н. Т.В. Гимон).

- Алина Владимировна СУВОРОВА** – аспирантка ИФ ГУГН. Работает над диссертацией по теме “Советско-канадские отношения, 1922–1942 гг.” (науч. рук. – д.и.н. В.А. Коленеко)
- Наталья Михайловна СУМЕРИНА** – выпускница ИФ ГУГН. Тема дипломной работы: “Внешние отношения Ирландии и Британии по житиям ирландских святых Кайнеха и Колумбы в VI–VII вв. н.э.: Экономические и политические аспекты” (2005 г., науч. рук. – к.и.н. Н.Ю. Чехонадская).
- Екатерина Владимировна СУРОВЦЕВА** – канд. филол. наук [тема диссертации: «Жанр “письма вождю” в тоталитарную эпоху (1917–1950-е годы)», 2006 г., науч. рук. – д.филол.н. Е.Б. Скорospelова], м.н.с. Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии Филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Содержание выпусков 1–3

Выпуск 1 (М., 2004)

ДРЕВНИЙ МИР

А.А. Красова. Человек в поисках смысла жизни: Проблема выбора пути в сборнике элегий Феогнида Мегарского (с. 9–43)

СРЕДНИЕ ВЕКА

Т.А. Гражданкина. Сведения о рождении княжеских детей в русских летописях XI – начала XV в. (с. 44–63)

Л.М. Орлова. Формуляр выходных записей древнерусских пергаменных кодексов XV в. (предварительные данные) (с. 64–90)

М.В. Макаров. “Рабы” и “холопы” в Первом послании Ивана Грозного (Текст источника и историческая наука XIX–XX вв.) (с. 91–106)

А.В. Ипатов. К вопросу об источниках белорусской “Повести о Трыщане” (с. 107–117)

А.В. Иванова. Иконопись как источник по истории архитектуры и градостроительства: Критический обзор историографии (с. 118–136)

НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Надгробные надписи

Е.П. Макарова. Надгробные надписи XVIII в. как исторический источник: Постановка проблемы (с. 137–147)

Периодическая печать

Н.А. Волощенко. Советская периодическая печать как источник по истории взаимоотношений государства и Церкви во второй половине 1927 г. (с. 148–158)

С.В. Ведюшкина. Первые месяцы Гражданской войны в Испании в освещении центральных советских газет (с. 159–192)

С.Н. Зверева. Советская внешнеполитическая карикатура 1930-х годов: Опыт источниковедческого исследования (с. 193–218)

А.А. Петров. Движение за гражданские права в Северной Ирландии 1968 г. на страницах мемуаров Б. Девлин и в освещении прессы (с. 219–230)

Городские легенды

А.С. Кукатова, Е.Н. Майер. Легенды о Москве: Проблемы классификации и опыт создания базы данных (с. 230–242)

Выпуск 2 (М., 2004)

НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Мемуары

Н.В. Коваленко. Рассказ о перевороте 1762 г. в мемуарах Екатерины II и Е.Р. Дашковой: Композиция и упоминание имен заговорщиков (с. 7–22)

А.В. Куррянов. Мемуары П.Н. Милюкова как источник по истории Первой мировой войны (с. 23–48)

А.А. Михайлов. Воспоминания Н.Л. Смирновой (1907–1984): Знакомство с новым мемуарным источником (с. 49–69)

Записки путешественников и дипломатов

Е.В. Добрусина. К проблеме восприятия “чужого” в записках иностранцев о России начала XVII в. (с. 70–76)

Н.М. Сумерина. “Африканский дневник” Н.С. Гумилева как исторический источник (с. 77–88)

И.Ю. Медников. Воспоминания Ю.Я. Соловьева о дипломатической службе в Испании (1912–1918 гг.) (с. 89–116)

М.С. Яковлев. Уругвайский дипломат Эмилио Фругони о Советском Союзе 1944 г. (Исследование и перевод) (с. 117–146)

М.В. Ковалева. Путешествие Дж. Стейнбека в СССР 1947 г.: Работа ВОКСа и советская повседневность глазами автора “Русского дневника” (с. 147–166)

Письма

М.А. Петрова. Переписка Екатерины II и Иосифа II как исторический источник (с. 167–193)

С.Б. Вольфсон. Письма И.В. Турчанинова и его жены к А.И. Герцену и методика источниковедческого изучения писем (с. 194–218)

Е.А. Святогорова. Организация “Помощь политическим заключенным” и выезд политпреступников за рубеж в 1930 г. (с. 219–238)

Выпуск 3 (М., 2006)

ДРЕВНИЙ МИР И СРЕДНИЕ ВЕКА

Д.И. Суруевков. Категория времени в хронике Комита Марцеллина (с. 9–52)

С.А. Денисов. Батальные описания в тексте “Повести временных лет” за X–XI вв.: Опыт датировки по структуре (с. 53–81)

НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

А.В. Лазарева. Немецкие иллюстрированные листовки Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.): Образ солдата-наемника (с. 82–113)

Е.В. Горбунова. У. Гладстон и Б. Дизраэли глазами русских либералов и консерваторов: Обзор данных периодической печати (с. 114–130)

И.Ю. Медников. Материалы Архива внешней политики Российской империи по истории испанского нейтралитета (1914–1918 гг.): Состав, форма и содержание документов (с. 131–171)

Е.О. Гранцева. Журнал “Cuadernos para el Diálogo” как источник по истории “интеллектуальной оппозиции” франкистскому режиму в Испании 1960–1970-х годов (с. 172–187)

М.А. Мельниченко. Образ В.И. Ленина в советском политическом анекдоте (с. 188–216)

Summaries

Ancient World

Anna A. Krasova. Historical-Writing of Assyria of the 14th–7th centuries B.C.: The diversity of genres (p. 7–36)

The purpose of the article is to follow the diversity of forms of historical-writing in Middle and Neo-Assyrian kingdoms. The most well-known historical genre here are royal inscriptions and annals. Their purpose, form, structure, formulaic, datings, mechanisms of preterition and biased nature are treated in the article. The author also analyses such forms of historical-writing as military reports to gods, chronicles and lists of eponyms with historical notes.

Middle Ages and Early Modern Time

Aleksandr K. Gladkov. John of Salisbury in France in the First Half of the 12th Century: An analysis of chapter II: 10 of His *Metalogicon* (p. 37–59)

The article is dedicated to the reconstruction of chronological and geographical sequence of events, connected with John of Salisbury's study in France in 1136–1148. The analysis of John's *Metalogicon* (finished in 1159), together with *Metamorphosis Goliae Episcopi* and William of Tyre's *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*, proved C. Schaarschmidt's hypothesis that John of Salisbury studied grammar under William of Conches not in Paris, but in Chartres. The author also supposes that John returned (*reversus*) to Paris after his study under William (1138–1141) and other masters not in 1141–1142, but in 1144. This hypothesis explains some contradictions in the text of II: 10 of *Metalogicon* and throws new light on the biography of the scholastic in general.

Julia F. Igina. Hell, Devil, Witch and “Unlucky Simpleton”: Anti-witchcraft pamphlet as an Influence Tool on an Ordinary Mind (p. 60–83)

The article presents a study of the problem of pamphlet literature's influence on the perception of witchcraft and witch-hunt in English 16th-century society. The author investigates the pamphlet as a particular kind of source on medieval witchcraft, and considers that such stud-

ies can clarify the official and dominating culture's methods of influence on social perception. The article is based on the study of a pamphlet on the events of an invented witchcraft case in Middlesex in 1592. The central thesis of the article is the following: antiwitchcraft pamphlets were more than indicators of the state's public opinion and a mirror of the common attention to the problem of the witches' existence, they were also the dominating culture's instrument to influence the public opinion according to state and church policy.

The Twentieth Century

Mikhail A. Melnichenko. The Idea of the Role of Jews in the Revolution of 1917 in the Political Anecdotes of the First Soviet Decade (p. 84–97)

The stereotype that the Jews played a leading role in the revolutionary movement in Russia and in the political elite of the early Soviet State was reflected in a number of political jokes (anecdotes). The article is based on the texts found in diaries of the contemporaries as well as in some emigrants' publications. The author argues that the main body of such texts, where words 'bolshevick' and 'Jew' are treated as synonyms, appeared before 1927. In this year the real percentage of Jews in Soviet political elite was very much reduced, and the anecdotes started to treat Jews more as victims of the regime than as aggressors.

Ekaterina P. Makarova. The Campaign Against Illiteracy: ABC-books for adults and methods of teaching (p. 98–108)

The *Campaign Against Illiteracy* was one of the most important enterprises of the Soviet Power after the Russian Revolution of 1917. Teaching to read, write and count was at the same time the political education. Some twenty ABC-books for adults which were published during the 1920s are an important source for the history of Soviet ideology and propaganda. To understand this source well one must study the very methods of teaching of adults which were practiced in the 1920s and the discussions about them. The article follows how these methods were elaborated, discussed and realized in the ABC-books. Such methods as letter, syllable and word ones were discussed, and by the end of the 1920s the 'analytic-synthetic method of whole words and syllables with a sound elaboration' became the only method of teaching adults.

Nadezhda V. Kovalenko. Soviet Newspapers on the Fall of the Right Opposition in the 16th Conference of the C.P.S.U.(B.): A comparative analysis (p. 109–153)

The author undertakes a comparative analysis of the articles in Soviet newspapers dedicated to the fall of the Right Opposition in the 16th Communist Party Conference (which finished on the 29th of April, 1929). The author undertakes a detailed analysis of structure, logic, wordings and rhetoric of each article, compares them and makes conclusions concerning purposes of the newspapers. Newspapers “*Pravda* [Truth]”, “*Bednota* [The Rural Poor]”, “*Izvestia* [News]”, “*Ekonomicheskaya zhizn'* [Economic Life]”, “*Selskokhozyaystvennaya gazeta* [Agricultural Gazette]” and “*Torgovo-promyshlennaya gazeta* [Trade and Industrial Gazette]” are analyzed. The first part of the article is dedicated to the comparison of the editorials of the issues for 30 April, 1929. The second, smaller part of the article is concerned with the descriptions of the meetings of the Party activists of Moscow and Leningrad dedicated to the fulminating of the Right. Texts from the newspapers of 1929 are printed as an appendix to the article.

Maria V. Romashova. The Magazine ‘*Rabotnitsa*’ as a Source for the History of Soviet Childhood (1945–1953) (p. 154–171)

The article treats the magazine “*Rabotnitsa* [Woman-Worker]” as a source for the history of childhood in the Soviet Union. The author reconstructs the collective image of Soviet childhood as it is represented in the magazine. It is also studied how the magazine represents the problems of childhood and how its information correlates with the reality of the Soviet society after the Second World War.

Alina V. Suvorova, Natalia M. Sumerina. Soviet Periodicals for Children as a Historical Source (the Magazines ‘*Kostyor*’ and ‘*Pioner*’) (p. 172–195)

The issues for 1945 and 1962 of the Soviet magazines “*Kostyor* [Camp-Fire]” and “*Pioner* [Young Pioneer]” are studied here as historical sources. The table of contents of every issue is studied – to see which topics had priority, which were the rubrics and in which order the items were placed. The materials on the situation inside the USSR and outside it (in ‘socialist’ and ‘capitalist’ countries) are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the ratio of publicism and fiction in each issue and on each topic, as well as to the role of artwork in the magazines. The main purpose of the article is to follow the mecha-

nisms of Soviet propaganda as it worked in the structure and the visual appearance of the magazines for children. Facsimiles of some pages of the magazines are given as an appendix to the article.

Ekaterina V. Surovtseva. 'Letters to Chiefs' as a Source for the History of Russian Literature: writers addressing to officials, 1917–1953 (p. 196–223)

The article is dedicated to the phenomenon of 'letters to chiefs' – the written addresses of Soviet writers to high officials of the Soviet State, such as Lenin, Stalin, Lunacharsky and others. The main purpose of the article is to classify these texts and to analyze their particular groups. The following groups of 'letters to chiefs' are followed: 'letter-invective', 'letter-declaration', 'letter-lampoon', 'letter-complaint / petition / excuse', 'letter-panegiric / letter expressing joy / report on the work done', 'letter-denunciation', 'letter-satyre'. The analysis of the 'letters to chiefs' throws new light on the difficult problem of 'the artist and the power'.

Mikhail I. Smirnov. The Memoirs of Georgy F. Khar'kovtsov as a Historical Source (p. 224–245)

The article is dedicated to the unpublished memoirs of Georgy Fedorovich Khar'kovtsov (1912–2002) which were written in the 1980s and the early 1990s. The text consists of two main parts. The first one is dedicated to the life in a village in the South of Russia during the Collectivization. The second part is dedicated to the Second World War. The appearance of the manuscript, the process of writing and the structure of the memoirs are studied in the article.

Научное издание

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 4

Утверждено к печати Научно-образовательным центром по истории при
Институте истории Государственного университета гуманитарных наук и
Институте всеобщей истории РАН

Оригинал-макет: Т.В. Гимон

Замечания и вопросы присылать по адресу: guimontv@mail.ru.

Сайты ИИ ГУГН: www.history.gugn.ru;
www.gugn.info/history.html.

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 23.06.2008 г.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 16 п.л. Тираж 250 экз.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, 119334, Ленинский пр-т 32а